

719
21.
-44
x.
809^е
8

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЁТЕ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. А. Холодновскаго.

Съ портретомъ Вольфганга Гёте, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Изданіе 2-е.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

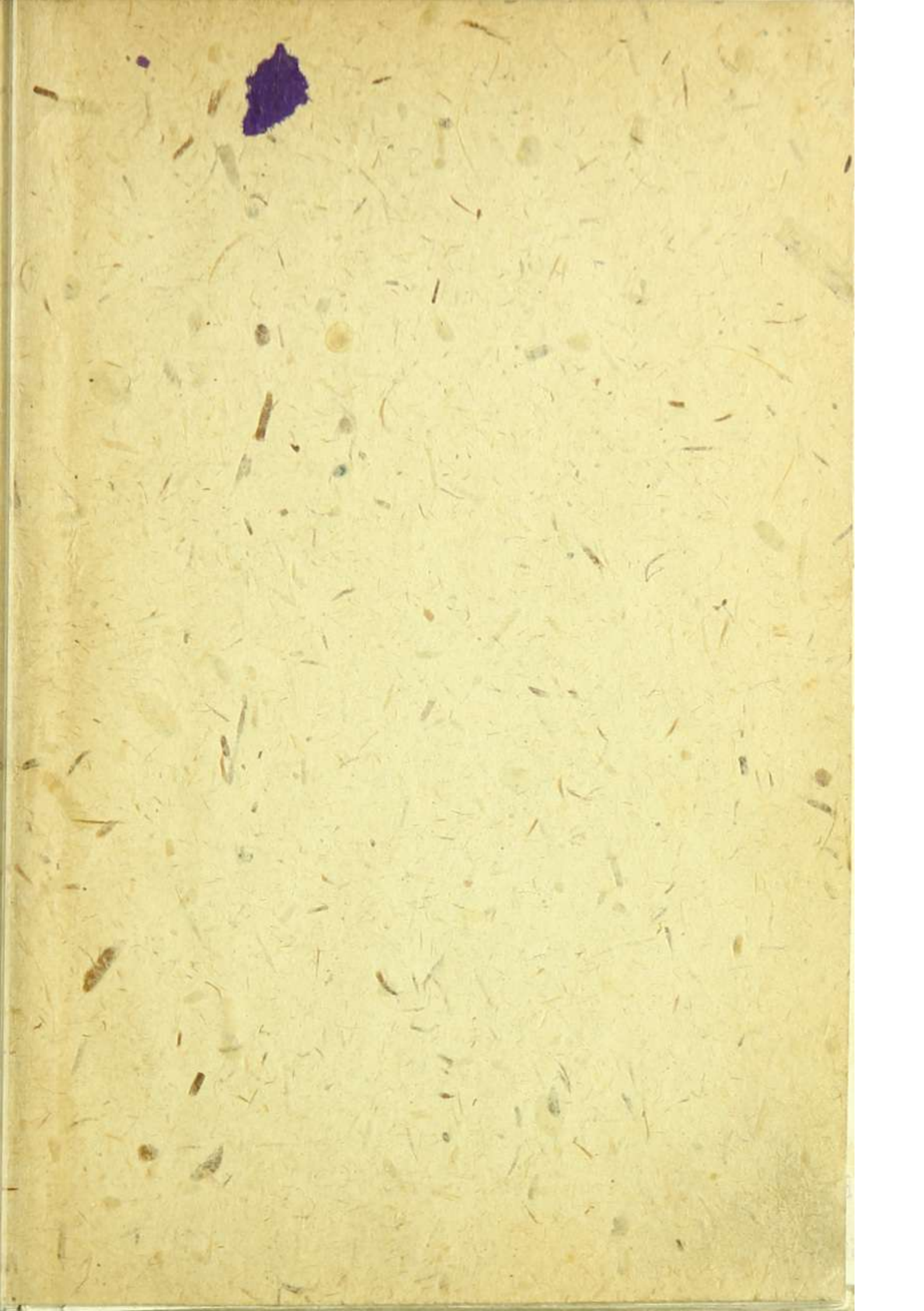
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

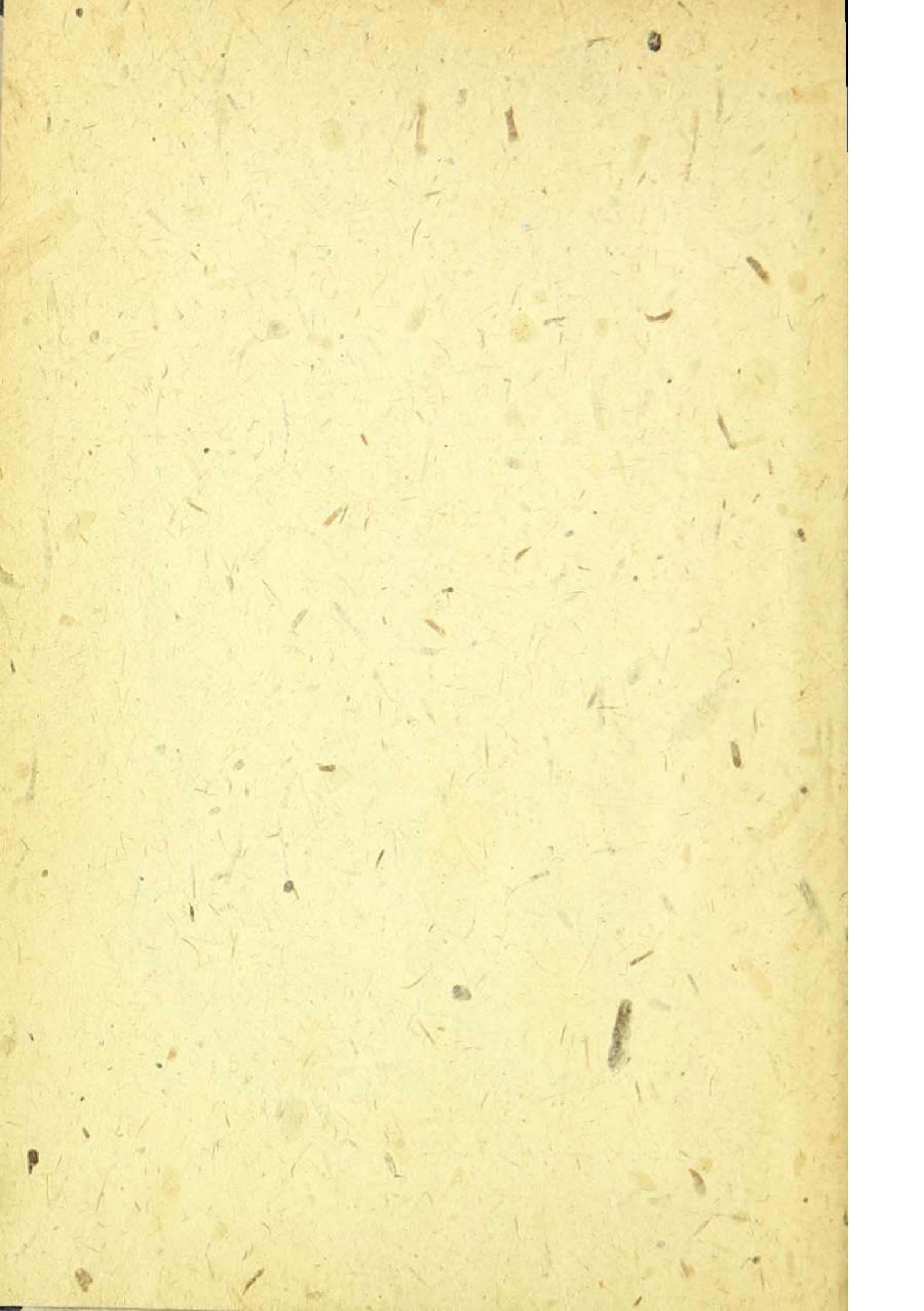
1902.

1937 г.

Проектный 1338 г.

1939 г.

ПРОВЕРЕНО

Отдел 921.
5-44

№ 219.
X.

0418/11

ПЕРВОУЧЕТНОЙ ФОНД
МАС. ОТД.
ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА.

БИБЛИОТЕКА
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
ОТДЕЛА

„РЫБИНСКОЙ“

41

В. Гёте.

83.3 (4Гем)
X 73
X
809

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

809 1/2
Г 44

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕТЕ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. А. Холодковскаго.

3140
9381

61

62

65

Съ портретомъ Вольфганга Гете, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Издание 2-е.

ЦѢНА 25 КОП.

**КОЛЛЕКЦИЯ
В. И. ЗОРКИНА**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1902.

БИБЛИОТЕКА
КУЛЬТУРНО-НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ОТДЕЛА
"РЫБНОСТРОЙКИ"

48

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

103480 -

97PK

МБ. «ГЦ» ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Октября 1901 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
И. В. ЗОРКИНА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	5
I. ДѢТСТВО И РАННЯЯ ЮНОСТЬ (1749—1765)	7
Предки и семья Гете. — Характеры его отца и матери. — Перестройка дома. — Начало ученія. — Религіозныя сомнѣнія. — Семилѣтняя война и французское нашествіе. — Быстрое развитіе молодого Гете. — Эпизодъ съ Гретхенъ. — Переходъ отъ дѣтства къ юности.	
II. СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ (1765—1771)	14
Гете въ Лейцигѣ. — Университетскія впечатлѣнія и городскія знакомства. — <u>Любовь къ Кетхенъ Шенкопфъ.</u> — Знакомство съ Барришемъ. — Вліяніе Эзера. — Поѣздка въ Дрезденъ. — Занятія искусствами и литературою. — Лейцигскія стихотворенія и драматическія произведенія Гете. — Болѣзнь, возвращеніе во Франкфуртъ, медленное выздоровленіе, занятія алхиміей. — Переѣздъ въ Страсбургъ. — Страсбургскій обѣденный кружокъ. — Занятія естествознаніемъ и медициною. — Знакомство съ Гердеромъ. — <u>Любовь къ Фридерикѣ Брионъ.</u> — Защита юридической диссертациі и возвращеніе во Франкфуртъ.	
III. ФРАНКФУРТЪ И ВЕЦЛАРЪ (1771—1775)	24
Письмо Фридерики. — Странствованія пѣшкомъ по окрестностямъ Франкфурта. — Сближеніе съ Меркомъ. — Вецларъ и юридическая практика. — <u>Любовь къ Шарлоттѣ Буффъ.</u> — Семейство Ларошъ. — Выходъ въ свѣтъ «Геца». — «Страданія молодого Вертера». — Колоссальный успѣхъ «Вертера». — Слава Гете. — Знакомства съ знаменитостями. — Посѣщеніе Кнебеля и знакомство съ Веймарскими принцами. — <u>Любовь къ Лили Шенеманъ.</u> — Помолвка. — Путешествіе въ Швейцарію. — Разрывъ съ Лили. — Гете уѣзжаетъ въ Веймаръ.	
IV. ПЕРВЫЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ГѢТЕ ВЪ ВЕЙМАРѢ (1775—1786)	30
Веймарскій дворъ. — Празднества, веселье, «геніальничанье». — Поворотъ къ болѣе спокойному образу жизни. — Баронесса фонъ-Штейнъ. — Гете ищетъ уединенія. — Первая поѣздка на Гарцъ. — Поѣздка въ Берлинъ. — Государственная и поэтическая дѣятельность. — Путешествіе съ герцогомъ въ Швейцарію. — Измѣненіе	

0415

въ характеръ Гете.—Разносторонность его.—Занятія минералогіей, остеологіей и ботаникой.—Внутренняя неудовлетворенность.—Поѣздка въ Карлсбадъ и внезапный отъѣздъ въ Италію.

V. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ИТАЛІЮ И ПЕРВЫЯ ШЕСТЬ ЛѢТЪ ПО ВОЗВРАЩЕНІИ (1786—1794) 42

Верона, Виченца, Венеція, Болонья.—Первое пребываніе въ Римѣ.—Знакомство съ художниками.—Неаполь.—Путешествіе въ Сицилію и возвращеніе черезъ Неаполь въ Римъ.—Занятія искусствами.—Любовь къ прекрасной миланкѣ.—Литературные труды.—Возвращеніе въ Веймаръ.—Вліяніе итальянскаго путешествія на характеръ, взгляды и дѣятельность Гете.—Охлажденіе между Гете и Веймарскимъ обществомъ.—Христина Вульпіусъ.—Разрывъ съ г-жею Штейнъ.—Занятія ботаникою, оптикою и остеологіей.—Поэтическая дѣятельность.—Политическія затрудненія.—Походъ во Францію и возвращеніе.—Осада Майнца.

VI. ГЕТЕ И ШИЛЛЕРЪ (1794—1805) 54

Первыя встрѣчи Гете съ Шиллеромъ.—Свиданіе въ Іенѣ и начало сближенія.—Шиллеръ гоститъ въ Веймарѣ, и дружба его съ Гете окончательно устанавливается.—Ободряющее вліяніе Шиллера на Гете и подъемъ поэтической дѣятельности послѣдняго.—«Ксенія», «Германъ и Доротея», продолженіе «Фауста».—Новый упадокъ дѣятельности Гете и причины этого упадка.—Смерть Шиллера.

VII. ГЕТЕ ВЪ ПОСЛѢДНЕЙ ТРЕТИ СВОЕЙ ЖИЗНИ 60

Приближеніе старости.—Политическія волненія.—Іенская битва и вторженіе французовъ въ Веймаръ.—Гете женится на Христинѣ Вульпіусъ.—Поѣздки въ Карлсбадъ.—Минна Герцлибъ, Беттина Brentano и сонеты Гете.—Эрфуртскій конгрессъ и аудіенція Гете у Наполеона I.—Выходъ въ свѣтъ первой части «Фауста».—Война за освобожденіе.—Маріанна Виллемеръ и «Западно-восточный Диванъ».—Женитьба сына Гете.—Поѣздки въ Мариенбадъ и Ульрика фонъ-Левецовъ.—Эккерманъ.—Послѣдніе годы жизни Гете.—Вторая часть «Фауста».—Послѣдняя болѣзнь и смерть Гете.

VIII. ГЕТЕ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ДѢЯТЕЛЬ 70

Личный характеръ Гете.—Его нравственность, религія, философскія и политическія убѣжденія.—Гете, какъ художникъ и поэтъ.—Его стихотворенія и главнѣйшія крупныя произведенія.—Гете, какъ естествоиспытатель.—Многосторонность его дѣятельности.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жизнь Гете настолько богата событіями, впечатлѣніями и кипучею дѣятельностію, что, по собственному сознанію лучшихъ біографовъ его, до сихъ поръ еще не существуетъ ни одного достаточно полного и вполне удовлетворительнаго жизнеописанія этого великаго человѣка. Тѣмъ менѣе можетъ претендовать на подобное значеніе краткій біографическій очеркъ, задачей котораго долженъ быть лишь добросовѣстный обзоръ главнѣйшихъ событій въ жизни Гете и хода его умственнаго развитія, а также сжатая, но по возможности полная общая характеристика его, какъ человѣка и дѣятеля. Предлагаемый очеркъ состоитъ изъ восьми главъ, изъ которыхъ первыя семь посвящены собственно жизнеописанію великаго поэта, а восьмая заключаетъ въ себѣ сильную характеристику его. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приведены выписки изъ стихотвореній Гете въ переводѣ составителя этой біографіи.

Изъ огромной литературы, посвященной Гете и его произведеніямъ, укажемъ на слѣдующія сочиненія:

1) *Goethe. Wahrheit und Dichtung meines Lebens.* Въ русскомъ переводѣ эта автобіографія Гете помѣщена въ X томѣ Гербелевскаго изданія сочиненій Гете, подъ заглавіемъ: «Поэзія и правда моей жизни».

2) *Viehoff*. Goethe's Leben, Geistesentwicklung und Werke. 4 B-de. 5-te Auflage, Stuttgart. 1887.

3) *Düntzer*. Goethe's Leben. Leipzig. 1883.

4) *Lewes*. Life and works of Goethe. London. 1855, 2 vols.
Есть русскій переводъ со 2-го англійскаго изданія (Жизнь В. Гете. Соч. Льюиса, пер. Невѣдомскаго. Спб. 1868).

5) *Saupe*. Goethe's Leben und Wirken in chronologischen Tafeln. Gera und Leipzig. 1866.

6) *Grimm*. Vorlesungen über Goethe. Berl. 3 Aufl. 1882.

7) *Eckermann*. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 3 B-de. Leipzig, Reclam's Universal-Bibliothek. Въ настоящее время вышло въ переводѣ на русскій языкъ г. Аверкіева.

Дѣтство и ранняя юность (1749—1765).

Предки и семья Гете. — Характеры его отца и матери. — Перестройка дома. — Начало ученія. — Религіозныя сомнѣнія. — Семилѣтняя война и французское нашествіе. — Быстрое развитіе молодого Гете. — Эпизодъ съ Гретхенъ. — Переходъ отъ дѣтства къ юности.

28-е августа 1749 года было счастливымъ днемъ для германской поэзіи: въ этотъ день, вмѣстѣ съ послѣднимъ ударомъ часового колокола, возвѣщавшаго полдень, явился на свѣтъ будущій великій поэтъ Гете. Ребенокъ при рожденіи едва не задохся, и только усиленныя старанія окружающихъ привели его въ чувство.

Юганнъ-Вольфгангъ Гете (таково полное имя великаго поэта) былъ первенцомъ зажиточной и довольно знатной супружеской четы, занимавшей видное мѣсто въ обществѣ вольнаго имперскаго города Франкфурта на Майнѣ. Отецъ поэта, Юганнъ-Каспаръ Гете, хотя не занималъ въ городѣ никакой общественной должности, но имѣлъ званіе имперскаго совѣтника и былъ женатъ на Екатеринѣ-Елизаветѣ урожденной Тексторъ, дочери Юганна-Вольфганга Текстора, который былъ городскимъ судьей, т. е. высшимъ сановникомъ Франкфурта.

Нѣмецкіе изслѣдователи прослѣдили родословное дерево фамиліи Гете до середины пятнадцатаго столѣтія. Мы не будемъ здѣсь воспроизводить эту генеалогію; укажемъ только, что фамилія Геце или Гете происходила изъ югозападной Германіи и имѣла въ числѣ своихъ представителей въ разное время нѣсколькихъ поэтовъ, музыкантовъ и живописцевъ. Прадѣдъ Вольфганга Гете (съ отцовской стороны) былъ кузнецомъ въ Артернѣ, въ графствѣ Мансфельдъ; сынъ его Фридрихъ-Георгъ былъ портнымъ и пріобрѣлъ права Франкфуртскаго гражданства; младшій сынъ Фридриха-Георга Гете былъ Юганнъ-Каспаръ—отецъ нашего поэта.

Отецъ Гете былъ человѣкъ съ большимъ характеромъ, весьма умный и начитанный, по профессіи юристъ (докторъ правъ), но съ одностороннимъ образованіемъ и съ нѣсколько ограниченнымъ кругозоромъ. Путешествіе въ Италію, которое онъ совершилъ на тридцатомъ году своей жизни, сдѣлало его глубокимъ почитателемъ клас-

сическаго міра и искусства; виды Рима постоянно украшали его комнаты и съ дѣтства глубоко врѣзались въ памяти его геніальнаго сына. Любовь къ труду, твердость въ убѣжденіяхъ, постоянство симпатій и антипатій, неуклонное преслѣдованіе разъ поставленной цѣли, — вотъ характерныя свойства Іоганна-Каспара Гете, этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго и достойнаго, хотя и нѣсколько сухого человѣка.

Совершенно инымъ характеромъ отличалась мать великаго поэта—Екатерина-Елизавета Гете. Веселый, живой и открытый нравъ, умѣнье отыскивать во всемъ хорошую сторону, неистощимая фантазія—таковы были ея природныя свойства. Не получивъ систематическаго образованія, которое въ тѣ времена рѣдко было удѣломъ женщинъ, она сама образовала и развила себя чтеніемъ и посѣщеніемъ театра. Выйдя замужъ семнадцати лѣтъ за почти сорокалѣтняго совѣтника, она всей душой привязалась къ своему геніальному первенцу и, такъ сказать, нравственно росла и развивалась вмѣстѣ съ нимъ. Любимымъ ея развлеченіемъ было рассказывать маленькому Вольфгангу сказки, которыя она сама сочиняла; при этомъ она нерѣдко останавливала рассказъ, обѣщая докончить его на слѣдующій день, чѣмъ еще болѣе разжигала интересъ ребенка, который носился съ предположеніями относительно дальнѣйшихъ событій въ сказкѣ. «Свои мысли, пишетъ мать Вольфганга, онъ повѣрялъ бабушкѣ, а та передавала мнѣ, и я примѣняла продолженіе рассказа къ его мыслямъ». Такимъ путемъ она развивала своимъ материнскимъ инстинктомъ фантазію и поэтическія наклонности сына. Вольфгангъ горячо любилъ свою мать и, безъ сомнѣнія, отъ нея наслѣдовалъ лучшія стороны своего душевнаго склада. Отца онъ любилъ менѣе, хотя и признавалъ, что обязанъ ему многимъ. Свое отношеніе къ родителямъ и предкамъ поэтъ какъ нельзя лучше выразилъ въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи, чрезвычайно милымъ и игривомъ:

«Отцу обязанъ ростомъ я,
Серьезной въ жизни цѣлью,
Отъ матушки—любовь моя
Къ рассказамъ и къ веселью.

Мой дѣдъ красавицамъ былъ радъ,
И я въ томъ грѣшенъ, каюсь;

Любила бабушка нарядъ,
И я,—не отрекаюсь.

И если въ цѣломъ части всѣ
Срослись такъ радикально,—
То вотъ оно во всей красѣ:
Что въ немъ оригинально?»

Кромѣ Вольфганга, у супруговъ Гете были и другія дѣти, которыя, впрочемъ, всѣ умерли весьма рано, за исключеніемъ дочери Корнеліи, которая была моложе Вольфганга на годъ. Корнелія была

весьма умная, даровитая и живая дѣвочка, которая развивалась вмѣстѣ съ братомъ и горячо любила его. Къ сожалѣнію, она была некрасива, тогда какъ Вольфгангъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавцемъ ребенкомъ, съ великолѣпными темнокаштановыми кудрями и большими черными глазами. Изъ родныхъ въ домѣ жила бабушка (мать отца)—тихая и добрая женщина, которая умерла, когда Вольфгангу было всего пять лѣтъ, незадолго до своей смерти подаривъ дѣтямъ на елку роскошный кукольный театръ, произведшій на мальчика громадное впечатлѣніе.

Домъ, въ которомъ протекло дѣтство поэта, былъ старый, неуклюжій домъ, представлявшій собою, собственно, соединеніе двухъ флигелей. При немъ не было сада, замѣнъ котораго держали много растений на окнахъ одной изъ комнатъ второго этажа. Эта такъ называемая *садовая* комната была любимымъ мѣстомъ уединенія маленькаго Вольфганга: изъ оконъ ея онъ смотрѣлъ на сады сосѣдей и на равнину, разстилавшуюся за ними, слѣдилъ за облаками, бѣгущими по небу, любовался на солнечный закатъ. Другою любимою комнатою дѣтей, служившею имъ мѣстомъ игръ, были обширныя сѣни въ нижнемъ этажѣ.

Въ мрачномъ, старомъ домѣ тихо протекли первыя пять лѣтъ жизни поэта. Дѣтскія игры, сказки матери, первые уроки чтенія и объясненія римскихъ видовъ изъ устъ отца, который становился словоохотливымъ, когда дѣло касалось Италіи,—вотъ все, что наполняло этотъ ранній періодъ жизни Вольфганга. Со смертью бабушки наступили важныя перемѣны. Прежде всего отецъ Гете приступилъ къ перестройкѣ дома, причемъ дѣти получили цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній; наконецъ пришлось отправить ихъ на время къ сосѣдямъ и продолжать начатое ученіе, отдавъ ихъ въ школу. При этихъ условіяхъ Вольфгангъ получилъ много случаевъ знакомиться съ жизнью внѣ дома. Франкфуртъ, какъ старый историческій городъ съ своеобразною фізіономіею, представлялъ много интереснаго для наблюдательнаго и любопытнаго мальчика, который или одинъ, или съ товарищами обѣгалъ все кварталы и ближайшія окрестности. Лавки, рынокъ, старинныя зданія, ратуша, соборъ, ярмарки, разныя городскія празднества, носившія средневѣковой характеръ,—все это было предметомъ ненасытнаго любопытства Вольфганга и производило на него романтическое впечатлѣніе.

Наконецъ домъ былъ перестроенъ, и молодой Гете возвратился опять въ родное гнѣздо; возобновилось также и домашнее ученіе.

Мальчикъ оказывалъ особенныя способности къ языкамъ, хотя грамматики не любилъ. Онъ сталъ много читать и излагать свои мысли письменно, къ чему его усердно приучалъ отецъ; скоро началъ онъ писать и стихи. Подъ вліяніемъ чтенія всевозможныхъ книгъ, частью изъ отцовской библіотеки, частью купленныхъ въ лавочкахъ букинистовъ, развитіе мальчика, приближавшагося къ десятилѣтнему возрасту, быстро шло впередъ. вмѣстѣ съ другими вопросами его волновали и религіозныя. Еще въ 1755 г., т. е. на шестомъ году жизни, когда пришла страшная вѣсть о лиссабонскомъ землетрясеніи, Вольфгангъ былъ потрясенъ мыслью, что при этомъ Богъ наказалъ одинаково и добрыхъ, и злыхъ; сильно смущало его также существованіе многочисленныхъ сектъ, изъ которыхъ каждая толковала св. Писаніе и разные религіозныя вопросы на свой ладъ. Геніальному ребенку пришла мысль по своему приблизиться къ Богу, котораго онъ считалъ стоящимъ въ непосредственной связи съ природою. И вотъ онъ строитъ у себя въ комнатѣ алтарь изъ разныхъ естественныхъ произведеній и приноситъ утромъ жертву, зажигая на этомъ алтарѣ курительную свѣчку. Въ семилѣтнемъ Гете виденъ ужъ былъ будущій пантеистъ!

Поэтическія наклонности обнаружилась въ Вольфгангѣ также весьма рано и выразились прежде всего въ томъ, что онъ, по примѣру своей матери, сочинялъ сказки и разсказывалъ ихъ своимъ сверстникамъ, выдавая плоды своей фантазіи за дѣйствительность. Изъ такихъ сказокъ сохранилась одна, подъ названіемъ «Новый Парисъ» (1760), гдѣ подъ именемъ Париса фигурируетъ самъ Вольфгангъ. Съ жадностью читалъ онъ также произведенія разныхъ поэтовъ и въ особенности восхищался только что появившеюся тогда «Мессіадою» Клопштока, къ большому неудовольствію отца, который бѣлые стихи не признавалъ даже стихами.

Мирное теченіе дѣтскихъ лѣтъ поэта было въ значительной степени нарушено событіями знаменитой семилѣтней войны, которая началась въ 1756 г., когда Вольфгангу едва минуло семь лѣтъ. Прежде всего обнаружился по этому поводу разладъ между семействомъ Гете и семьею его знатнаго дѣда—городскаго судьи. Отецъ Гете, какъ и вся его семья, стоялъ за Фридриха Великаго и восхищался его подвигами, а дѣдъ былъ на сторонѣ австрійцевъ. Вольфгангъ, въ качествѣ старшаго внука и крестника, по воскресеньямъ обѣдалъ у дѣдушки и долженъ былъ тамъ выслушивать самые оскорбительные отзывы о Фридрихѣ, котораго онъ глубоко почиталъ, какъ

героя. Это произвело на него очень дурное впечатлѣніе: онъ видѣлъ, какъ люди, подъ вліяніемъ предубѣжденія, не признаютъ даже очевиднѣйшихъ подвиговъ и заслугъ, и это вселило въ него навсегда нѣкоторое недовѣріе и презрѣніе къ мнѣнію толпы. Война, между тѣмъ, разгоралась все болѣе и болѣе, и въ 1759 году французы, союзники австрійцевъ, вступили во Франкфуртъ. Войска ихъ были размѣщены на постой въ квартирахъ франкфуртскихъ гражданъ; въ домѣ Гете, какъ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ города, занялъ нѣсколько комнатъ королевскій лейтенантъ графъ Торанъ. Отецъ Гете крайне былъ раздраженъ этими событіями, и въ теченіе пребыванія французовъ во Франкфуртъ, которое длилось слишкомъ два года, домашнимъ стоило не мало труда приводить къ благополучному концу разныя столкновенія между хозяиномъ дома и его невольнымъ квартирантомъ, человѣкомъ весьма деликатнымъ и хорошо образованнымъ. Ученіе дѣтей въ этотъ безпокойный періодъ поневолѣ должно было почти совсѣмъ прекратиться; но Вольфгангъ сумѣлъ извлечь пользу и изъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Торанъ былъ большой любитель живописи и постоянно заказывалъ картины французскимъ художникамъ, превративъ комнату Вольфганга въ мастерскую для живописцевъ. Молодой Гете ознакомился при этомъ со множествомъ картинъ и съ техникою живописи, слушалъ массу разговоровъ о картинахъ и такимъ образомъ сильно развилъ въ себѣ художественный вкусъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выучился онъ и практическому французскому разговору, что было для него тѣмъ легче, что раньше онъ зналъ уже порядочно латинскій и итальянскій языки. Изученію французскаго языка много помогло и частое посѣщеніе театра, гдѣ давались французскія пьесы.

Когда французскій постой былъ наконецъ выведенъ изъ дома Гете, ученіе дѣтей возобновилось и пошло впередъ съ удвоенною энергіею, чтобы наверстать потерянное. Рядомъ съ обученіемъ языкамъ и прочему, не были забыты и искусства, а также и физическое воспитаніе: Вольфгангъ усердно учился рисованію, фортепіанной игрѣ, верховой ѣздѣ, фехтованью. Для лучшаго усвоенія себѣ иностранныхъ языковъ онъ сталъ писать романъ на разныхъ языкахъ въ формѣ переписки между братьями и сестрами, живущими въ разныхъ странахъ. Жадный до всяческаго знанія, Вольфгангъ пожелалъ изучить и древне-еврейскій языкъ, для чего сталъ брать уроки у ректора мѣстной гимназіи Альбрехта. Изученіе еврейскаго языка мало удалось ему, но зато онъ основательно проштуди-

роваль библию, причемъ съ одной стороны возбудились въ немъ съ новою силою разныя религіозныя сомнѣнія, съ другой — возникъ интересъ къ жизни древнихъ евреевъ. Плодомъ этихъ впечатлѣній была эпическая поэма въ прозѣ «Иосифъ», не сохранившаяся и не попавшая въ печать. Въ религіозномъ отношеніи молодой Гете былъ долгое время подъ сильнымъ вліяніемъ дѣвицы Клеттенбергъ, троюродной сестры его матери. Это была кроткая душа не отъ міра сего, глубоко нравственная и религіозная безъ фанатизма. Впослѣдствіи Гете обезсмертилъ ее, описавъ ея характеръ въ «Исповѣди прекрасной души», составляющей вставной эпизодъ въ его романъ «Вильгельмъ Мейстеръ». Вліяніе ея не сдѣлало, однако, Гете вполне религіознымъ юношею; привыкнувъ съ малыхъ лѣтъ самостоятельно мыслить, онъ не могъ подавить въ себѣ разныхъ сомнѣній, хотя и интересовался религіею въ сильной степени и писалъ даже религіозныя оды. Къ числу ихъ относится сочиненное имъ въ 1762 г. стихотвореніе «Сошествіе Іисуса Христа въ адъ», — самое раннее изъ сохранившихся для печати стихотвореній нашего поэта.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, Гете-ребенокъ развивался чрезвычайно быстро, чему способствовали, кромѣ геніальной природы, и окружающія обстоятельства. Богатый знаніями и состоятельный отецъ, охотно учившій своего талантливаго сына всему, чѣмъ тотъ интересовался, добрая и умная мать, умѣвшая блистательно развить живую фантазію Вольфганга, близкое знакомство съ городекою жизнью и съ множествомъ лицъ разныхъ націй, возрастовъ и состояній во время перестройки дома и французскаго нашествія, — все это было въ высшей степени благопріятно для многосторонняго развитія молодого поэта. Слѣдя за его біографіею въ этотъ ранній періодъ его жизни, не знаемъ, чему болѣе удивляться: легкости-ли, съ какою онъ усвоивалъ всякія свѣдѣнія, многосторонности-ли его интересовъ или его гигантской силѣ воли, съ помощью которой десятилѣтній мальчикъ достигъ весьма порядочнаго знанія языковъ, искусствъ и нѣкоторыхъ ремеселъ, которымъ онъ выучился, знакомясь съ бѣднымъ населеніемъ Франкфурта при своихъ прогулкахъ по городу и его окрестностямъ. Всего менѣе способностей обнаруживалъ онъ къ математикѣ, которой не любилъ, всего болѣе — къ языкамъ. Въ виду ранняго развитія Вольфганга, отецъ началъ учить его, въ видахъ подготовки къ будущей карьерѣ (ему хотѣлось, чтобы его сынъ пошелъ по стопамъ отца и сдѣлался юристомъ), — юриспруденціи, заставивъ его для начала выучить юридическій катехизисъ Гоппа.

Въ концѣ разсматриваемаго нами періода въ жизни Гете случился одинъ эпизодъ, которымъ круто обрывается его дѣтство. Эпизодъ этотъ—первая любовь четырнадцатилѣтняго Вольфганга къ молодой дѣвушкѣ изъ мѣщанскаго круга, съ которою онъ познакомился черезъ своихъ сверстниковъ. Дѣло въ томъ, что юные товарищи поэта, желая воспользоваться его талантомъ для своихъ кутежей, доставали ему заказы на разные свадебныя, похоронныя и т. п. стихотворенія «на случай», которыя въ то время были въ большой модѣ. Деньги, добытыя такимъ образомъ, прокучивались сообща. На одномъ изъ такихъ веселыхъ собраній Гете встрѣтился съ милويدною блондинкой лѣтъ шестнадцати, по имени Гретхенъ, которая иногда прислуживала веселящейся компаніи. Гретхенъ сразу произвела на него впечатлѣніе своею красотой, изящною фигуркой и тѣмъ достоинствомъ, съ которымъ она себя держала. Любовь его росла все болѣе и болѣе, и Гретхенъ также выказывала къ нему нѣкоторую симпатію, но вела себя чрезвычайно строго, не позволяя влюбленному мальчику, какъ и другимъ членамъ компаніи, никакихъ излишнихъ вольностей. Наибольшей теплоты достигли ихъ отношенія ко дню коронаціи императора Юсифа II, когда Гете, гуляя вечеромъ по иллюминированнымъ улицамъ Франкфурта подъ руку съ своею возлюбленною, чувствовалъ себя на верху блаженства. На прощанье Гретхенъ поцѣловала его въ лобъ: это былъ ея первый и послѣдній знакъ благосклонности къ молодому поэту, выраженный въ подобной формѣ, такъ какъ имъ болѣе не суждено было свидѣться. На слѣдующее утро встревоженная мать разбудила Вольфганга, приглашая его приготовиться къ неприятному допросу со стороны властей, такъ какъ оказалось, что общество, въ которомъ онъ проводилъ свои вечера, замѣшано въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ,—въ поддѣлкѣ векселей и т. п. Дѣло приняло тѣмъ болѣе неприятный оборотъ, что въ числѣ скомпрометированныхъ молодыхъ людей былъ одинъ, которому Вольфгангъ доставилъ хорошее мѣсто черезъ посредство своего дѣда. Вся эта исторія сильно подѣйствовала на молодого Гете, и хотя изъ слѣдствія выяснилось, что онъ лично ни въ чемъ не виновенъ и не зналъ о дурныхъ поступкахъ своихъ товарищей, однако онъ подвергся сильному, продолжительному нервному разстройству, выразившемуся въ припадкахъ меланхоліи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, однако, сразу излѣчился отъ любви къ своей Гретхенъ, когда узналъ, что дѣвушка, по ея собственному показанію на судѣ, относилась къ нему, какъ къ *ребенку*. Это возо-

рвало самолюбиваго мальчика. «Для меня невыносима была мысль, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, — что дѣвочка, имѣвшая какихъ нибудь два года болѣе, чѣмъ я, отъ роду, могла считать меня ребенкомъ, тогда какъ себѣ самому я казался уже ловкимъ, взрослымъ мужчиною». Болѣзненное состояніе Вольфганга побудило родителей взять ему гувернера, съ которымъ онъ развлекался бесѣдою (рѣчь шла преимущественно о философіи, бывшей спеціальностью гувернера) и прогулками по окрестностямъ Франкфурта. Мало по малу Вольфгангъ приучилъ своего ментора оставлять его наединѣ съ самимъ собою и находилъ утѣшеніе въ созерцаніи природы. Дома онъ привязался всего болѣе къ своей сестрѣ, принимавшей въ немъ самое горячее участіе. Наконецъ здоровье его возстановилось, и въ 1765 году отецъ Гете могъ уже приступить къ осуществленію своей завѣтной мысли о зачисленіи своего сына въ какой нибудь университетъ для изученія юридическихъ наукъ. Вольфгангу хотѣлось заняться вовсе не юриспруденціей, а филологическими науками: онъ уже сознавалъ себя поэтомъ и питалъ серьезныя надежды на литературную славу. Соответственно этому, онъ стремился въ Геттингенскій университетъ, гдѣ преподавали лучшіе нѣмецкіе филологи того времени; но отецъ былъ непреклоненъ и настаивалъ на томъ, чтобы Вольфгангъ отправился въ Лейпцигъ изучать права. Волѣ отца противиться было невозможно, и осенью 1765 г. шестнадцатилѣтній Гете выѣхалъ въ Лейпцигъ, въ первый разъ покинувъ надолго свой родной городъ.

II.

Студенческіе годы (1765—1771).

Гете въ Лейпцигѣ. — Университетскія впечатлѣнія и городскія знакомства. — Любовь къ Кетхенъ Шенкофъ. — Знакомство съ Бэришемъ. — Вліяніе Эзера. — Поѣздка въ Дрезденъ. — Занятія искусствами и литературою. — Лейпцигскія стихотворенія и драматическія произведенія Гете. — Болѣзнь, возвращеніе во Франкфуртъ, медленное выздоровленіе, занятія алхиміей. — Переѣздъ въ Страсбургъ. — Страсбургскій обѣденный кружокъ. — Занятія естествознаніемъ и медициною. — Знакомство съ Гердеромъ. — Любовь къ Фридерикѣ Бріонъ. — Защита юридической диссертаци и возвращеніе во Франкфуртъ.

Гете приѣхалъ въ Лейпцигъ какъ разъ во время ярмарки, въ самое благопріятное время, чтобы ознакомиться во всей полнотѣ съ

проявленіями внѣшней жизни города. Осмотрѣвшись въ новой обстановкѣ, онъ отправился съ рекомендательными письмами къ профессорамъ, и 19 октября былъ записанъ въ «студенты баварской націи», такъ какъ все учащіяся въ университетѣ приписывались къ одной изъ четырехъ «націй», — мейссенской, саксонской, баварской или польской. И здѣсь онъ сдѣлалъ попытку бросить юриспруденцію, чтобы посвятить себя изученію языковъ и изящныхъ искусствъ, но былъ рѣшительно отговоренъ отъ этого профессоромъ Беме, въ домѣ котораго онъ былъ ласково принятъ. Пришлось покориться и начать посѣщать лекціи логики, философіи, исторіи права и другихъ предметовъ, къ которымъ молодой поэтъ, тогда уже врагъ «пустыхъ словъ», ставившій выше всего личный опытъ и наблюденіе, питалъ положительное отвращеніе. «Въ логикѣ, пишетъ онъ, мнѣ показалось страннымъ, для чего слѣдуетъ анатомировать, разлагать и объяснять такія простыя операци и мысли, съ которыми я совершенно свободно привыкъ обращаться съ самаго ранняго дѣтства. О сущности предметовъ, о мірѣ и о Богѣ, казалось мнѣ, профессоръ мой понималъ не болѣе меня». Съ юридическими науками дѣло шло не лучше, и юноша, который началъ было усердно посѣщать и записывать лекціи, вскорѣ сталъ сильно манкировать посѣщеніемъ университета. Впослѣдствіи онъ жестоко осмѣялъ Лейпцигское университетское преподаваніе въ знаменитомъ разговорѣ Мефистофеля съ ученикомъ въ «Фаустѣ». Въ основу ѣдкихъ насмѣшекъ Мефистофеля надъ логикою, метафизикою и юриспруденціей положены, безъ сомнѣнія, именно Лейпцигскія впечатлѣнія Гете.

Разочаровавшись въ университетскихъ лекціяхъ, молодой поэтъ тѣмъ усерднѣе сталъ искать развлеченій въ обществѣ. Здѣсь его ждали на первыхъ шагахъ также нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Прежде всего ему дали замѣтить, что костюмъ его далеко не удовлетворяетъ общественнымъ требованіямъ: хотя платье его было ново и сшито изъ хорошей матеріи, но сидѣло неуклюже и имѣло черезчуръ старомодный покрой. Манеры Гете и его разговоръ также были нѣсколько грубы и рѣзки для такого цивилизованнаго города, какъ Лейпцигъ, въ сравненіи съ которымъ старый Франкфуртъ оказывался провинціальнымъ захолустьемъ. Замѣтивъ неблагопріятное впечатлѣніе, производимое на общество его провинціальнымъ костюмомъ и манерами, самолюбивый юноша поспѣшилъ заказать себѣ модное платье и изгладить недостатки своего

обращенія и разговора, въ чемъ ему охотно помогли дамы, въ особенности госпожа Беме, имѣвшая на него большое вліяніе.

Бесѣды съ послѣднею повели, между прочимъ, къ тому, что Гете усомнился даже въ своихъ поэтическихъ дарованіяхъ,—такъ беспощадно критиковала она тогдашнюю поэзію, въ томъ числѣ и собственныя стихотворенія Гете, которыя онъ ей читалъ, не называя имени автора. Рѣзкіе отзывы ея, а также и нѣкоторыхъ профессоровъ о современныхъ поэтахъ довели бѣднаго юношу до такого отчаянія, что онъ въ одно прекрасное утро сжегъ всѣ юношескія стихотворенія и прозаическія сочиненія, которыя привезъ съ собою изъ Франкфурта. Интересъ къ литературѣ, однако, не угасъ въ немъ: онъ сталъ только искать наиболѣе достойныхъ образцовъ поэзіи и остановился преимущественно на изученіи Виланда и, въ особенности, Шекспира, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

Лейпцигское общество, въ которомъ Гете полировалъ себя въ отношеніи свѣтскаго обращенія, не могло его долго интересовать. Разныя церемоніи, визиты, галантности, обязательная карточная игра, которой необходимо было выучиться,—все это скоро надоѣло живому юношѣ, искавшему высшихъ интересовъ. Поэтому онъ чрезвычайно обрадовался, когда въ Лейпцигъ пріѣхалъ его франкфуртскій знакомый, Юганнъ Шлоссеръ, только что окончившій университетскій курсъ. Шлоссеръ былъ юристъ по профессіи, но сильно интересовался литературой, въ особенности англійской, и самъ кое-что пописывалъ на разныхъ языкахъ. Бесѣды съ нимъ оживили въ Гете подавленное было стремленіе излагать свои мысли въ стихахъ—и стихотворенія вновь полились ручьемъ.

Пріѣздъ франкфуртскаго знакомаго повелъ косвеннымъ образомъ къ нѣкоторымъ новымъ усложненіямъ въ лейпцигской жизни поэта. Шлоссеръ остановился въ домѣ трактирщика Шенкопфа, у котораго обѣдали многіе холостые лейпцигцы, а съ пріѣздомъ Шлоссера сталъ регулярно обѣдать и Гете. Молодому поэту очень понравилась хорошенькая дочь Шенкопфа, Анна-Екатерина, которую звали просто Аннетой или Кетхенъ. Дѣвушка, въ свою очередь, не оставалась глуха къ ухаживаніямъ красиваго студента, и скоро между молодыми людьми возникла настоящая любовь. Гете, однако, скоро началъ капризничать и мучить дѣвушку сценами ревности, ни на чемъ не основанной. Аннета сперва переносила съ терпѣніемъ всѣ его выходки, но наконецъ потеряла терпѣніе и отвер-

улась отъ него, такъ что онъ уже не могъ возвратитъ себѣ ея рас-
 оложенія. Исторію этой своей любви, разумѣется, съ разными из-
 мѣненіями, Гете изобразилъ въ своей комедіи «Хандра влюблен-
 аго»,—первомъ изъ сохранившихся для печати драматическихъ
 роизведеній нашего поэта. Въ горѣ отъ потерянной любви, онъ
 росился въ разгульную жизнь и сильно разстроилъ этимъ свое здо-
 овье. Къ этому времени относится его сближеніе съ нѣкимъ Бэ-
 ишемъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, большимъ оригиналомъ, при-
 имавшимъ дѣятельное участіе въ студенческихъ попойкахъ. Бэ-
 ишь былъ человѣкъ весьма образованный и одаренный бѣдкимъ
 строуміемъ, но довольно безхарактерный. Бэришь имѣлъ на мо-
 оного Гете въ общемъ хорошее вліяніе, во-первыхъ, тѣмъ, что въ
 есѣдахъ съ юношею сообщалъ ему, въ живой и шутливой формѣ,
 ногія свѣдѣнія, а во-вторыхъ—имѣлъ изящный вкусъ и отвра-
 ценіе ко всему грубому. Скорѣе полезно, чѣмъ вредно для моло-
 ого поэта было также и то обстоятельство, что Бэришь, хваля
 го стихотворенія, всегда бралъ съ него, однако, слово, что онъ не
 удеть ихъ печатать, и взамѣнъ того каллиграфически переписы-
 валъ въ изящные томики. Нежеланіе видѣть свои произведенія въ
 печати вкоренилось въ Гете довольно глубоко на нѣсколько лѣтъ и
 предохранило молодого поэта отъ слишкомъ ранняго появленія на
 литературной аренѣ.

Если Бэришь, такимъ образомъ, принесъ своимъ обществомъ
 пользу Вольфгангу, то еще болѣе благотворное и гораздо болѣе глу-
 окое вліяніе имѣлъ на него лейпцигскій знакомый Эзеръ, дирек-
 оръ художественной академіи въ Лейпцигѣ. Гете, страстно увле-
 авшійся живописью еще съ дѣтства, со времянъ занятія Франк-
 урта французами, имѣлъ сильное желаніе выучиться хорошо ри-
 овать, и нужно было, какъ мы увидимъ, много разочарованій
 ля того, чтобы онъ наконецъ убѣдился въ своей малоспособности
 къ этому искусству. Онъ сталъ брать у Эзера уроки рисованія и
 анимался также исторіей искусства. Сильное впечатлѣніе произ-
 елъ на него только что вышедшій въ свѣтъ «Лаокоонъ» Лессинга.
 айкомъ отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ Гете съѣздилъ въ Дрезденъ
 ознакомился тамъ съ знаменитою картинною галлереей. По воз-
 ращеніи изъ Дрездена онъ сталъ заниматься гравированіемъ у гра-
 ера Штока. На ряду съ живописью, Гете сильно интересовался и
 театромъ, который онъ посѣщалъ усердно и въ особенности восхи-
 ался тогдашними пѣвицами — Шмелингъ и Короною Шретеръ.

Гете.

МБУК
 «ГД»
 ФОНД РЕДКИХЪ КНИГ

ПРИМОРСК
 Б. Зеленина, 28

085511
 1888

Увлечение музыкою выразилось отчасти и въ дружбѣ съ семействомъ Брейткопфъ. Одинъ изъ сыновей книгопродавца Брейткопфа положилъ на музыку многія стихотворенія Гете и даже напечаталъ ихъ, правда, безъ обозначенія имени поэта. Въ то же время Гете знакомился съ французскою литературою и переводилъ «Лжеца» Корнеля. Изъ этихъ образцовъ онъ заимствовалъ александрійскій стихъ, которымъ написана вышеупомянутая пьеса «Хантра влюбленнаго» и другая пьеса, относящаяся также къ лейпцигскому періоду жизни нашего поэта—«Совиновники».

Какъ видно изъ всего этого, юный поэтъ интересовался въ Лейпцигѣ всѣмъ, кромѣ своихъ университетскихъ занятій. Неправильная жизнь, которую онъ велъ, обильное употребленіе пива и кофе, а также вдыханіе ядовитыхъ паровъ при урокахъ гравированія на мѣди сильно разстроили его здоровье, и однажды ночью съ нимъ сдѣлался опасный припадокъ кровохарканья, а потомъ появился нарывъ на шеѣ. Кое-какъ поправившись, Гете въ августѣ 1768 года выѣхалъ изъ Лейпцига обратно во Франкфуртъ.

Невесела была встрѣча Вольфганга съ родною семьею по возвращеніи его изъ Лейпцига. вмѣсто здороваго и бодрого юноши возвратился въ родительскій домъ полубольной молодой человѣкъ съ разстроенными нервами и ипохондрическимъ настроеніемъ духа. Всего досаднѣе было такое состояніе сына отцу, который хотя и старался скрыть свое огорченіе, но всячески торопилъ Вольфганга лѣчиться, чтобы взяться за продолженіе столь неудачно начатаго и внезапно прерваннаго юридическаго образованія. Мать и сестра старательно ухаживали за Вольфгангомъ; въ особенности сочувствовала ему сестра, истомившаяся отъ отцовскаго гнета во время пребыванія брата въ Лейпцигѣ: за отсутствіемъ сына, отецъ обратилъ всю свою страсть учить и воспитывать—на дочь, причемъ не только утомлялъ дѣвушку постоянными занятіями, но окончательно лишилъ ее всякой свободы.

Выздоровленіе молодого Гете тянулось медленно; опухоль на шеѣ продолжала его мучить. Въ теченіе этой болѣзни онъ сильно сблизился съ дѣвицею фонъ Клеттенбергъ, которая занимала и утѣшала его религіозными бесѣдами. Въ разговорахъ этихъ собесѣдники, правда, большею частью не соглашались другъ съ другомъ, но всегда бесѣда кончалась совершенно миролюбиво.

Къ числу «благочестивыхъ» собесѣдниковъ принадлежалъ и врачъ, пользовавшій Вольфганга. Врачъ этотъ (имени его Гете не на-

зываетъ) былъ очень оригинальный человекъ и большой любитель алхиміи, которою онъ сумѣлъ заинтересовать и свою пріятельницу, госпожу Клеттенбергъ. Онъ много говорилъ объ извѣстномъ ему таинственномъ «универсальномъ» средствѣ отъ всѣхъ болѣзней, которое онъ примѣняетъ, однако, лишь въ крайнихъ случаяхъ. Когда болѣзнь Вольфганга стала усиливаться, несмотря на энергичное лѣченіе, и наступила опасность смерти, мать юноши потребовала отъ врача, чтобъ онъ пустилъ, наконецъ, въ дѣло свое таинственное лѣкарство. Уступая ей настояніямъ, врачъ далъ больному проглотить растворъ какой-то соли,—и Вольфгангъ, дѣйствительно, тотчасъ же почувствовалъ облегченіе и сталъ быстро выздоравливать. Это чудесное излѣченіе внушило молодому Гете сильный интересъ къ алхиміи, такъ что, едва успѣвъ выздороветь, онъ предался усердному чтенію химическихъ и алхимическихъ книгъ (Парацельза, Гельмонта, Боергава и др.), окружилъ себя ретортами и реактивами и сталъ производить всевозможные химическіе опыты.

Выздоровленіе отъ болѣзни снова поставило на очередь вопросъ о продолженіи университетскаго курса. На этотъ разъ молодому Гете гораздо легче было разстаться съ родительскимъ домомъ, главнымъ образомъ влѣдствіе ухудшенія отношеній съ отцомъ, который иногда чрезвычайно рѣзко выражалъ свое нетерпѣніе по поводу затянувшейся болѣзни сына.

Весною 1770 года нашъ поэтъ выѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ, по плану отца, онъ долженъ былъ закончить университетское образованіе. По прибытіи въ Страсбургъ онъ прежде всего посѣщилъ къ знаменитому собору этого города; осмотрѣвъ его снаружи, онъ взобрался на высокую колокольню, откуда открывался прекрасный видъ на окрестности Страсбурга. Помѣстившись въ небольшой квартирѣ, Гете принялся знакомиться съ новою обстановкою и новыми людьми. Сперва онъ посѣщалъ нѣкоторыя семейства «благочестивыхъ», рекомендованныя ему дѣвицею Клеттенбергъ, но общество этихъ ограниченныхъ людей скоро наскучило ему. Тѣмъ же были связи его съ обѣденнымъ кружкомъ студентовъ, сходявшимся въ столовой двухъ сестеръ Лаутъ—старыхъ дѣвицъ, промышлявшихъ кормленіемъ университетской молодежи. На обѣдахъ этихъ председательствовалъ нѣкто Зальцманъ,—пожилой холостякъ съ хорошими манерами и большимъ тактомъ. Этотъ Зальцманъ указалъ юношѣ кратчайшій путь къ достиженію главной цѣли пребыванія въ Страс-

бургъ,—достиженіе ученой степени, чтобы удовлетворить, наконецъ, настойчивому желанію стараго Гете видѣть своего сына докторомъ правъ. Все дѣло сводилось къ тому, чтобы нанять опытнаго репетитора, хорошо знакомаго съ университетскими порядками и требованіями. Репетиторъ вскорѣ нашелся, и занятія юриспруденціей быстро пошли впередъ, оставаясь, однако, для Гете чѣмъ-то въ родѣ отбыванія неприятной повинности. Гораздо больше, чѣмъ юридическія науки, интересовали его теперь естествознаніе и медицина, чему благопріятствовало въ особенности то обстоятельство, что изъ лицъ, сходящихся за столомъ у сестеръ Лауць, большинство были студенты-медики. И вотъ, Гете усердно посѣщаетъ въ университетѣ лекціи анатоміи и химіи, оставляя ненавистную юриспруденцію въ сторонѣ. Общественная жизнь также интересовала его; онъ принималъ живое участіе въ празднествахъ по поводу въѣзда въ Страсбургъ французской королевы Маріи Антуанеты, посѣщалъ семейные дома, учился танцамъ у одного стараго танцмейстера, съ дочерью котораго у него вышелъ маленькій романъ—и проч. Онъ перезнакомился со множествомъ лицъ, изъ которыхъ заслуживаютъ упоминанія кроткій идеалистъ Юнгъ-Штиллингъ (по профессіи медикъ) и веселый, умный юристъ Лерзе. Отъ всѣхъ этихъ людей геніальный юноша старался чему нибудь научиться, чѣмъ нибудь воспользоваться для многосторонняго развитія своего ума. Не меньше заботился онъ и о выработкѣ своего характера. Отъ послѣдней болѣзни осталась въ немъ нѣкоторая слабонервность и болѣзненная чувствительность, отъ которыхъ онъ всячески старался отдѣлаться. Чтобы преодолѣть, напр., свою чувствительность къ рѣзкимъ звукамъ, онъ становился возлѣ солдатъ, бившихъ въ барабаны; желая отучиться отъ головокруженія,—взлѣзалъ на самую высокую изъ башенъ собора; чтобы пріучить себя къ тяжелымъ и отвратительнымъ зрѣлищамъ,—посѣщалъ анатомическій театръ, хирургическую клинику и проч. Когда читаешь повѣствованіе объ этомъ въ его автобіографіи, невольно вспоминаются греческіе стоики или Демосѣенъ, старавшійся пріобрѣсть громкій голосъ, упражнясь въ произнесеніи рѣчей на берегу моря и стремясь пересилить своимъ голосомъ шумъ морского прибоя!

Къ числу событій, имѣвшихъ большое значеніе для жизни Гете и его литературной дѣятельности, принадлежитъ знакомство его съ Гердеромъ, который пріѣхалъ въ Страсбургъ лечиться отъ глазной болѣзни какъ разъ въ то время, когда нашъ поэтъ жилъ въ

этомъ городѣ. Гердеръ въ то время былъ уже знаменитымъ писателемъ. Гете успѣшилъ познакомиться съ нимъ и ревностно поддерживалъ это знакомство, несмотря на рѣзкій характеръ Гердера и его порою весьма безцеремонныя выходки подъ вліяніемъ раздражительности, которая находила себѣ, правда, нѣкоторое извиненіе въ его болѣзни, туго поддававшейся лѣченію. Гердеръ имѣлъ на Гете большое и благодѣтельное вліяніе въ томъ отношеніи, что открылъ ему новые горизонты, выяснивъ молодому поэту значеніе для всеобщей литературы Шекспира и Гомера и необходимость для нѣмцевъ воспріять и воплотить въ своей литературѣ новое, свѣжее, реальное и національное направленіе, отрѣшившись разъ навсегда отъ французскаго ложнаго классицизма и связанныхъ съ нимъ условныхъ правилъ искусства. Гердеръ обратилъ также вниманіе Гете на еврейскую поэзію (библія), на поэмы Оссіана, нѣмецкія народныя пѣсни и другія произведенія, выросшія, такъ сказать, вполне естественно на почвѣ своего вѣка и своей націи. Бесѣды съ Гердеромъ придали опредѣленность тѣмъ неяснымъ стремленіямъ къ новому, свободному и реальному роду поэзіи, которыя волновали Гете еще въ Лейпцигѣ, и это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ молодой поэтъ въ то время уже лепѣлъ въ душѣ образы Геца фонъ Берлихингена и Фауста. «Жизнь перваго, пишетъ онъ, рѣшительно не давала мнѣ покоя. Личность суроваго и благомыслящаго человѣка, умѣвшаго постоять за себя въ эпоху общественной анархіи, привлекала меня въ высшей степени. Сказочная легенда о Фаустѣ отдавалась въ душѣ моей тысячью разнообразнѣйшихъ отголосковъ. Я самъ, подобно ему, искалъ занятія по всемъ отраслямъ и рано пришелъ къ убѣжденію въ тщетности этого стремленія. Жизнь хотѣлъ я обнять со всехъ сторонъ, и каждый разъ возвращался назадъ измученный и разочарованный. Я носилъ въ душѣ зародышъ обоихъ сочиненій вмѣстѣ съ множествомъ другихъ и часто наединѣ ихъ обдумывалъ, но ничего пока еще не успѣлъ написать».

Ко времени знакомства съ Гердеромъ относится еще одинъ эпизодъ, оставившій по себѣ глубокій слѣдъ въ душѣ нашего поэта. Эпизодъ этотъ — любовь къ Фридерикѣ Брионъ, дочери пастора въ Зезенгеймѣ, — въ деревушкѣ неподалеку отъ Страсбурга. Гете познакомился съ этою милою шестнадцатилѣтнею дѣвушкою въ одну изъ своихъ загородныхъ поѣздокъ съ своимъ товарищемъ Вейландомъ. Семейство пастора, славившееся своимъ радушіемъ и госте-

примствомъ, состояло, кромѣ родителей, изъ сына и трехъ дочерей, изъ которыхъ Фридерика была средняя. Наружность Фридерика сразу покорила сердце поэта. Это была хорошенькая блондинка съ голубыми глазами и слегка вздернутымъ носикомъ, необыкновенно подвижная, легкая и граціозная въ своемъ простомъ деревенскомъ костюмѣ, въ которомъ она «казалась не то барышней, не то крестьянкой». Фридерика съ своей стороны быстро увлеклась Вольфгангомъ, который также обладалъ чрезвычайно выгодною наружностью: его высокая, стройная фигура, красивое, классически правильное лицо и въ особенности большіе черные глаза, отличавшіеся необыкновеннымъ блескомъ, — производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто съ нимъ знакомился, а всего болѣе, конечно, на молодыхъ дѣвицъ. Разъ побывавъ въ Зезенгеймѣ (это было въ октябрѣ 1770 года), Гете не могъ противостоять искушенію посѣщать этотъ очаровательный уголокъ Эльзаса каждый разъ, какъ освобождался отъ своихъ занятій. Сближеніе молодыхъ людей быстро шло впередъ; они постоянно гуляли вмѣстѣ, щедро обмѣнивались увѣреніями во взаимной любви и горячими поцѣлуями, а въ разлукѣ вели оживленную переписку. Гете написалъ для Фридерики цѣлую серію стихотвореній, въ которыхъ воспѣвалась его любовь къ ней и которыя частью вошли въ собраніе его сочиненій, частью же были найдены лишь послѣ его смерти и изданы отдѣльно. Стихотворенія эти проникнуты юною свѣжестью чувства, веселостью и иногда почти дѣтской наивностью.

Прелестный романъ этой юной, полудѣтской любви имѣлъ, однако, весьма грустный конецъ. Мало по малу Гете началъ охлаждать къ своей возлюбленной. Безъ сомнѣнія, послѣ первыхъ увлеченій вспыхнувшей въ немъ страсти, онъ не могъ скрыть отъ себя, что эта любовь никоимъ образомъ не могла завершиться бракомъ. Богатый и чопорный отецъ, отъ котораго нашъ поэтъ находился въ полной зависимости, ни за что не согласился бы на столь ранній бракъ своего многообщающаго сына съ бѣдною деревенскою дѣвушкой, полукрестьянкой; а разрывъ съ отцомъ, никогда не отступавшимъ ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій, грозилъ бы полнымъ крушеніемъ великимъ замысламъ молодого Гете.

Когда Фридерика и ея сестра пріѣхали гостить къ своимъ богатымъ родственникамъ въ Страсбургъ, то Гете не могъ не замѣтить контраста между ними и городскимъ обществомъ; дочери Зезенгеймскаго пастора въ своихъ нѣмецкихъ національныхъ костюмахъ

Именно
это
казалось

теперь
взять

казались настоящими крестьянками и видимо тяготились городской жизнью. Посѣщеніе Фридерикою Страсбурга, безъ сомнѣнія, сильно способствовало рѣшенію Гете покончить съ этою любовью, вырвавъ ее изъ своего сердца, что онъ и сдѣлалъ. Фридерика давно уже замѣтила въ немъ перемѣну и, сколько могла, облегчила ему этотъ разрывъ, не сдѣлавъ ему ни одного упрека за горе, разбившее всю ея жизнь. Дальнѣйшая судьба этой великодушной, симпатичной дѣвушки полна молчаливаго трагизма. Съ достоинствомъ переносила она свое несчастіе, о Гете всегда отзывалась съ уваженіемъ и говорила, что онъ не могъ связать съ ней свою судьбу, такъ какъ былъ слишкомъ великъ для нея. Она не вышла ни за кого замужъ, хотя не разъ получала предложенія, и умерла въ 1813 г. Свѣдѣнія о ея жизни нѣсколько разнорѣчивы; нѣтъ недостатка и въ разныхъ обвиненіяхъ, старавшихся набросить тѣнь на ея нравственность, но, повидимому, лишенныхъ всякаго основанія.

6 августа 1771 года Гете защитилъ, наконецъ, свою диссертацию, т. е. собственно, нѣсколько избранныхъ тезисовъ, самую же диссертацию ему отсовѣтовало печатать университетское начальство, такъ какъ проведенныя въ ней мысли казались слишкомъ смѣлыми и оригинальными. Гете былъ радъ именно такому обороту дѣла: онъ вообще боялся въ то время печатать свои сочиненія, а тутъ еще дѣло шло о юриспруденціи, къ которой онъ не питалъ ни малѣйшаго расположенія. Диспутъ окончился благополучно, и Гете получилъ степень лиценціата правъ. Докторской степени онъ, собственно, не приобрѣлъ, но въ семьѣ и среди знакомыхъ его съ тѣхъ поръ всегда считали и называли докторомъ правъ. Вскорѣ по защитѣ диссертации Гете покинулъ Страсбургъ (28 августа 1771 г.) и вернулся въ родительскій домъ, гдѣ старикъ отецъ принялъ его съ радостью, которая нѣсколько омрачалась только тѣмъ, что диссертация не была напечатана. Но Вольфгангъ утѣшилъ старика обѣщаніемъ впоследствии расширить и исправить эту работу и затѣмъ уже напечатать ее. Обѣщаніе это, впрочемъ, осталось неисполненнымъ, и диссертация спокойно пролежала въ бумагахъ отца Гете до самой его смерти.

III.

Франкфуртъ и Вецларъ (1771—1775).

Письмо Фридерики.—Странствованія пѣшкомъ по окрестностямъ Франкфурта.—Сближеніе съ Меркомъ.—Вецларъ и юридическая практика.—Любовь къ Шарлоттѣ Буффъ.—Семейство Ларошъ.—Выходъ въ свѣтъ «Геца».—«Страданія молодого Вертера».—Колоссальный успѣхъ «Вертера».—Слава Гете.—Знакомства съ знаменитостями.—Посѣщеніе Кнебеля и знакомство съ Веймарскими принцами.—Любовь къ Лили Шенеманъ.—Помолвка.—Путешествіе въ Швейцарію.—Разрывъ съ Лили.—Гете уѣзжаетъ въ Веймаръ.

Вскорѣ по пріѣздѣ во Франкфуртъ Гете получилъ отъ Фридерики отвѣтъ на прощальное письмо, которое онъ послалъ ей, покидая Страсбургъ. Отвѣтъ этотъ «растерзалъ ему сердце». Онъ чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ передъ милою дѣвушкой и не видѣлъ возможности поправить причиненное ей зло. Мучимый угрызениями совѣсти, Гете искалъ, по своему обычаю, утѣшенія въ тѣсномъ общеніи съ природою. Цѣлые дни бродилъ онъ по лѣсамъ и горамъ въ окрестностяхъ Франкфурта, изливая свою тоску въ страстныхъ стихотвореніяхъ, совершенно не отдѣланныхъ по формѣ и носившихъ на себѣ печать той бурной эпохи нѣмецкой литературы, которая носитъ названіе «періода бури и натиска». Примѣромъ этихъ стихотвореній можетъ служить «Пѣснь странника въ бурю», которую Гете впоследствии самъ называлъ «полубезсмыслицею».

Во Франкфуртѣ Гете нашелъ цѣлый кружокъ знакомыхъ и друзей,—старыхъ и новыхъ. Среди этихъ лицъ занималъ самое выдающееся мѣсто по своему уму и вліянію на молодого поэта нѣкто Меркъ, котораго ему рекомендовалъ еще Гердеръ въ Страсбургѣ. Это былъ высокій, худощавый мужчина, лицу котораго длинный, острый носъ и пронизательные сѣрые глаза придавали хищническое выраженіе, совершенно не соответствовавшее его доброму, благородному и довѣрчивому характеру. Меркъ любилъ, какъ говорится, напускать на себя рѣзкость и насмѣшливость, которыхъ въ немъ было, въ сущности, менѣе, чѣмъ онъ желалъ показать. Сочиненія, написанныя имъ, были проникнуты тономъ самаго безпощаднаго отрицанія. Въ жизни этотъ умный и глубоко образованный человѣкъ былъ неудачникомъ, такъ какъ имѣлъ страсть пускаться въ спекулятивныя предпріятія, съ которыми впоследствии обыкновенно

не могъ справиться. Въ концѣ концовъ, запутавшись въ долгахъ, онъ кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Меркъ имѣлъ на Гете огромное вліяніе, какъ даровитый, умный, образованный собесѣдникъ, одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ. Отрицательныя стороны его характера, безпощадная иронія и даже, повидимому, его наружность были воплощены нашимъ поэтомъ въ Мефистофель, для котораго Меркъ послужилъ, такъ сказать, живою моделью.

Занятія юриспруденціей, при которыхъ предстояло перейти къ юридической практикѣ въ роли адвоката, попрежнему были не по душѣ нашему поэту. Тѣмъ усерднѣе занимался онъ литературными трудами. Такъ, онъ приводилъ въ систему впечатлѣнія, произведенныя на него Страсбургскимъ соборомъ, результатомъ чего было сочиненіе «О нѣмецкой архитектурѣ»; занимался онъ и библейскими вопросами и написалъ двѣ статьи религіознаго содержанія. Но главнымъ стремленіемъ его было драматизированіе исторіи Геца фонъ Берлихингенъ, который продолжалъ сильно волновать его воображеніе. На ряду съ этими занятіями не были забыты однако и развлечения, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежало катанью на конькахъ, сдѣлавшемуся вскорѣ любимымъ удовольствіемъ молодого поэта.

Съ цѣлью заставить сына заняться юриспруденціей, старикъ Гете отправилъ его въ Вецларъ, небольшой городокъ неподалеку отъ Франкфурта, гдѣ помѣщалась имперская судебная палата, при которой молодой Гете долженъ былъ состоять практикантомъ. Не безъ ужаса передъ предстоящею скучною и сухою судебною дѣятельностью ѣхалъ Гете въ Вецларъ; тѣмъ пріятнѣе было ему встрѣтить въ этомъ городѣ цѣлый кружокъ образованныхъ молодыхъ людей, любившихъ провести время повеселѣе. Въ числѣ этихъ лицъ былъ нѣкто Кестнеръ, женихъ хорошенькой дочери одного Вецларскаго чиновника — Шарлотты Буффъ, которую Гете въ своей автобіографіи называетъ просто Лоттою. Лотта была стройная, цвѣтушая блондинка, — типъ нѣмецкой дѣвушки, обѣщающей быть примѣрной женой, хозяйкой и воспитательницей своихъ дѣтей. Влюбчивый молодой Гете, чье сердце постоянно жаждало женской ласки, по уши влюбился въ Лотту съ перваго же дня знакомства съ нею. Лотта относилась къ нему привѣтливо, но сдержанно, не подавая ему никакихъ надеждъ; женихъ ея, Кестнеръ, также велъ себя съ большимъ тактомъ, поддерживая тѣсную дружбу съ Гете и не обнаруживая никакой ревности. Страсть Гете, однако, возростала все бо-

лѣе и болѣе, и наконецъ, чтобы выйти изъ ложнаго положенія, онъ долженъ былъ покинуть Вецларъ. Оставивъ своимъ друзьямъ прощальное письмо, онъ ушелъ рано утромъ пѣшкомъ по направленію къ Франкфурту. Дойдя до Эмса, онъ отправился въ лодкѣ въ Кобленцъ, гдѣ прогостилъ нѣкоторое время, вмѣстѣ съ Меркомъ, въ семействѣ госпожи Ларошъ — сентиментальной романистки, пользовавшейся довольно большою извѣстностью. У госпожи Ларошъ была молоденькая дочь Максимилиана, къ которой Гете былъ равнодушенъ: не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на разлуку съ Лоттой, нашъ поэтъ чувствовалъ себя весьма пріятно въ обществѣ этой граціозной черноглазой дѣвушки.

Возвратившись въ Франкфуртъ, Гете продолжалъ адвокатскую практику и принялъ участіе въ нѣсколькихъ процессахъ, къ великому удовольствію своего отца. Главный интересъ его составляли, однако, все-таки литературныя занятія. На первомъ мѣстѣ стоялъ здѣсь «Гецъ», также занимали его планы «Прометей» и «Фауста». Наконецъ, весною 1773 года вышелъ въ свѣтъ «Гецъ», напечатанный въ типографіи Мерка. Впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно и поставило автора Геца во главѣ литературнаго движенія «Sturm und Drang» (бури и натиска). Въ томъ же году Гете написалъ фарсъ «Боги, герои и Виландъ», осмѣивавшій нѣкоторыя произведенія Виланда. Въ ноябрѣ того же года онъ долженъ былъ лишиться дорогого для него общества сестры, принимавшей горячее участіе въ его литературной дѣятельности и славѣ. Корнелія вышла замужъ за Георга Шлоссера и уѣхала изъ Франкфурта.

За это время Лотта вышла замужъ за Кестнера. Тоска о потерянной любви все еще продолжала мучить сердце Гете, и онъ искалъ случая излить свое горе въ какомъ-нибудь художественномъ произведеніи. Несчастливое супружество милой его сердцу Максимилианы Ларошъ, вышедшей замужъ за франкфуртскаго купца Brentano, а также грустная исторія о самоубійствѣ одного изъ молодыхъ знакомыхъ Гете, Ерузалема, застрѣлившагося отъ любви къ замужней женщинѣ, — таковы были непосредственные поводы къ возникновенію знаменитѣйшаго изъ произведеній Гетевой молодости — «Страданій молодого Вертера». Въ этомъ романѣ Гете изложилъ исторію своей любви къ Лоттѣ, прибавивъ нѣкоторыя черты изъ жизни Ерузалема. «Вертеръ» имѣлъ успѣхъ, превзошедшій всякія ожиданія, и сразу составилъ молодому автору громкую славу въ Германіи и за границей. Книга разошлась въ множествѣ экземпля-

ровъ; на сентиментальную нѣмецкую молодежь романъ этотъ такъ сильно подѣйствовалъ, что началась настоящая эпидемія самоубійствъ въ подражаніе герою романа. Не было недостатка и въ рѣзкой критикѣ на это новое произведеніе Гете; такъ, берлинскій книгопродавецъ и писатель Николай написалъ пародію на Вертера, за которую Гете впоследствии отомстилъ ему ѣдкими эпиграммами.

Въ періодъ 1772—74 годовъ возникли и многія другія произведенія нашего поэта, какъ «Ярмарка въ Пюндерсвейленѣ», «Клавиго», нѣкоторыя сцены изъ «Фауста», «Прометей», «Магометъ», «Вѣчный жидъ» и цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній. Но «Геца» и «Вертера» однихъ было достаточно, чтобы возбудить всеобщій интересъ къ новому блестящему свѣтилѣ, появившемуся на горизонтѣ нѣмецкой литературы. Различныя знаменитости пріѣзжали во Франкфуртъ, ища случая познакомиться съ геніальнымъ молодымъ поэтомъ, и мать Гете радушно принимала ихъ, вѣ себя отъ счастья и восторга передъ славою своего дорогого Вольфганга, «чье слово было для нея — все на свѣтѣ». Въ іюнь 1774 года пріѣхалъ Лафатеръ — знаменитый проповѣдникъ, мистикъ и фізіономистъ. Вскорѣ послѣ него пріѣхалъ не менѣе знаменитый педагогъ-філософъ Базедовъ. Вмѣстѣ съ ними Гете предпринялъ небольшое путешествіе по Рейну, которое увѣковѣчилъ въ шуточномъ стихотвореніи «Обѣдъ въ Кобленцѣ». Эта поѣздка была какъ бы триумфальнымъ шествіемъ для молодого поэта, чувствовавшего себя на равной ногѣ съ такими знаменитостями, какъ Лафатеръ и Базедовъ.

Въ Кельнѣ Гете познакомился съ братьями Якоби — также знаменитыми литераторами. Осенью того же года былъ у него, проѣздомъ черезъ Франкфуртъ, предметъ его обожанія въ дни дѣтства — Клопштокъ. Среди всего этого вихря кипучей литературной дѣятельности, поѣздокъ, знакомствъ и всевозможныхъ впечатлѣній Гете не переставалъ работать надъ своимъ образованіемъ: къ этому времени относится ознакомленіе его съ философіею Спинозы.

Въ концѣ 1774 года Гете принялъ еще одного гостя, который самъ по себѣ не былъ ничѣмъ особенно замѣчательнъ, но посѣщеніе котораго имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу или, вѣрнѣе, карьеру нашего поэта. Это былъ Кнебель, воспитатель принца Константина Веймарскаго. Онъ передалъ Гете, что наслѣдный принцъ Веймарскій Карлъ-Августъ, только что прибывшій во Франкфуртъ, очень желалъ бы его видѣть. Гете воспользовался приглашеніемъ, былъ весьма ласково принятъ и сразу очаровалъ наслѣднаго принца

своею личностью и разговоромъ. Принцъ взялъ съ него обѣщаніе прѣхать въ Майнцъ, гдѣ Карлъ-Августъ предполагалъ пребыть долѣе, чѣмъ во Франкфуртѣ. Старикъ Гете былъ недоволенъ этимъ сближеніемъ сына съ владѣтельными особами: «подальше отъ Юпитера — безопаснѣе отъ молніи», говорилъ онъ, и увѣрялъ Вольфганга, что его хотятъ только заманить, чтобъ отомстить за издѣвательство надъ Виландомъ, который жилъ при дворѣ въ Веймарѣ. Но другіе домашніе и близкіе знакомые совѣтовали Вольфгангу не пренебрегать приглашеніемъ принца, и черезъ день онъ поѣхалъ въ Майнцъ, гдѣ провелъ дня три весьма весело; между прочимъ, былъ затронутъ въ разговорахъ и вопросъ о Виландѣ, и все разъяснилось къ общему удовольствію: Виландъ смотрѣлъ на вышеупомянутый фарсъ Гете просто, какъ на шутку, и не обижался на него.

Къ концу 1774 года относится также начало знакомства Гете съ семействомъ богатаго франкфуртскаго банкира Шенемана, — знакомства, которое занимаетъ видное мѣсто въ жизни поэта. У Шенемана была дочь Анна-Елизавета, которую звали обыкновенно уменьшительнымъ именемъ Лили. Это была красивая, стройная семнадцатилѣтняя блондинка, въ которую нашъ поэтъ не замедлилъ влюбиться, тѣмъ болѣе, что и самъ, какъ красивый и знаменитый юноша, пользовался ея симпатією. Лили была настоящая свѣтская барышня, привыкшая жить въ богатствѣ, постоянно окруженная множествомъ поклонниковъ, капризная и кокетливая, но, какъ кажется, искренно любившая Гете, насколько она вообще могла любить кого либо.

Въ теченіе наступившаго 1775 года взаимная склонность молодыхъ людей быстро развивалась. Но Гете боялся женитьбы, какъ огня, считая ее, повидимому, тормазомъ для своихъ плановъ и предпріятій. Поэтому онъ началъ стараться побороть себя, сталъ рѣже бывать у Лили и, чтобы заглушить свою страсть, усиленно зарывался въ различныя дѣла и занятія. Тутъ явилась «на выручку», какъ говорятъ нѣмецкіе біографы, (вѣрнѣе, чтобъ затянуть и испортить дѣло, клонившееся къ мирной, естественной развязкѣ) — нѣкая госпожа Дельфъ, старая дѣвица, чрезвычайно охотно игравшая роль свахи. Заставъ однажды Гете и Лили вмѣстѣ, она объявила имъ, что они созданы другъ для друга и соединила ихъ руки. Влюбленнымъ ничего не оставалось, какъ броситься другъ другу въ объятія. Помолвка состоялась. «Такимъ образомъ, пишетъ Гете, въ числѣ событій моей чудной жизни пришлось и мнѣ испытать то, что

происходить въ душѣ жениха». Надо сознаться, что онъ былъ довольно страннымъ женихомъ. Въ этомъ женихѣ не только не было увѣренности, но въ глубинѣ души не доставало и желанія сдѣлаться мужемъ своей невѣсты. Онъ видѣлъ, что Лили не могла бы составить счастье его жизни: привыкнувъ къ шуму свѣта, блеску, удовольствіямъ, — она едва ли отказалась бы отъ всего этого, какъ не отказывалась покетничать съ другими молодыми людьми, хотя и отдавала предпочтеніе Вольфгангу. Семья Гете Лили не правила: отецъ его не рассчитывалъ имѣть невѣсткою блестящую свѣтскую даму. Въ этомъ странномъ положеніи, объявленный женихомъ, но боясь женитьбы болѣе чѣмъ когда-нибудь, Гете съ радостью ухватился за случай на время покинуть Франкфуртъ, чтобы нѣсколько отдохнуть душою отъ тревожныхъ сомнѣній. Во Франкфуртъ пріѣхали два брата — графы Штольбергъ, друзья Клопштока, — и предложили ему ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Швейцарію. Несмотря на уговоры Мерка, который называлъ Штольберговъ болванами и путешествіе съ ними — глупостью, — Гете, не распроставшись съ Лили, уѣхалъ въ путешествіе. Скоро онъ отчасти убѣдился въ правотѣ Мерка, такъ какъ въ Дармштадтѣ спутники его начали среди бѣла дня публично и открыто купаться въ прудѣ, — но дѣло было не въ этомъ: нужно было, какъ говоритъ Гете, испытать, «насколько подействуетъ на него разлука съ Лили». Проѣздомъ черезъ Эммедингенъ онъ повидался съ сестрой Корнеліей, которая жила тамъ со своимъ мужемъ. Это свиданіе могло только укрѣпить въ немъ страхъ передъ женитьбой. Корнелія сама была несчастлива замужемъ и рѣшительно отговаривала брата жениться на Лили, такъ какъ бракъ этотъ, по ея мнѣнію, не могъ быть счастливымъ. Въ Цюрихѣ Гете побывалъ у Лафатера, который тамъ жилъ. Начиная съ этого города, онъ разстался съ Штольбергами и продолжалъ путешествіе съ своимъ старымъ знакомымъ Пассавантомъ, переселившимся въ Цюрихъ. Прелестныя картины природы сильно дѣйствовали на его воображеніе. Товарищъ его предлагалъ переправиться въ Италію и продолжать свой путь на югъ по этой дивной странѣ, — но Гете чувствовалъ себя все еще слишкомъ привязаннымъ къ Лили и къ своему родному городу, чтобы пуститься въ такое непредвидѣнное и далекое путешествіе. Обрато черезъ Цюрихъ онъ пріѣхалъ въ Франкфуртъ и засталъ Лили замѣтно охладѣвшею къ своему жениху. Ея привѣтливость по отношенію къ другимъ молодымъ людямъ, кокетство и разсѣянный образъ жизни терзали его муками ревности.

Стихи
въ чести.

Охлажденіе между женихомъ и невѣстой всё болѣе и болѣе усиливалось, и наконецъ стало ясно, что бракъ не состоится.

Въ теченіе этого года (1775) литературная дѣятельность Гете носить явственный отпечатокъ его страстной привязанности къ Лили. Въ это время онъ написалъ «Стеллу», оперетту «Эрвинъ и Эльмира», «Паркъ Лили» и другія произведенія, гдѣ любовь и ея терзанія играютъ видную роль. Даже сцена изъ «Фауста» (погребъ Ауэрбаха), написанная имъ въ этомъ году, не лишена этого отпечатка: подъ видомъ Зибеля и отравленной крысы поэтъ отчасти осмѣиваетъ себя самого.

Въ октябрѣ пріѣхалъ во Франкфуртъ Карлъ-Августъ — уже герцогъ Веймарскій — и пригласилъ Гете къ своему двору въ Веймаръ. Гете принялъ это предложеніе. Было условлено, что камеръ-юнкеръ Кальбъ, оставшійся на нѣкоторое время въ Карлеруэ, пріѣдетъ къ Гете въ извѣстный день и отвезетъ его въ своемъ экипажѣ въ Веймаръ. Назначенный день пришелъ, — Кальбъ не явился. Гете сидѣлъ запершись у себя въ комнатѣ и писалъ своего «Эгмонта», котораго онъ задумалъ незадолго передъ тѣмъ. Прошло около двухъ недѣль, — Кальба все еще не было. Отецъ сталъ уговаривать сына бросить все и ѣхать въ Италію. Вольфгангъ послушался и отправился въ путь черезъ Гейдельбергъ, гдѣ встрѣтился съ госпожею Дельфъ, которая теперь собиралась уже женить его на другой дѣвицѣ. Но ночью разбудилъ его рожокъ почтальона: то была эстафета изъ Франкфурта. Запоздавшій Кальбъ пріѣхалъ и ждалъ его. Гете тотчасъ же возвратился въ Франкфуртъ и вмѣстѣ съ Кальбомъ отправился въ Веймаръ.

IV.

Первыя десять лѣтъ жизни Гете въ Веймарѣ (1775—1786).

Веймарскій дворъ. — Празднества, веселье, «геніальничанье». — Поворотъ къ болѣе спокойному образу жизни. — Баронесса фонъ Штейнъ. — Гете ищетъ уединенія. — Первая поѣздка на Гарцъ. — Поѣздка въ Берлинъ. — Государственная и поэтическая дѣятельность. — Путешествіе съ герцогомъ въ Швейцарію. — Измѣненіе въ характерѣ Гете. — Разносторонность его. — Занятія минералогіей, остеологіей и ботаникой. — Внутренняя неудовлетворенность. — Поѣздка въ Карлсбадъ и внезапный отъѣздъ въ Италію.

Въ 5 часовъ утра 7 ноября 1775 года въѣхалъ Гете въ Веймаръ, — небольшой, живописно расположенный городокъ, которому

суждено было прославиться тѣмъ, что въ немъ прожилъ большую часть своей жизни и создалъ свои капитальнѣйшія произведенія величайшій изъ поэтовъ Германіи.

Въ концѣ XVIII столѣтія владѣтельные особы нерѣдко искали сближенія съ знаменитыми литераторами, стараясь украсить свой дворъ присутствіемъ выдающихся поэтовъ, философовъ, ученыхъ. Фридрихъ Великій велъ дружбу съ Вольтеромъ, Екатерина II переписывалась съ французскими философами; маленькій Веймаръ, хотя и не могъ тягаться въ другихъ отношеніяхъ съ богатыми и могущественными государствами, но по части покровительства художественнымъ талантамъ не отставалъ отъ нихъ. При дворѣ герцога Веймарскаго находились Музеусъ — извѣстный авторъ сказокъ, Краусъ — извѣстный живописецъ, знаменитый писатель Виландъ и другіе. Гете суждено было взойти въ Веймарѣ яркою звѣздой, которая затмила не только всѣхъ остальныхъ Веймарскихъ знаменитостей, но сдѣлала на нѣкоторое время Веймаръ настоящею столицею всемірнаго искусства, — германскими Афинами.

Молодой герцогъ Веймарскій, Карлъ-Августъ, былъ, безъ сомнѣнія, весьма недюжинная натура. Стремленіе къ знанію, твердый, самостоятельный характеръ и умѣнье выбирать людей — таковы были характеристическія черты этого государя, правившаго маленькою, незначительною странюю, но умѣвшаго придать этой странѣ великое значеніе для всего образованнаго міра. Жена его, герцогиня Луиза, была женщина съ большимъ тактомъ и безукоризненною нравственностію, спокойнаго и постояннаго характера. Видную роль играла при дворѣ также мать Карла-Августа, герцогиня Амалія. Это была веселая, даровитая женщина, многосторонне образованная и съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Отъ нея по преимуществу шла инициатива привлеченія въ Веймаръ выдающихся литераторовъ и артистовъ.

Поселившись временно у отца Кальба — президента палаты, Гете скоро сблизился со всѣмъ составомъ придворнаго общества. Съ Виландомъ у него завязались тѣсныя дружескія отношенія. Отъ души простивъ молодому поэту его прежнія насмѣшки, Виландъ не могъ на него налюбоваться. «Я не могу жить, писалъ онъ, безъ этого удивительнаго юноши, котораго я люблю, какъ собственнаго сына, и сердечно радуюсь, видя, какъ онъ перерастаетъ меня и достигаетъ всего, что было для меня недостижимо». Другіе члены общества были не менѣе въ восторгѣ отъ Гете, болѣе же всѣхъ

дамы. И дѣйствительно, молодой поэтъ обладалъ въ то время всѣми чарами для привлеченія сердець, особенно женскихъ. Красивая, величественная фигура, идеально правильныя черты лица, роскошныя темнокаштановыя волосы, большіе, блестящіе черные глаза, и, въ добавокъ къ этой очаровательной внѣшности, неистощимая веселость, подвижность и остроуміе, — все это не могло не производить на окружающихъ полного обаянія. Съ прибытіемъ Гете начался цѣлый рядъ шумныхъ празднествъ и увеселеній, при которыхъ дань былъ полный просторъ «геніальности», этикетъ же былъ почти совершенно отложенъ въ сторону. «Генія», подъ предводительствомъ герцога и Гете, веселились, танцовали и пили напропалую. Въ особенности шумно пировали они въ Штюцербрахъ, деревушкѣ близъ Ильменау, гдѣ они любезничали, отбросивъ всякія аристократическія церемоніи, съ простыми крестьянскими дѣвушками и плясали до упаду до поздней ночи. Дружба между «геніями» была самая непринужденная и тѣсная; они обмѣнивались камзолами, жилетками и другими принадлежностями костюма, брали другъ отъ друга все, что правилось, и не возвращали, и т. д. Гете чрезвычайно сблизился съ герцогомъ; наединѣ они говорили другъ другу «ты» и нерѣдко спали въ одной комнатѣ.

Въ увеселеніяхъ общества видную роль игралъ любительскій театръ, организованный нашимъ поэтомъ. Для театральныхъ представлений, правда, не было вполне удобнаго помѣщенія, такъ какъ при пожарѣ стараго дворца сгорѣлъ и театръ, а новый не былъ еще отстроенъ, — но это не мѣшало устраивать спектакли въ Эттербургскомъ замкѣ (неподалеку отъ Веймара) или, въ хорошую погоду, даже просто подъ открытымъ небомъ въ Тифуртскомъ паркѣ. Эти спектакли-пикники въ ясныя звѣздныя ночи особенно нравились обществу. Въ качествѣ актеровъ являлись лица изъ высшаго Веймарскаго общества и въ числѣ ихъ Гете, который былъ также и полновластнымъ режиссеромъ.

Разгульная «геніальная» жизнь, однако, скоро начала надоѣдать нашему поэту, который, по своей неутомимо дѣятельной натурѣ, не могъ долгое время оставаться безъ серьезныхъ занятій. Уже въ началѣ 1776 года началъ онъ тревожиться и сомнѣваться, слѣдуетъ ли ему остаться въ Веймарѣ или же уѣхать, чтобы вновь на полной свободѣ слѣдовать своему призванію. Онъ сталъ искать уединенія и совершать одинокія прогулки въ окрестностяхъ Веймара. Герцогъ, замѣчая это стремленіе своего друга къ уединенію и желая, во что

бы то ни стало, удержать его въ Веймарѣ, купилъ для него отдѣльный загородный домикъ съ садомъ, гдѣ Гете и поселился.

Въ то самое время, какъ въ душѣ Гете началъ уже совершаться поворотъ къ болѣе спокойному и серьезному образу жизни, на него сыпались отъ друзей и знакомыхъ увѣщанія и упреки. Одни выражали опасеніе, чтобъ онъ не заглушилъ и не растратилъ по мелочамъ свой талантъ въ сутолокѣ придворной жизни, другіе упрекали его въ дурномъ вліяніи на герцога. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Клопштокъ, написавшій Гете рѣзкое письмо, на которое Гете также отвѣтилъ довольно рѣзко, результатомъ чего былъ полный разрывъ съ Клопштокомъ. Съ Штольбергами Гете также разошелся. Въ дѣйствительности никто такъ не сознавалъ опасности, угрожающей поэтическому таланту отъ придворной суеты, какъ самъ Гете, который, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе искалъ уединенія. Что касается до вліянія Гете на герцога, то и оно было гораздо болѣе благотворно, чѣмъ вредно. Правда, герцогъ долгое время предавался еще нѣкоторымъ излишествамъ, когда Гете уже совершенно отказался отъ шумнаго геніальничанья, но постоянное общеніе съ великимъ поэтомъ не могло не повліять въ высшей степени благопріятно на развитіе ума и сердца герцога. Несмотря на свою молодость, Гете сумѣлъ сдѣлаться настоящимъ менторомъ Карла-Августа, и впоследствии всѣми было признано, что поэтъ могущественно содѣйствовалъ выработкѣ изъ герцога мудраго, благороднаго правителя.

Въ мартѣ 1776 года Гете ѣздилъ съ герцогомъ въ Лейпцигъ, гдѣ повидаль своихъ старыхъ знакомыхъ— Аннету, бывшую Шенкѣфъ, замужемъ за докторомъ Канне, Эзера, Корону Шретеръ. Послѣдняя вскорѣ была приглашена въ Веймаръ въ качествѣ придворной пѣвицы.

Сближаясь все болѣе и болѣе съ герцогомъ, Гете мало по малу пришелъ къ окончательному рѣшенію относительно своей карьеры. Особымъ указомъ отъ 11 іюня 1776 года Карлъ-Августъ назначилъ Гете тайнымъ легаціоннымъ совѣтникомъ, далъ ему мѣсто и право голоса въ государственномъ совѣтѣ, съ содержаніемъ въ 1200 талеровъ въ годъ. Придворные были этимъ крайне недовольны, но рѣшеніе герцога было твердо и неизмѣнно, и Гете сталъ принимать все большее и большее участіе въ государственныхъ дѣлахъ, сперва присматриваясь къ нимъ, а затѣмъ переходя постепенно къ активной роли.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій, необходимо бросить взглядъ на то положеніе, въ какомъ находились сердечныя дѣла нашего поэта въ первое время его жизни въ Веймарѣ. Въ первые мѣсяцы по прїѣздѣ онъ еще не могъ отрѣшиться отъ своей горячей привязанности къ Лили Шенеманъ; хотя онъ самъ принялъ рѣшеніе вырвать изъ своего сердца эту любовь, но боль разлуки все еще мучила его. Исчезновенію послѣднихъ слѣдовъ этой любви помогло знакомство его съ госпожею фонъ Штейнъ, женою шталмейстера, бывшею придворною дамою герцогини Амаліи. Имя и наружность этой женщины были знакомы Гете уже ранѣе; возвращаясь изъ своего путешествія по Швейцаріи, онъ познакомился въ Страсбургѣ съ врачомъ Циммерманомъ, который показалъ ему ея портретъ, произведшій на поэта сильное впечатлѣніе. Баронесса Шарлотта-Эрнестина фонъ Штейнъ была въ то время уже матерью семерыхъ дѣтей и имѣла тридцать три года отъ роду, но все еще была чрезвычайно эффектна. Очарованіе, производимое ею на окружающихъ, усиливалось ея умомъ и знаніемъ изящной литературы; она также недурно рисовала и пѣла. Словомъ, это была въ полномъ смыслѣ слова блестящая представительница придворнаго общества. Будучи опытною кокеткою, она сумѣла привлечь къ себѣ Гете чрезвычайно сильно и прочно, не позволяя ему, однако, переходить извѣстныхъ границъ. Баронъ фонъ Штейнъ, по роду своей службы, бывалъ дома не болѣе раза въ недѣлю, такъ что Гете имѣлъ бы полную свободу посѣщать свою возлюбленную, еслибы она сама не ограничивала этой свободы, останавливая его страстные порывы и не позволяя прїѣзжать къ себѣ слишкомъ часто. Въ Веймарскомъ обществѣ все знали объ отношеніяхъ Гете къ госпожѣ фонъ Штейнъ и сочувствовали этой связи, которая повидимому носила, по крайней мѣрѣ долгое время, платоническій характеръ, такъ какъ самыя бурныя объясненія въ любви не могли поколебать самообладанія этой женщины. Не давая влюбленному насладиться окончательною побѣдою и въ то же время питая въ немъ надежду, она сумѣла закрѣпить его за собою надолго. Подъ вліяніемъ новой страсти любовь къ Лили скоро была совершенно забыта, и когда въ іюль 1776 года Гете узналъ, что молодая дѣвушка выходитъ замужъ за банкира Тюркгейма, то отнесся къ этому извѣстію вполне равнодушно. Хорошее ли или дурное вліяніе имѣла Шарлотта фонъ Штейнъ на Гете и любила ли она его или только кокетничала съ нимъ,—объ этомъ біографы много спорили. Одни выставляютъ на видъ, что она

своимъ вліяніемъ удерживала его отъ слишкомъ разгульной жизни, другіе обвиняютъ ее въ томъ, что она, будучи замужнею женщиною и поддерживая страстные надежды поэта, тѣмъ самымъ не допустила его своевременно жениться на какой нибудь достойной его женщинѣ. И то, и другое едва ли справедливо. Съ одной стороны сама натура Гете и все его воспитаніе были таковы, что онъ, безъ сомнѣнія, и помимо госпожи фонъ Штейнъ не могъ бы долго увлекаться разгуломъ; съ другой стороны его отвращеніе къ браку вообще было такъ велико, что едва ли онъ въ то время женился бы на комъ нибудь, даже еслибы и не воспыалъ страстью къ очаровательной шталмейстершѣ. Гете, по своей влюбчивости и по той потребности въ женскомъ обществѣ, которая была ему присуща, несомнѣнно, долженъ былъ влюбиться въ какую либо изъ Веймарскихъ дамъ, и если выборъ его палъ на госпожу фонъ Штейнъ, то это свидѣтельствуется, конечно, о ея красотѣ и талантахъ, но все вліяніе, которое она на него имѣла, сводится, по всей вѣроятности, къ умѣнью опытной кокетки держать своего любовника въ сѣтяхъ какъ можно дольше, руководствуясь при этомъ своимъ женскимъ тщеславіемъ. Кромѣ баронессы фонъ Штейнъ, Гете увлекался и другими Веймарскими дамами; его отношенія къ красавицѣ Коронѣ Шретеръ носили даже, по свидѣтельству Римера, весьма страстный характеръ.

Въ теченіе перваго года своей Веймарской жизни (1765—1766) Гете написалъ сравнительно немного, что объясняется множествомъ празднествъ и поѣздокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе, и вообще тратою времени на ориентировку въ новыхъ обстоятельствахъ. Къ этому періоду относятся напр. прелестная «Ночная пѣснь странника», въ которой поэтъ выражаетъ свое утомленіе житейской суетою и призываетъ въ свое сердце тихій миръ,— стихотвореніе «Плаваніе» — поэтический отвѣтъ на сѣтованія друзей, боявшихся, что геній его потеряетъ свой истинный путь, — и рядъ стихотвореній, обращенныхъ къ госпожѣ фонъ Штейнъ. Изъ большихъ произведеній онъ только задумалъ въ этомъ году «Ифигенію».

Въ 1777 году мы застаемъ Гете уже настолько отрѣшившимся отъ шумнаго геніальничанья и ушедшимъ въ самого себя, что Веймарскіе друзья—исключая герцога—даже негодуютъ на поэта за его чрезвычайную сдержанность и недоумѣваютъ, отчего въ немъ произошла такая перемѣна. Такъ, Виландъ горько жаловался въ

письмѣ къ Мерку на Гете и Гердера, который въ концѣ 1776 года, по настояніямъ Гете, былъ призванъ въ Веймаръ и занялъ мѣсто генераль-суперинтендента (высшаго духовнаго лица въ странѣ). «Кажется, какъ будто геній совершенно покинулъ Гете, писалъ Виландъ: его сила воображенія угасла; вмѣсто живительнаго тепла, которое исходило изъ него, онъ окруженъ теперь холодомъ политики». Великія произведенія, полныя фантазіи, ума и чувства, созданныя нашимъ поэтомъ въ теченіе его веймарской жизни, свидѣтельствуютъ, однако, что его сила воображенія не ослабѣла и что морозъ, которымъ онъ обдавалъ окружающихъ, былъ только средствомъ сохранить независимость и досугъ, столь необходимые для художественнаго творчества.

Гете весь погрузился въ кипучую, неустанную дѣятельность. То онъ объѣзжаетъ съ герцогомъ страну, стараясь выяснитъ нужды населенія и поднять тѣ или другія отрасли промышленности; то сидитъ упорно въ своемъ загородномъ домикѣ и учится рисованію подъ руководствомъ придворнаго живописца Крауса, то устраиваетъ спектакли и пишетъ пьесы для Веймарскаго театра, то предпринимаетъ или продолжаетъ обширныя поэтическія и беллетристическія труды, каковы Ифигенія, Эгмонтъ, Вильгельмъ Мейстеръ. Въ іюнѣ 1777 года его глубоко поразила печальная вѣсть о смерти сестры Корнелии. Въ сентябрѣ пріѣхалъ Меркъ, который засталъ Гете и герцога въ Эйзенахѣ. Меркъ вынесъ очень хорошее впечатлѣніе о герцогѣ и его отношеніяхъ къ Гете. «Лучше всего здѣсь герцогъ, писалъ онъ,—о которомъ ослы распустили молву, какъ о слабомъ человѣкѣ, между тѣмъ, какъ онъ обладаетъ желѣзнымъ характеромъ. Изъ любви къ нему я сдѣлалъ бы то же самое, что дѣлаетъ для него Гете». Въ ноябрѣ и декабрѣ Гете совершилъ, въ строгомъ инкогнито и совершенно одинокій, поѣздку въ горы Гарца, отчасти для того, чтобы ближе ознакомиться съ горнымъ дѣломъ и возобновить горныя работы въ Ильменау,—отчасти же, чтобы на нѣкоторое время освѣжить себя полнымъ уединеніемъ. Поэтическимъ плодомъ этой поѣздки была прелестная ода «Зимняя поѣздка на Гарць».

Въ томъ же духѣ шла жизнь Гете и въ слѣдующемъ году, который ознаменовался только однимъ болѣе или менѣе выдающимся событіемъ—поѣздкою Гете съ герцогомъ черезъ Лейпцигъ въ Берлинъ и Потсдамъ—резиденцію Фридриха Великаго. Поэту не понравился Берлинъ, а еще менѣе люди, окружавшіе Фридриха. «Въ

Пруссіи, пишетъ онъ Мерку, я не проронилъ ни одного слова, которое не могло бы быть напечатано, за что меня и разславили гордецомъ и т. п... Въ Берлинѣ мы пробыли нѣсколько дней, и я смотрѣлъ на все съ любопытствомъ, какъ ребенокъ смотритъ въ ящикъ съ рѣдкостями... Видѣлъ я близко и стараго Фрица, любовался его золотомъ, серебромъ, мраморомъ, обезьянами, попугаями и слышалъ, какъ разсуждали о великомъ человѣкѣ его собственные бездѣльники».

Въ 1779 году Гете былъ еще болѣе занятъ государственными дѣлами, чѣмъ въ предыдущіе годы, такъ какъ на него возложено было предсѣдательство въ комиссіи военной и путей сообщенія, — «два новыхъ, отвратительныхъ обстоятельства», какъ выражался онъ въ минуты раздраженія. Поэтъ вполне добросовѣтно относился къ новымъ своимъ обязанностямъ; участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ комиссій, ѣздилъ ревизовать дороги, слѣдилъ за производствомъ рекрутскаго набора. Сознаніе добросовѣтнаго исполненія трудной и непріятной работы доставляло ему чувство полного удовлетворенія: онъ считалъ свои свободные часы какъ бы заслуженною наградою за трудъ и съ удвоенною энергіею отдавался въ эти часы своему настоящему призванію. Результатомъ этихъ отрадныхъ досуговъ была первая (прозаическая) обработка «Ифигеніи въ Тавридѣ», которая была окончена въ концѣ марта, а въ апрѣлѣ была поставлена на сценѣ вновь устроеннаго театра, причемъ Гете игралъ Ореста, принцъ Константинъ — Пилада, Ифигенію — Корона Шретеръ и Тоаса — Кнебель. Пьеса имѣла большой успѣхъ; въ особенности хорошъ былъ самъ Гете въ исполняемой имъ роли. «Я никогда не забуду, пишетъ Гуфеландъ, присутствовавшій на этомъ спектаклѣ, того впечатлѣнія, которое производилъ Гете въ роли Ореста. Казалось, что я вижу передъ собою Аполлона. Нигдѣ еще не было такого соединенія физической и духовной красоты, какъ въ лицѣ Гете».

Осенью нашъ поэтъ предпринялъ, вмѣстѣ съ герцогомъ, путешествіе въ Швейцарію, инкогнито и не увѣдомивъ дворъ о своемъ отъѣздѣ, къ немалому удивленію и досадѣ придворнаго общества. Инкогнито, впрочемъ, разоблачилось уже въ Касселѣ, гдѣ наши путешественники познакомились съ знаменитымъ мореплавателемъ Форстеромъ. Изъ Касселя они поѣхали въ Франкфуртъ, гдѣ прогостили нѣсколько дней въ домѣ отца Гете, къ великой радости матери поэта, въ то время какъ старикъ отецъ его отнесся къ

этому почетному посѣщенію довольно равнодушно. Продолжая путешествіе, Гете въ Шпейерѣ покинулъ герцога на нѣкоторое время и поѣхалъ одинъ въ Зезенгеймъ, чтобы еще разъ повидать Фридрику и «воскресить предъ собою часть своей жизни». Приѣхавъ вечеромъ 25 сентября въ памятную его сердцу деревушку, онъ нашелъ всю семью пастора въ сборѣ. Добрые люди были отъ души рады неожиданному посѣщенію того, кто оставилъ имъ по себѣ столько воспоминаній—и свѣтлыхъ, и печальныхъ. Ни со стороны Фридрики, ни отъ родныхъ ея Гете не услышалъ ни одного намека на огорченіе, которое онъ имъ причинилъ: всѣ обращались съ нимъ просто и привѣтливо, какъ съ обыкновеннымъ старымъ знакомымъ. Поэтъ уѣхалъ отъ нихъ примиренный и успокоенный. На слѣдующій день онъ возвратился къ герцогу и около полудня былъ въ Страсбургѣ, гдѣ побывалъ въ семействѣ Тюркгеймъ и видѣлъ свою бывшую возлюбленную Лили, которая была уже болѣе года замужемъ. Здѣсь его также приняли очень дружелюбно; онъ остался у Тюркгеймъ обѣдать, затѣмъ былъ у нихъ вечеромъ и въ ясную лунную ночь уѣхалъ къ герцогу. Отъ привязанностей къ Фридрикѣ и къ Лили теперь оставалось въ душѣ его лишь свѣтлое, спокойное воспоминаніе. «Образы моихъ далекихъ друзей и судьба ихъ, писалъ онъ г-жѣ фонъ Штейнъ, возстаютъ въ душѣ моей, подобно картинѣ страны, на которую смотришь съ высокой горы или съ высоты птичьяго полета». Проѣзжая далѣе черезъ Эммедингенъ, Гете посѣтилъ могилу своей нѣжно любимой сестры. Затѣмъ путешествіе продолжалось черезъ Фрейбургъ, Базель, Бернъ въ разные живописныя мѣстности Швейцаріи (водопадъ Штауббахъ, Юра, долина Шамуни, Фирвальдштедтерское озеро), а оттуда въ Цюрихъ, къ Лафатеру, съ которымъ Гете очень хотѣлъ повидаться, несмотря на усилившееся съ теченіемъ времени различіе въ ихъ философскихъ и религіозныхъ возрѣніяхъ. Благодаря сдержанности обоихъ друзей, свиданіе обошлось благополучно, безъ рѣзкихъ споровъ. Посѣтивъ Боденское озеро и Рейнскій водопадъ, путешественники отправились въ Штутгартъ, гдѣ были радушно приняты герцогомъ Карломъ Виртембергскимъ. Гете и герцогъ Веймарскій приглашены были, между прочимъ, на торжественный актъ военной академіи, гдѣ они присутствовали при раздачѣ наградъ студентамъ,—въ числѣ которыхъ былъ Шиллеръ, тогда еще неизвѣстный юноша, въ будущемъ соперникъ и лучший другъ нашего поэта. Посѣтивъ, затѣмъ, владѣтельныхъ особъ въ Карлсруэ, Дармштадтѣ

и Гомбургъ, путешественники 13 января 1780 года вернулись въ Веймаръ.

Только что изложенное нами второе путешествіе въ Швейцарію обозначаетъ собою важный моментъ въ жизни Гете: оно стоитъ какъ разъ на рубежѣ его молодости и зрѣлаго возраста. Вступивъ въ 1780 году въ четвертый десятокъ лѣтъ своей жизни, Гете какъ бы оглядывается на свое прошлое, всматривается въ самого себя и рѣшается безпощадно подавить въ себѣ все, что казалось ему вреднымъ или недостойнымъ. Беспорядочность въ обыденной жизни, неукротимость желаній, отсутствіе системы въ занятіяхъ и предпріятіяхъ, — все это кажется ему заслуживающимъ рѣзкаго порицанія, все это онъ считаетъ необходимымъ исправить. Въ немъ начинается пробуждаться духъ суроваго порядка и строгой систематизаціи, унаслѣдованный отъ отца, и все болѣе и болѣе обуздывается смѣлая, непосредственная фантазія, — прямое наслѣдство матери. Нельзя, конечно, сказать, чтобы эта перемѣна рѣзко проявилась въ немъ послѣ швейцарскаго путешествія: и ранѣе обозначались уже въ немъ признаки внутренняго переворота. Они сказывались въ отчужденіи его отъ людей, въ сдержанности и замкнутости, за которую, какъ мы видѣли, его упрекали уже во второй годъ его Веймарской жизни; эта же перемѣна сказывалась отчасти и въ его произведеніяхъ, которыя обнаруживаютъ рѣзкое отклоненіе отъ духа эпохи «бури и натиска», примѣромъ чего можетъ служить «Ифигенія», написанная въ строгомъ и спокойномъ античномъ стилѣ. Но послѣ путешествія въ Швейцарію измѣненіе его характера становится очевиднымъ; онъ вноситъ въ свою жизнь строгій порядокъ, удерживается отъ всякихъ сильныхъ душевныхъ движеній, становится весьма умѣреннымъ въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, — словомъ всячески старается сдѣлаться полнымъ господиномъ самого себя.

Въ этомъ же смыслѣ стала замѣтна перемѣна и въ герцогѣ, который началъ обнаруживать все болѣе и болѣе сдержанности и самообладанія.

1780 годъ прошелъ въ напряженной дѣятельности. Кромѣ государственныхъ занятій, неизбѣжнаго участія въ придворныхъ пріемахъ и торжествахъ, Гете занимался минералогіей, на которую онъ поневолѣ обратилъ вниманіе при ознакомленіи съ горнымъ дѣломъ, а также написалъ рядъ произведеній въ стихахъ и прозѣ: первую часть писемъ изъ Швейцаріи, вольную переработку комедіи Ари-

стофана «Птицы», прелестную оду «Моя богиня», и другія стихотворенія, а также началъ писать своего «Тассо».

Остальные годы разсматриваемаго нами періода (1780—1786) протекли среди такой же кипучей дѣятельности на поприщахъ государственной службы, искусства и науки. За усердное исполненіе многостороннихъ служебныхъ обязанностей герцогъ возвелъ его въ дворянство и поручилъ ему предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ. Это повышеніе послѣдовало вскорѣ послѣ смерти отца нашего поэта (онъ умеръ въ концѣ мая 1782 года), но врядъ ли особенно обрадовало бы старика, который не былъ вполне доволенъ тѣмъ родомъ карьеры, какой былъ избранъ его сыномъ. Вслѣдствіе усиленія своей официальной дѣятельности, Гете принужденъ былъ покинуть свой загородный домъ и переѣхать въ самый Веймаръ. Наряду съ официальными занятіями шло изученіе естественныхъ наукъ, которыми Гете увлекался все болѣе и болѣе. Онъ ревностно продолжалъ свои минералогическія и геологическія наблюденія и сдѣлалъ еще двѣ поѣздки на Гарцъ (осенью 1783 и 1784 года); къ этимъ занятіямъ присоединились анатомическія, а наконецъ также и ботаническія изслѣдованія. По части анатоміи онъ интересовался преимущественно остеологіей (ученіемъ о костяхъ), которую сталъ изучать подъ руководствомъ профессора Лодера въ Іенѣ. Остеологическія изслѣдованія повели его къ блестящему открытію въ области сравнительной анатоміи: онъ нашелъ, что межчелюстная кость, которую считали исключительно принадлежностью животныхъ, встрѣчается иногда и у человѣка. Ботаническія занятія были начаты имъ лишь въ 1785 году. Литературными произведеніями этотъ періодъ былъ довольно обилень: сильно подвинулась впередъ обработка «Тассо», почти законченъ «Эгмонтъ», написано шесть книгъ «Вильгельма Мейстера», драматическій отрывокъ «Эльпеноръ», фарсъ «Шутка, коварство и месть» и цѣлый рядъ стихотвореній, крупныхъ и мелкихъ (въ томъ числѣ много антологическихъ), такъ что въ 1786 г. былъ совершенно готовъ обильный матеріалъ для первыхъ четырехъ томовъ собранія сочиненій нашего поэта, предпринятаго книгопродавцемъ Гешеномъ въ Лейпцигѣ. Всего Гете предполагалъ напечатать 8 томовъ, за которые онъ долженъ былъ получить гонораръ въ 2000 талеровъ.

Какъ ни старался Гете найти душевное равновѣсіе среди своихъ многочисленныхъ и разностороннихъ работъ,—это не удалось ему въ той мѣрѣ, какъ онъ надѣялся. Увеличеніе официальныхъ обязан-

ностей сильно тяготило его: въ глубинѣ души онъ чувствовалъ себя лишь поэтомъ и мыслителемъ, и роль перваго министра, которую ему приходилось играть въ такіе сравнительно молодые годы, становилась ему все болѣе и болѣе непріятною. Сильнаго напряженія достигло это чувство тяготы и недовольства уже въ 1783 году, когда у герцога родился сынъ — наследный принцъ Веймарскій. Этотъ годъ вообще былъ поворотнымъ годомъ въ жизни Веймарскаго двора, такъ какъ и герцогъ со времени рожденія сына сталъ сдержаннѣе и спокойнѣе, чѣмъ когда либо. Уйдя совершенно въ самого себя, сдѣлавшись до крайности молчаливымъ и несообщительнымъ, Гете дѣлалъ мечту сбросить съ себя придворныя узы, почувствовать себя на болѣе долгій срокъ вольной птицей, отдаться всецѣло тому, къ чему влекло его внутреннее стремленіе, — поэзій и изученію природы. Эти мечты объ отдыхѣ и свободѣ, страстное стремленіе служить исключительно своему истинному призванію нашли себѣ выраженіе въ балладѣ «Швейцъ» и въ безсмертномъ небольшомъ стихотвореніи «Горныя вершины» (превосходно переведенномъ на русскій языкъ Лермонтовымъ). Все болѣе и болѣе созрѣвало въ нашемъ поэтѣ намѣреніе уѣхать на долго изъ Веймара, — и цѣлью этого бѣгства представлялась ему Италія, на которую онъ съ дѣтства привыкъ смотрѣть какъ на обѣтованную страну искусства. Въ концѣ концовъ стремленіе въ Италію превратилось въ немъ, по собственному сознанію поэта, въ настоящую болѣзнь; насколько велико было оно, ясно показываетъ знаменитая пѣсня Миньоны «Ты знаешь ли край, гдѣ лимоны цвѣтутъ», написанная, повидимому, незадолго передъ отъѣздомъ въ Италію.

Въ 1785 году Гете предпринялъ, отчасти съ геологическою, отчасти съ гигиеническою цѣлью, путешествіе въ Карлебадъ. Лѣченіе минеральными водами и тамошнее общество понравились поэту, и въ концѣ лѣта 1786 года онъ вторично поѣхалъ въ Карлебадъ, но уже съ затаенною цѣлью отправиться оттуда въ болѣе далекое путешествіе. Неожиданно для всѣхъ, онъ уѣхалъ изъ Карлебада, совершенно одинъ, съ походной сумкой черезъ плечо, въ три часа утра 3 сентября, отправивъ лишь къ герцогу прощальное письмо, въ которомъ просилъ себѣ отгулка на неопредѣленное время.

V.

Путешествіе въ Италію и первыя шесть лѣтъ по возвращеніи
(1786—1794).

Верона, Виченца, Венеція, Болонья.—Первое пребываніе въ Римѣ.— Знакомство съ художниками.— Неаполь.— Путешествіе въ Сицилію и возвращеніе черезъ Неаполь въ Римъ.— Занятія искусствами.— Любовь къ прекрасной миланкѣ.— Литературныя труды.— Возвращеніе въ Веймаръ.— Вліяніе итальянскаго путешествія на характеръ, взгляды и дѣятельность Гете.— Охлажденіе между Гете и Веймарскимъ обществомъ.— Христина Вульпіусъ — Разрывъ съ г-жею Штейнъ.— Занятія ботаникою, оптикою и остеологіею.— Поэтическая дѣятельность.— Политическія затрудненія.— Походъ во Францію и возвращеніе.— Осада Майнца.

Гете путешествовалъ инкогнито, подъ именемъ купца Меллера. Черезъ Мюнхенъ и Тироль прибылъ онъ 16 сентября въ Верону, гдѣ осмотрѣлъ древній амфитеатръ. Изъ Вероны онъ черезъ три дня пріѣхалъ въ Виченцу и пробылъ тамъ около недѣли, привлекаемый по преимуществу архитектурными сооруженіями этого города (Олимпійскій театръ, базилика и пр.). Затѣмъ онъ продолжалъ путь черезъ Падую въ Венецію. Здѣсь Гете прожилъ слишкомъ двѣ недѣли, осматривая городъ и его многочисленныя достопримѣчательности. Изъ зданій его интересовали церковь *Il Redentore*, монастырь *Carità* и др.; изъ картинъ особенно понравилась ему картина Паоло Веронезе, изображающая колѣнопреклоненную семью Дарія передъ Александромъ. Чтобы познакомиться съ народными итальянскими напѣвами, онъ заказалъ для себя такъ называемое «пѣніе лодочниковъ». При лунномъ свѣтѣ плылъ онъ въ гондолѣ, гдѣ одинъ лодочникъ стоялъ на кормѣ, другой—на носу и оба пѣли поочередно, стихъ за стихомъ, изъ Тассо и Аріосто,—затѣмъ, въ одномъ мѣстѣ канала, пѣвцы вышли на берегъ, разошлись въ разныя стороны и пѣли, чередуясь, издали. Гете былъ глубоко растроганъ этимъ пѣніемъ. Онъ посѣщалъ также оперу и былъ пораженъ тѣмъ живымъ участіемъ, какое зрители принимали въ представленіи; подобное же участіе публики замѣтилъ онъ и при посѣщеніи залы суда во время разбирательства одного дѣла. Живая, общительная натура венеціанцевъ удивляла его своимъ контрастомъ съ хладнокровіемъ и замкнутостью сѣверянъ. Какъ натуралистъ, Гете также нашелъ въ Венеціи немало интереснаго: рыбный рынокъ изобилдовалъ множествомъ всевозможныхъ морскихъ животныхъ,

жизнь которыхъ можно было наблюдать и на волѣ, выѣзжая на лодкѣ въ море.

Уже и теперь, въ самомъ началѣ своего путешествія, Гете чувствовалъ себя чрезвычайно освѣженнымъ и ободреннымъ новыми впечатлѣніями. «О, если бы я могъ, писалъ онъ въ Веймарѣ, передать вамъ, друзья мои, хотя частицу этого легкаго существованія!» Съверь казался ему теперь мрачною тюрьмою, изъ которой онъ впервые вырвался, чтобы узнать настоящую жизнь.

Въ половинѣ октября нашъ поэтъ отплылъ въ Феррару, откуда вскорѣ отправился въ Болонью. Здѣсь онъ осматрѣлъ разныя зданія и множество картинъ, изъ которыхъ его наиболѣе привлекла «святая Агата» Рафаэля. 23 октября Гете былъ уже во Флоренціи, гдѣ почти не остановился, торопясь въ Римъ, куда и прибылъ, черезъ Перуджію и Сполето, 28 октября. «Теперь я спокоенъ, писалъ онъ 1 ноября въ Веймарѣ,—спокоенъ, кажется, на всю мою жизнь. Можно смѣло сказать, что тамъ, гдѣ мы видимъ воочию и въ цѣломъ все то, что было намъ извѣстно лишь по наслышкѣ и по частямъ,—тамъ начинается для насъ новая жизнь. Всѣ грезы моей юности теперь оживаютъ предо мною; первыя гравюры, какія я только помню—эти виды Рима въ комнатахъ отцовскаго дома—возстаютъ передъ моими глазами въ дѣйствительности... Куда я ни пойду, вездѣ встрѣчаю знакомое въ этомъ новомъ для меня мірѣ; все это таково, какъ я его себѣ представлялъ, и все-таки ново. То-же самое могу я сказать и о моихъ взглядахъ, моихъ идеяхъ. Нѣтъ у меня ни одной новой мысли, не нашелъ я ничего для себя неожиданнаго; но прежнія мысли мои приобрѣли такую опредѣленность, живость и взаимную связь, что ихъ можно считать за новыя». Мы выписали эту цитату потому, что она превосходно выражаетъ собою то умственное и нравственное «перерожденіе», которое Гете испыталъ въ Италіи, откуда онъ возвратился, по его словамъ, совсѣмъ инымъ, новымъ человѣкомъ.

Римъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, какъ столица и святыня всего католическаго міра,—весьма мало интересовалъ нашего поэта. Онъ видѣлъ папу во время богослуженія и сперва пришелъ въ восторгъ отъ великолѣпнаго зрѣлища; въ немъ пробудилось страстное желаніе услышать обращеніе папы къ народу,—но когда никакого подобнаго обращенія не послѣдовало, а вмѣсто того папа расхаживалъ передъ алтаремъ туда и сюда, бормоча молитвы,—то въ немъ «проснулось протестантское нечестіе»,

и онъ отвернулся отъ пышнаго зрѣлища, обративъ свое вниманіе на статуи и картины. Искусство и его памятники — вотъ все, что привлекало нашего поэта въ «вѣчномъ городѣ». Картины Тиціана, Гвидо, Рафаэля, Микель-Анджело, фрески Доминикино, фарнезская галлерей Каррачіо, Аполлонъ Бельведерскій, Колизей, соборъ Св. Петра, — все это приводило его въ восторгъ и оставляло глубокіе слѣды въ его художественномъ развитіи. Много помогаль ему въ изученіи картинъ великихъ мастеровъ знакомый нѣмецкій живописецъ Тишбейнъ, жившій въ то время въ Римѣ. Черезъ Тишбейна Гете познакомился съ кружкомъ живописцевъ, въ которомъ видную роль играла художница Анжелика Кауфманъ, — даровитая женщина, душа этого кружка.

Около трехъ мѣсяцевъ жилъ Гете въ Римѣ, изучая памятники искусства. При этомъ онъ не забываль и литературной дѣятельности: Ифигенія, которую онъ началъ перелагать въ ямбическіе стихи, подвигалась понемногу впередъ. Также занимался онъ и естественно-историческими работами, — въ ботаникѣ его интересовала метаморфоза растеній, въ анатоміи онъ увлекся изученіемъ мускулатуры въ отношеніи къ формамъ тѣла.

Послѣ карнавала, который не произвелъ на него пріятнаго впечатлѣнія, Гете уѣхаль (22 февраля 1787) въ Неаполь, вмѣстѣ съ Тишбейномъ. Здѣсь онъ былъ охваченъ совсѣмъ инымъ настроеніемъ, чѣмъ въ Римѣ. Море, чудное небо, Везувій, — словомъ, дивныя картины природы почти совершенно отвлекли его отъ изученія древностей, и даже Геркуланумъ и Помпея интересовали его сравнительно мало. «Природа — это все-таки единственная книга, представляющая на всѣхъ своихъ страницахъ одинаково великое содержаніе!» восклицаетъ онъ. День и ночь гуляль онъ по морскому берегу, по площадямъ и улицамъ Неаполя, и три раза поднимался на Везувій, причемъ въ послѣдній разъ едва не задохся отъ дыма и избѣжалъ горячей лавы лишь благодаря энергіи своего проводника. Роскошная растительность Италіи заставляла нашего поэта много думать и о растеніяхъ, и въ Неаполь онъ въ значительной мѣрѣ выработаль свою идею о растеніи-первообразѣ.

Изъ Неаполя Гете намѣренъ былъ отправиться въ Сицилію. Тишбейнъ по своимъ дѣламъ не могъ далѣе сопровождать Гете и рекомендовалъ ему другого нѣмецкаго художника, Книпа. Книпъ, по условію, заключенному съ Гете, долженъ былъ рисовать ему ландшафты въ ихъ путешествіи. Въ концѣ марта Гете съ Книпомъ

отправились на корабль въ Сицилію. Они плыли слишкомъ четыре дня и вытерпѣли сильную качку, во время которой Гете, мучимый морской болѣзью и лежа въ каютѣ, обдумывалъ первые два акта своего «Тассо». Путешественники высадились въ Палермо, гдѣ Гете провелъ болѣе двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ дѣлалъ многочисленныя экскурсіи въ окрестностяхъ, наслаждался роскошною природою и собиралъ растенія и минералы, не забывая познакомиться и съ памятниками искусства, находившимися въ городѣ. Узнавъ, что въ Палермо живутъ мать и сестра знаменитаго Каліостро, Гете не могъ удержаться отъ искушенія посѣтить ихъ. Онъ явился къ нимъ, выдавъ себя за англичанина, который, будто бы, встрѣтился съ Каліостро въ Лондонѣ. Впослѣдствіи изъ Веймара онъ посылалъ деньги этимъ родственникамъ Каліостро, которые оказались весьма бѣдными людьми.

Изъ Палермо Гете совершилъ путешествіе по Сициліи. Посѣтивъ Алькамо, Сегесту, Джирдженти и Катанію и осмотрѣвъ вездѣ по пути памятники древности, путешественники прибыли въ Мессину, носившую свѣжіе слѣды недавняго землетрясенія. Картина разрушенія непріятно подѣйствовала на Гете; сверхъ того, губернаторъ Мессины оказался своевольнымъ, капризнымъ старикомъ, отъ котораго можно было ожидать большихъ непріятностей. Поэтому Гете былъ очень радъ, когда представился случай уѣхать въ Неаполь на французскомъ купеческомъ кораблѣ. Обратное морское путешествіе было гораздо безпокойнѣе перваго: корабль попалъ въ сильное морское теченіе и едва не разбился о скалы острова Капри. Къ счастью все окончилось благополучно, и 17 мая Гете уже былъ въ Неаполѣ, гдѣ провелъ около двухъ недѣль, наслаждался картиною изверженія Везувія и, наконецъ, дружески распрощавшись съ Кницомъ, выѣхалъ въ Римъ.

Въ Римѣ нашъ поэтъ вновь примкнулъ къ кружку художниковъ и началъ самъ заниматься живописью. Искусство это уже съ дѣтства привлекало его, и не разъ приходила ему въ голову мысль, — не долженъ ли онъ сдѣлаться живописцемъ, не здѣсь ли онъ найдетъ свое настоящее призваніе. До сихъ поръ попытки его были, большею частію, неудачны; когда онъ обращался къ профессиональнымъ художникамъ съ вопросомъ о своемъ рисовальномъ талантѣ, то получалъ обыкновенно неопредѣленные или мало благопріятные отвѣты. Тѣмъ не менѣе, изученіе классическихъ образцовъ живописи и жизнь среди художниковъ возбудили въ немъ столь сильное

желаніе овладѣть этимъ искусствомъ, что онъ не могъ удержаться отъ новой попытки достигъ чего нибудь на этомъ пути.

Эссе
 Сентябрь и октябрь Гете провелъ на дачахъ неподалеку отъ Рима—сперва въ Фраскати (древній Тускулумъ), потомъ въ Кастель-Гандольфо. Здѣсь онъ познакомился съ красивою, молодою дѣвушкой, пріѣзжей изъ Милана, и влюбился въ нее. Неожиданно узнавъ, что она невѣста другого, онъ былъ очень огорченъ и рѣшилъ погасить свою страсть въ самомъ началѣ, прекративъ почти всякія сношенія съ красавицей-миланкой. Но въ декабрь, когда онъ давно уже возвратился въ Римъ, онъ случайно узналъ, что женихъ отказался отъ своей невѣсты и что послѣдняя сильно захворала отъ огорченія. Когда дѣвушка выздоровѣла, онъ опять сблизился съ ней,—но это сближеніе, какъ и прежнія его увлеченія, не повело ни къ чему: передъ отъѣздомъ изъ Рима Гете дружески, но вполне спокойно распрощался съ прекрасной миланкой и никогда болѣе не видѣлъ ея.

За все это время Гете продолжалъ ревностно изучать картины и статуи, пользуясь по преимуществу указаніями даровитаго художника Генриха Мейера. Что касается его усилій добиться самому какихъ либо результатовъ въ живописи, то онъ пришелъ, наконецъ, къ сознанію своей неспособности къ этому искусству. «Съ каждымъ днемъ становится мнѣ яенѣе, пишетъ онъ отъ 22 февраля, что я рожденъ собственно для поэзіи». Одушевляемый этимъ совершенно вѣрнымъ сознаніемъ, онъ энергично принялся за выполненіе нѣкоторыхъ своихъ литературныхъ плановъ. «Ифигенія» и «Эгмонтъ» уже ранѣе были имъ закончены; теперь онъ принялся за давно оставленнаго «Фауста», интересъ къ которому пробудился въ немъ съ новою силою. «Это была плодovitая недѣля, пишетъ онъ 1 марта 1788 года,—въ воспоминаніи она представляется мнѣ, какъ цѣлый мѣсяцъ труда. Прежде всего сдѣланъ планъ къ Фаусту, и я надѣюсь, что эта операція мнѣ удалась. Конечно, совсѣмъ иное дѣло писать эту вещь теперь, чѣмъ это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но я полагаю, что результатъ отъ этого не пострадаетъ, такъ какъ я, повидимому, снова нашелъ прежнюю нить. Я спокоенъ также относительно общаго типа пьесы; я уже написалъ одну новую сцену, и если немного позаконтитъ бумагу, то никто, я думаю, не отличитъ ея отъ старыхъ». Подъ этою сценою разумѣется «Кухня вѣдьмы», написанная въ саду виллы Боргезе: дѣйствительно, она носитъ вполне сѣверный, средневѣковый колоритъ, соотвѣтственно

остальнымъ сценамъ первой части «Фауста». Около этого же времени возникла и прелестная сцена «Оврагъ въ лѣсу». Кромѣ «Фауста», Гете занялся также «Тассомъ», написалъ «Апоѳеозъ художника» и проч.

Мало по малу приближалось время разлуки съ Италіею. Еще разъ Гете былъ свидѣтелемъ римскаго карнавала, который хотя по-прежнему не понравился ему, но съ бытовой стороны заинтересовалъ его болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Послѣ Святой недѣли онъ началъ готовиться къ отъѣзду. Какъ ни тяжела была для него мысль покинуть Римъ, гдѣ ему жилось такъ хорошо, и возвратиться въ холодный Веймаръ съ его придворными церемоніями, — однако приходилось рѣшиться, такъ какъ вѣчно оставаться въ Италіи было нельзя, а сверхъ того собиралась пріѣхать въ Римъ герцогиня Амалия, которой Гете вовсе не хотѣлъ служить путеводителемъ, несмотря на все уваженіе къ ней. Итакъ, въ концѣ апрѣля нашъ поэтъ выѣхалъ изъ Рима и, проѣхавъ черезъ Флоренцію, Миланъ, Комское озеро, Штутгартъ и Нюрнбергъ, въ лунную ночь 18 іюня 1788 г. прибылъ въ Веймаръ, на пути значительно подвинувъ впередъ своего «Тассо».

Путешествіе въ Италію имѣло глубокое вліяніе на окончательную выработку характера Гете и на всю его послѣдующую дѣятельность. Выше мы видѣли, что уже во время перваго своего пребыванія въ Римѣ онъ чувствовалъ себя совершенно переродившимся и на все смотрѣлъ съ новой точки зрѣнія. Его понятія, симпатіи, вкусы претерпѣли полное измѣненіе. Въ молодости его интересовала, напр., готическая архитектура, и Страсбургскій соборъ былъ для него предметомъ долгаго изученія и восторга; но уже въ Венеціи онъ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе объ этой архитектурѣ и насмѣхается въ своихъ письмахъ надъ готическими колоннами, «похожими на табачные чубуки», надъ башенками, зубчиками и прочими готическими украшеніями, отъ которыхъ онъ, «слава Богу, теперь отдѣлался на вѣки». Столь же рѣзко измѣнился и взглядъ его на поэзію періода «бури и натиска», когда-то пользовавшуюся его симпатіями и даже предводительствуемую имъ. Его утонченному вкусу, выработанному изученіемъ античнаго искусства, не могли уже нравиться бурныя поэмы, романы и драмы, писавшіяся какъ Богъ на душу положить, съ полнымъ пренебреженіемъ къ внѣшней отдѣлкѣ и большею частію лишенные художественнаго чувства мѣры. Пріѣхавъ въ Веймаръ, онъ пришелъ въ ужасъ отъ того

успѣха, которымъ пользовались «Разбойники» Шиллера наряду съ «Ардингелло» Гейнзе. Религіозныя воззрѣнія его также стали нѣсколько иныя: если и прежде онъ былъ далеко не ортодоксальнымъ христіаниномъ, то теперь сдѣлался настоящимъ «язычникомъ». Равнымъ образомъ обострилось и его нерасположеніе къ искусственности придворной жизни и къ условной морали высшаго общества: привыкнувъ жить среди людей, близкихъ къ природѣ, неизуродованныхъ сѣверною романтической цивилизаціей, онъ чувствовалъ себя вдвойнѣ чуждымъ окружающей средѣ.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что такой переворотъ въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ совершился только въ послѣдніе два года, исключительно подъ вліяніемъ итальянскаго путешествія: переворотъ этотъ, въ сущности, произошелъ гораздо постепеннѣе и былъ естественнымъ плодомъ всего хода умственнаго и нравственнаго развитія нашего поэта, а путешествіе въ Италію послужило лишь къ завершенію испытаннаго имъ процесса внутренней переработки. Уже въ первые годы пребыванія въ Веймарѣ сталъ утихать въ немъ необузданный пылъ «бури и натиска», а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ его произведеній, ставшихъ болѣе спокойными и болѣе обработанными съ внѣшней стороны и принявшихъ отчасти античный характеръ («Ифигенія», антологическія стихотворенія и проч.). Охлажденіе къ Лафатеру, начавшееся уже давно, также явственно свидѣтельствуетъ о перемѣнѣ въ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ Гете. Если вспомнить, кромѣ того, что съ дѣтскихъ лѣтъ онъ слышалъ отъ отца восторженные похвалы Италиі и классическому искусству, то мы поймемъ, что вліяніе итальянской природы и впечатлѣнія, вынесенныя изъ Рима, нашли въ немъ для себя вполне подготовленную почву.

Въ сущности, слѣдовательно, Гете не испыталъ никакого «перерожденія», какъ онъ любилъ выражаться, но лишь *завершилъ* поѣздкою въ Италію выработку своего міросозерцанія, надъ которою онъ сознательно или безсознательно работалъ всю свою предшествующую жизнь.

Причина увлеченія Гете античнымъ міромъ и классическимъ искусствомъ лежитъ не только во впечатлѣніяхъ дѣтства, но имѣетъ, такъ сказать, свои корни въ самой натурѣ нашего поэта. Гете былъ глубокимъ реалистомъ въ своихъ произведеніяхъ. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что большая часть его произведеній, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ, имѣли реальную основу въ его

жизни. Въ этомъ и достоинство его стихотвореній, — ихъ необыкновенная правдивость, — и недостатки ихъ — нерѣдко крайняя субъективность, дѣлающая ихъ иногда непонятными безъ комментарія. Не даромъ онъ называлъ свои стихотворенія «своею поэтической неповѣдью». Какъ реалистъ, онъ одинъ изъ первыхъ въ Германіи взялъ себѣ за образецъ Шекспира и поднялъ знамя «бури и натиска». Но этотъ реализмъ не удовлетворилъ его, такъ какъ носилъ на себѣ слишкомъ еще романтическій, отчасти сентиментальный характеръ. Поэтому онъ рѣшился идти далѣе, заимствовать у древнихъ ихъ непосредственное отношеніе къ природѣ, которую они умѣли воспроизводить, напр., въ своихъ статуяхъ, съ идеальной вѣрностью, являющеюся въ то же время лучшимъ залогомъ красоты. Слѣдовательно, стремленіе Гете къ античной формѣ въ его произведеніяхъ является лишь высшимъ выраженіемъ его реализма.

Какъ бы то ни было, путешествіе въ Италію явилось все-таки поворотнымъ пунктомъ въ жизни Гете: лишь послѣ этого путешествія онъ созналъ себя вполне сложившимся человѣкомъ, съ опредѣленнымъ, цѣльнымъ міросозерцаніемъ. Процессъ «перерожденія», пережитый имъ въ глубинѣ души, наединѣ съ самимъ собою, былъ настолько сложенъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ былъ не понятъ его Веймарскими друзьями. Возвратившись изъ Итали, онъ вскорѣ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ не только въ Веймарѣ, но и вообще на своей родинѣ. Веймарское общество нашло его сильно измѣнившимся и относилось къ нему холодно, не раздѣляя его взглядовъ на искусство; друзья, съ которыми онъ былъ прежде въ перепискѣ (Лафатеръ, Якоби и др.) большею частью стали ему чужды вслѣдствіе крайняго различія взглядовъ; съ Шиллеромъ, который восходилъ тогда новою яркою звѣздой въ нѣмецкой литературѣ, Гете не могъ сблизиться, такъ какъ возмущался его «Разбойниками». Отношенія его къ г-жѣ фонъ Штейнъ начали охлаждать еще въ Итали, а по прибытіи въ Веймаръ стали еще холоднѣе. Шарлоттѣ фонъ Штейнъ было въ то время уже сорокъ пять лѣтъ; естественно, охлаждѣвшую любовь къ старѣющей женщинѣ Гете искалъ замѣнить дружбою, но это ему, какъ мы увидимъ, не удалось.

При такихъ обстоятельствахъ нашему поэту ничего болѣе не оставалось, какъ снова уединиться, замкнуться въ самого себя и отдаться разработкѣ богатаго матеріала, привезеннаго имъ изъ Итали. По просьбѣ Гете, герцогъ освободилъ его отъ предсѣдатель-

ства въ государственномъ совѣтѣ и военной комиссіи, послѣ чего поэтъ зажилъ спокойною, уединенною жизнью, въ которую, однако, вскорѣ неожиданно вкрался новый элементъ. Гуляя однажды (въ іюль 1788 года) въ паркѣ, Гете встрѣтилъ молодую дѣвушку изъ низшаго сословія, которая подала ему просьбу о доставленіи мѣста ея брату. Дѣвушкѣ этой, по имени Христинѣ Вульпіусъ, суждено было сдѣлаться женою нашего поэта. Это была миловидная блондинка, небольшого роста, съ довольно правильными чертами лица и большими голубыми глазами. Познакомившись съ Гете, она вскорѣ переселилась къ нему. Связь эту Гете первоначально старался скрывать, но не торопился закрѣпить бракомъ. Когда отношенія его къ Христинѣ Вульпіусъ сдѣлались извѣстны Веймарскому обществу, то послѣднее было до-нельзя скандализировано этимъ неожиданнымъ событіемъ и не находило словъ для осужденія Гете. Въ особенности неистовствовали, конечно, дамы и болѣе всѣхъ г-жа фонъ Штейнъ, съ которою воспослѣдовалъ у Гете, послѣ обмѣна нѣсколькихъ писемъ, полный разрывъ.

Такимъ образомъ съ 1788 года началась семейная жизнь Гете. Онъ страстно любилъ свою Христину и привязывался къ ней тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше злословили на ея счетъ. Она съ своей стороны вполнѣ заслуживала его привязанность, такъ какъ любила Гете искренно, была хорошей хозяйкой и отличалась живымъ, веселымъ нравомъ. Образованія она была весьма умѣреннаго, но обладала природнымъ умомъ, который могъ, конечно, только развиться въ обществѣ такого человѣка, какъ Гете.

Чѣмъ обратила Христина на себя вниманіе поэта, чѣмъ привлекла его настолько, что онъ не побоялся громаднаго скандала, который былъ неизбеженъ при обнаруженіи этой связи? Христина была миловидна, — но не красавица, неглупа, — но не отличалась никакими особыми дарованіями. По всей вѣроятности, его плѣнила ея простота, наивность, естественность, т. е. именно тѣ стороны, которыя составляли выгодный контрастъ съ искусственными, дѣланными чарами свѣтскихъ дамъ, столь оскорбленныхъ его пренебреженіемъ къ нимъ и сближеніемъ съ простою дѣвушкою. Можно спросить, отчего же онъ тотчасъ не женился на Христинѣ? Мысль о бракѣ у него была, но, во-первыхъ, бракъ не уменьшилъ бы, а еще усилилъ бы скандальное впечатлѣніе связи, такъ какъ возбудился бы вопросъ о принятіи Христины въ общество Веймарскихъ дамъ; а во-вторыхъ, сама Христина не только не настаивала на бракосочетаніи, но желала отерочки его.

Устроивъ свое семейное гнѣздышко, Гете сталъ дѣятельно работать на поприщѣ поэзіи и науки. Подъ впечатлѣніемъ любви къ Христинѣ написалъ онъ свои великолѣпныя «Римскія элегіи»; затѣмъ напечаталъ «Эгмонта», оконченнаго еще въ Италіи, и закончилъ «Тассо». Результатомъ его научныхъ работъ была теорія метаморфозы растеній, которую онъ поэтически изложилъ въ прелестномъ стихотвореніи, обращенномъ къ Христинѣ.

Вскорѣ Гете поручено было герцогомъ завѣдываніе всѣми учеными и художественными учрежденіями въ странѣ, — должность, въ которой Гете чувствовалъ себя гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ роли президента палаты.

Въ концѣ декабря 1789 года Христина подарила поэту сына, котораго назвала Августомъ. Герцогъ, не раздѣлявшій предразсудковъ Веймарскаго общества, былъ крестнымъ отцомъ этого ребенка.

Весною 1790 года поэтъ уѣхалъ въ Венецію на встрѣчу герцогинѣ Амаліи, возвращавшейся изъ своего итальянскаго путешествія. Ему было очень трудно разстаться съ семьей, съ которою онъ уже тѣсно свыкся. Венеція на этотъ разъ не такъ уже понравилась ему, какъ въ первое посѣщеніе; «я теперь нѣсколько болѣе нетерпимъ къ свиной жизни этой націи, чѣмъ въ первый разъ», писалъ онъ Гердеру. Герцогини ждать пришлось довольно долго, и Гете имѣлъ досугъ заняться изученіемъ картинъ и сочиненіемъ своихъ «Венеціанскихъ эпиграммъ». Счастливый случай натолкнулъ его также на замѣчательное научное открытіе. Когда поэтъ гулялъ по еврейскому кладбищу Венеціи, сопровождавшій его слуга поднялъ валявшійся на землѣ овечій черепъ и подалъ Гете, съ шутливымъ замѣчаніемъ, что это черепъ еврея. Черепъ оказался, на счастье, разсѣвшимся по швамъ такъ удачно, что сходство его съ позвоночникомъ сдѣлалось весьма нагляднымъ. Это подало Гете мысль о позвоночной теоріи черепа, — о которой мы будемъ еще говорить ниже.

Наконецъ герцогиня пріѣхала и послѣ осмотра художественныхъ достопримѣчательностей Венеціи и другихъ городовъ сѣверной Италіи возвратилась вмѣстѣ съ Гете въ Веймаръ, откуда поэту вскорѣ пришлось опять уѣхать въ Силезію, сопровождая герцога по политическимъ дѣламъ. Лишь въ октябрѣ вернулся поэтъ къ своему любимому семейному очагу. Душевное спокойствіе, котораго онъ ожидалъ здѣсь достигнуть, не могло, однако, установиться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, его не могло не огорчать равнодушіе публики къ его новымъ произведеніямъ (Шфигенія, Эгмонтъ,

Тассо), которыя стоили ему столько труда и которыя онъ самъ высоко цѣнилъ. Не менѣе раздражало поэта и скептическое отношеніе цеховыхъ ученыхъ къ его научнымъ трудамъ. Но болѣе всего нарушалось душевное равновѣсіе Гете политическими событіями. Въ 1789 году начала разыгрываться великая драма французской революціи; пожаръ войны грозилъ охватить всю Европу. Отъ природы врагъ всякаго безпорядка, Гете, при своемъ нерасположеніи къ политикѣ вообще, былъ сторонникомъ идеи постепеннаго, медленнаго и вѣрнаго прогресса, а потому не могъ сочувствовать революціи. Какъ въ геологіи онъ былъ яримъ врагомъ вулканизма, допускавшаго безчисленные грозные перевороты въ развитіи земной коры,—такъ и въ политикѣ онъ съ ужасомъ отворачивался отъ войны, мятежа и всякихъ внезапныхъ, насильственныхъ перемѣнъ. И вотъ ему, искавшему лишь мира и долгаго, терпѣливаго труда надъ собранными имъ богатыми матеріалами въ области искусства и науки, ему, только что взявшему на себя управленіе театромъ и отдавшемуся всей душой этому дѣлу, которое онъ считалъ чрезвычайно важнымъ для развитія въ обществѣ настоящаго художественнаго вкуса,—ему приходилось оторваться отъ своихъ любимыхъ занятій и даже участвовать въ военныхъ походахъ!

1791 годъ прошелъ сравнительно спокойно; Гете занимался въ теченіе его преимущественно научными изслѣдованіями въ области оптики, стараясь замѣнить несимпатичную ему свѣтовую теорію Ньютона собственною теоріею цвѣтовъ. Въ этомъ же году основалось въ Веймарѣ художественно-научное общество, которое собиралось по пятницамъ сперва у герцогини Амаліи, затѣмъ у Гете, который нерѣдко дѣлалъ въ этомъ обществѣ рефераты по оптикѣ и о родословной Калиостро; Гердеръ читалъ докладъ «о безсмертіи», Гуффеландъ — по макробіотикѣ и т. д. Такая же мирная дѣятельность продолжалась и въ первую половину 1792 года, несмотря на грозныя тучи, все болѣе и болѣе омрачавшія политическій горизонтъ.

Но лѣтомъ началась война Пруссіи и Австріи противъ революціонной Франціи съ цѣлью возстановленія королевской власти; въ этой войнѣ приняло участіе и герцогство Веймарское. Карлъ-Августъ, въ качествѣ командира полка, присоединился къ войскамъ герцога Брауншвейгскаго, вторгнувшагося во Францію. Гете послѣдовалъ за своимъ герцогомъ, отчасти изъ привязанности къ своему вѣнценосному другу, отчасти желая испытать новыя ощущенія, извѣдать незнакомую ему сторону жизни. Черезъ Франкфуртъ, гдѣ онъ по-

видался съ старушкой матерью, проѣхалъ онъ черезъ Майнцъ и Триръ къ Лонгви, гдѣ стояли войска союзниковъ. Армія двинулась къ Вердону, который сдался послѣ непродолжительной бомбардировки. Но военное счастье скоро измѣнило нѣмцамъ. Воспользовавшись медленностью герцога Брауншвейгскаго, который не рѣшался вести войска къ Парижу, французскій генераль Дюмурье успѣлъ занять важныя стратегическіе пункты, собралъ подкрѣпленія и, сразившись съ союзниками при Вальми, принудилъ ихъ къ отступленію за Рейнъ. Во время сраженія Гете держался нѣкоторое время въ районѣ дѣйствія непріятельской артиллеріи, чтобы испытать на себѣ, что чувствуетъ человѣкъ при свистѣ летающихъ вокругъ него ядеръ. Къ счастью, это любопытство обошлось ему благополучно.

Въ теченіе всего похода Гете держался вполне мужественно, стараясь ободрить и развеселить герцога и его общество въ тяжелые дни неудачъ, когда все пали духомъ. Самъ онъ даже на поляхъ сраженій интересовался отвлеченными занятіями гораздо болѣе, чѣмъ политикой. Такъ, онъ сдѣлалъ близъ Вердона наблюденія надъ игрой свѣта въ водѣ ручья и привезъ съ собою на родину цѣлый рядъ замѣтокъ, относившихся къ его цвѣтовой теоріи.

На обратномъ пути Гете остановился въ Триръ. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ матери съ вопросомъ, не будетъ ли онъ согласенъ занять во Франкфуртѣ мѣсто предсѣдателя городского совѣта, освободившееся за смертью его дяди Текстора. Онъ отказался отъ этой чести, не желая покинуть Веймаръ и герцога, съ которыми онъ уже совершенно сроднился. Далѣе Гете продолжалъ свой путь въ Кобленцъ, въ лодкѣ по Мозелю, а оттуда черезъ нѣкоторое время уѣхалъ черезъ Дюссельдорфъ въ Немпельфортъ, гдѣ прожилъ болѣе мѣсяца у своихъ старыхъ друзей Якоби. Изъ Немпельфорта онъ отправился въ Мюнстеръ, гдѣ былъ дружески принятъ остроумной княгиней Голицыной (урожденной графиней Шметтау), и въ декабрѣ, наконецъ, былъ дома, въ Веймарѣ.

1793 г. начался для Гете мирно и счастливо. Семья его была весела и здорова; занятія оптикой шли впередъ тѣмъ успѣшнѣе, что Гете встрѣтилъ помощь и сочувствіе со стороны своего римскаго друга, художника Мейера, который старался доставить его идеямъ практическое примѣненіе. Но политическія безпокойства давали себя знать, и въ маѣ Гете вновь долженъ былъ отправиться, по приглашенію герцога, на театръ военныхъ дѣйствій. Пруссаки осаждали

Майнцъ, занятый французскимъ корпусомъ, и взяли его въ концѣ іюля, послѣ долгаго бомбардированія. Во время осады Гете ревностно продолжалъ свои занятія по оптикѣ, а послѣ сдачи города возвратился черезъ Гейдельбергъ и Франкфуртъ въ Веймаръ.

Въ теченіе всего періода 1791—1793 гг. поэтическая дѣятельность Гете, какъ и слѣдовало ожидать, была незначительна. Если онъ могъ *заставлять* себя заниматься наукою и въ этихъ занятіяхъ находить забвеніе среди окружавшихъ его тягостныхъ впечатлѣній войны и безурядицы, — то для вдохновенія при этихъ условіяхъ почти вовсе не могло быть мѣста. И дѣйствительно, за это время, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, Гете написалъ всего лишь сатирическую поэму «Рейнеке Лисъ» и двѣ довольно слабыя пьесы: комедіи «Великій Кофта», въ основу которой легла исторія Калиостро, и «Гражданскій генералъ», въ которой осмѣивались нѣкоторыя стороны революціи. Но этотъ упадокъ поэтической дѣятельности былъ только временнымъ затишьемъ передъ новымъ могучимъ ея подъемомъ, который начался послѣ сближенія Гете съ Шиллеромъ въ 1794 г.

VI.

Гете и Шиллеръ (1794—1805).

Первыя встрѣчи Гете съ Шиллеромъ.—Свиданіе въ Іенѣ и начало сближенія.— Шиллеръ гоститъ въ Веймарѣ, и дружба его съ Гете окончательно устанавливается.— Ободряющее вліяніе Шиллера на Гете и подъемъ поэтической дѣятельности послѣдняго. — «Ксенія», «Германъ и Доротея», продолженіе «Фауста». — Новый упадокъ дѣятельности Гете и причины этого упадка. — Смерть Шиллера.

Когда Гете возвратился изъ Италіи, Шиллеръ былъ уже знаменитымъ поэтомъ, и слава его гремѣла по всей Германіи, слѣдствіемъ чего было приглашеніе его въ Веймаръ, куда Шиллеръ и пріѣхалъ въ 1787 году. По возвращеніи Гете изъ итальянскаго путешествія ему вскорѣ пришлось встрѣтиться съ Шиллеромъ въ одномъ знакомомъ домѣ, но встрѣча эта не повела къ сближенію обоихъ поэтовъ. Гете говорилъ съ Шиллеромъ привѣтливо, но держалъ себя все-таки настолько холодно, что объ установленіи болѣе интимныхъ отношеній между ними не могло быть и рѣчи. Онъ показался Шиллеру эгоистомъ и гордецомъ, между тѣмъ какъ сдержанность Гете была

лишь результатомъ его нерасположенія къ Шиллеровскимъ «Разбойникамъ». Уклоняясь отъ сближенія съ Шиллеромъ, Гете, однако, не упускалъ случая сдѣлать ему добро и сильно содѣйствоваль назначенію Шиллера профессоромъ исторіи въ Іенскомъ университетѣ, которое и состоялось въ декабрѣ 1788 г.

Прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ, пока оказалось, что нѣкоторая натянутость отношеній между обоими поэтами основана на недоразумѣніи, и что стоитъ имъ нѣсколько ближе узнать другъ друга, чтобы заключить тѣсную дружбу на всю жизнь. Толчекъ къ сближенію былъ данъ случайной встрѣчей ихъ въ одномъ изъ засѣданій общества естествоиспытателей въ Іенѣ, въ которомъ и Гете, и Шиллеръ были почетными членами. Послѣ этого засѣданія у нихъ завязался оживленный разговоръ, и Гете, провожая Шиллера, зашелъ къ нему въ домъ, гдѣ бесѣда и споръ продолжались. Хотя собесѣдники и тутъ не согласились относительно нѣкоторыхъ пунктовъ (разговоръ шелъ о метаморфозѣ растений), однако умъ Шиллера произвелъ на Гете большое впечатлѣніе, и когда Шиллеръ въ скоромъ времени прислалъ ему приглашеніе принять участіе въ своемъ журналѣ «die Horen», то Гете съ радостью принялъ это приглашеніе. Слѣдующія свиданія укрѣпляли возникающую дружбу, а когда Шиллеръ, пріѣхавъ въ концѣ сентября 1794 г. въ Веймаръ, пробылъ тамъ десять дней, постоянно обмѣниваясь съ Гете мыслями, то «союзъ германскихъ Диоскуровъ» окончательно установился. Шиллеръ уѣхалъ изъ Веймара, чрезвычайно обогащенный новыми идеями, а Гете совершенно воспрянулъ духомъ, найдя, наконецъ, человѣка, который способенъ былъ вполне его понять.

Оживленіе въ поэтической дѣятельности Гете, которое началось послѣ сближенія его съ Шиллеромъ, проявилось, однакоже, не сразу. Политическія обстоятельства были не таковы, чтобы литература могла процвѣтать безпрепятственно. Изъ Франціи надвигалась опасность, начинавшая грозить даже и внутренней Германіи. Съ юга и съ запада присылали къ Гете разные драгоцѣнности на сохраненіе; Якоби долженъ былъ бѣжать изъ Пемпельфорта и нашель пріютъ въ Энкендорфѣ (въ Голштиніи). Гете предлагалъ своей матери переселиться въ Веймаръ, но она предпочла остаться въ Франкфуртѣ.

Мало по малу настроеніе умовъ сдѣлалось однако болѣе спокойнымъ, и въ теченіе 1795—1797 годовъ Гете напечаталъ цѣлый рядъ произведеній, заставившихъ критику признать, что геній его

вовсе не находится на пути къ окончательному упадку, какъ думали многіе. Въ этотъ періодъ были законченны «Учебные годы Вильгельма Мейстера», написаны «Алексисъ и Дора», «Германъ и Доротея», цѣлый рядъ превосходныхъ балладъ («Коринѳская не-вѣста», «Богъ и баядерка» и др.) и множество другихъ стихотвореній, а также было приступлено къ продолженію «Фауста». Наибольшій шумъ вызвали въ литературѣ тѣ изъ стихотвореній, написанныхъ Гете въ этотъ періодъ его жизни, которыя въ настоящее время имѣютъ какъ разъ менѣе всего значенія. Это были такъ называемыя «Ксеніи», — рядъ эпиграммъ, написанныхъ Гете и Шиллеромъ въ отместку ихъ литературнымъ врагамъ, благодаря нападкамъ которыхъ журналъ Шиллера «die Horen» не имѣлъ успѣха. Впечатлѣніе, произведенное этими ѣдкими и остроумными эпиграммами, было громадно. Множество лицъ, принадлежавшихъ къ нѣмецкому литературному міру, почувствовали себя глубоко оскорбленными; посыпалась масса рѣзкихъ отвѣтовъ на «Ксеніи», большинство писателей и читающей публики осуждали Гете и Шиллера, — но дѣло было сдѣлано: ѣдкая сатира разбудила вниманіе къ истинно высокимъ литературнымъ произведеніямъ и содѣйствовала исправленію эстетическаго вкуса публики. Огромный успѣхъ выпалъ также на долю превосходнаго идиллическаго эпоса «Германъ и Доротея». Но всего важнѣе было возвращеніе къ обработкѣ «Фауста», которое произошло по настойчивой иниціативѣ Шиллера. Уже въ ноябрѣ 1797 г. Шиллеръ просилъ Гете показать ему ненапечатанныя сцены изъ «Фауста» (а напечатанъ былъ въ то время лишь отрывокъ, заключавшій въ себѣ около половины первой части), — но Гете не рѣшился раскрыть пакета, въ которомъ лежала рукопись этой дивной драматической поэмы. Въ началѣ 1795 года Гете рассказалъ Шиллеру планъ «Фауста». Вильгельмъ Гумбольдтъ, которому Шиллеръ сообщилъ этотъ планъ, изумился его громадности и выразилъ опасеніе, что планъ такъ и останется однимъ планомъ. Однако Шиллеръ продолжалъ уговаривать Гете взяться за продолженіе «Фауста», и Гете наконецъ принялся за дѣло, написалъ посвященіе, два пролога, набросалъ нѣкоторыя новыя сцены и сильно подвинулъ впередъ разработку плана поэмы, — но въ 1797 году «Фаустъ» опять былъ оставленъ въ сторонѣ.

Въ теченіе описываемаго періода Гете совершилъ нѣсколько путешествій. Такъ, онъ ѣздилъ ненадолго въ Карлсбадъ лѣчиться отъ ревматизма, былъ съ герцогомъ въ Лейпцигѣ, а въ концѣ

лѣта 1797 года отправился въ Швейцарію, чтобы встрѣтить тамъ Мейера, возвращавшагося изъ Италіи. Приѣхавъ во Франкфуртъ, онъ представилъ своей матери Христину и семилѣтняго Августа, которыхъ онъ вскорѣ отослалъ обратно въ Веймаръ. Изъ Франкфурта онъ проѣхалъ черезъ Гейдельбергъ, Штутгартъ, Тюбингенъ и Шафгаузенъ въ Цюрихъ, гдѣ встрѣтился съ Мейеромъ и совершилъ съ нимъ богатую впечатлѣніями поѣздку по Швейцаріи. Возвратившись въ ноябрѣ въ Веймаръ, онъ привезъ съ собою множество научныхъ и литературныхъ замѣтокъ и проектъ драмы «Вильгельмъ Телль», возникшій у него подъ впечатлѣніемъ картинъ природы и жизни Швейцаріи, но оставшійся невыполненнымъ. Конецъ столѣтія прошелъ у Гете въ томъ же тѣсномъ общеніи съ Шиллеромъ, который не переставалъ поощрять своего друга къ болѣе напряженной поэтической дѣятельности. Предубѣжденіе публики противъ Гете было въ значительной мѣрѣ разсѣяно появленіемъ его «Германа и Доротеи» и отъ него ждали теперь съ большимъ интересомъ новыхъ произведеній. Но Гете опять сдѣлался на нѣкоторое время мало плодовитымъ. Онъ писалъ, правда, мелкія стихотворенія, началъ нѣкоторыя крупныя вещи, продолжалъ (очень медленно) обработку «Фауста», редактировалъ новый журналъ «Пропилей», предпринятый сообща съ Мейеромъ, — но въ общемъ дѣятельность его нельзя было назвать особенно производительною. Тѣмъ ревностнѣе принималъ онъ участіе въ поэтическихъ трудахъ Шиллера, который находился въ полномъ расцвѣтѣ таланта, окончилъ свою трилогію «Валленштейнъ» и началъ «Марію Стюартъ». Гете чрезвычайно усердно заботился о постановкѣ «Валленштейна» на сценѣ Веймарскаго театра и радовался успѣху представленій трилогіи не менѣе самого Шиллера.

✓ Малая продуктивность поэтической дѣятельности Гете продолжалась и въ первые годы наступившаго девятнадцатаго столѣтія. Причинъ этому было много. Прежде всего Гете трудно было разобратъся въ громадной массѣ матеріала, накопленнаго имъ въ теченіе четырехъ десятилѣтій неустаннаго умственнаго труда. Его интересовало все: не было почти ни одной отрасли наукъ и искусствъ, которая болѣе или менѣе не привлекала бы его къ себѣ, заставляя оставлять недодѣланными начатыя работы. Духъ его неудержимо стремился къ всестороннему развитію, какъ бы инстинктивно стараясь отразить въ себѣ все впечатлѣнія, которыя окружали Гете въ его богатой событіями жизни. «Чрезвычайно энергичный въ ис-

полненіи однажды принятаго рѣшенія, онъ былъ крайне нерѣшителенъ, когда ему предстояло рѣшиться на что нибудь, замѣчаетъ о Гете одинъ изъ его лучшихъ біографовъ—англичанинъ Льюисъ. Къ этому можно прибавить, что эта нерѣшительность обусловливалась въ дѣлахъ литературныхъ трудностью выбора между нѣсколькими сюжетами, интересовавшими его въ одно и то же время. Другая важная причина его медлительности и непронизвольности заключалась въ отсутствіи душевнаго спокойствія, столь необходимаго для поэтической дѣятельности: семейныя обстоятельства Гете въ рассматриваемое нами время были далеко неутѣшительны. Христина стала мало по малу обнаруживать нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя стороны характера: она слишкомъ любила веселиться и танцовать, посѣщала балы іенскихъ студентовъ и низшихъ классовъ общества, а также пила слишкомъ много вина. Унаслѣдовала ли она эту дурную наклонность отъ своего отца, который былъ горькій пьяница, или же она просто привыкла пить вино вслѣдствіе того, что высшее общество было для нея закрыто и молодая женщина, естественно ища развлеченій, принуждена была посѣщать общество сомнительнаго достоинства, — такъ или иначе, результатъ былъ одинаково грустный. Легко себѣ представить, при общемъ нерасположеніи Веймарцевъ къ Христинѣ, какая пища дана была злоязычію ея поведеніемъ и какъ все это должно было мучить Гете, который не могъ разстаться съ Христиной, потому что продолжалъ любить ее и считалъ себя связаннымъ съ нею чувствомъ чести и долга.

Фигофъ въ своей солидной біографіи Гете указываетъ еще на одну причину, которая должна была обусловить собою нѣкоторый упадокъ его поэтической дѣятельности. Причина эта—вліяніе философскихъ бесѣдъ съ Шиллеромъ, которыя вовлекли нашего поэта въ несвойственную ему метафизическую область мышленія. Гете сталъ, будто бы, именно подъ этимъ вліяніемъ интересоваться философіею Шеллинга, Фихте и Канта, сталъ слишкомъ усердно обсуждать сюжеты и теоретизировать, вмѣсто того, чтобы отдаться непосредственному творчеству, прямо выражающему идеи въ образахъ. Такъ ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ произведеніяхъ Гете съ этого времени начинается явственно пробиваться стремленіе къ символизаци, къ приданію образамъ и описаніямъ аллегорическаго, философскаго смысла.

Наиболѣе важнымъ результатомъ дѣятельности Гете въ 1800—

1805 годахъ было продолженіе «Фауста», т. е. дополненіе первой и наброски изъ второй части. Кромѣ того, онъ написалъ драму «Незаконная дочь», нѣсколько стихотвореній, историческихъ и критическихъ статей и т. д.

Изъ новыхъ знакомствъ, сдѣланныхъ нашимъ поэтомъ за это время, слѣдуетъ отмѣтить сближеніе его съ знаменитымъ музыкантомъ Цельтеромъ, который уже ранѣе переписывался съ Гете, а въ 1803 году провелъ двѣ недѣли въ Веймарѣ. Къ этому же времени относится и знакомство его съ молодымъ филологомъ Римеромъ, котораго Гете взялъ домашнимъ учителемъ къ своему сыну и который впоследствии сдѣлался домашнимъ секретаремъ поэта. Въ 1804 г. въ Веймарѣ пріѣхала знаменитая французская писательница г-жа Сталь, съ которою Гете видѣлся и старался разговаривать какъ можно меньше, такъ какъ бойкая француженка напрямикъ объявила ему, что напечатаетъ все, что отъ него услышитъ. Съ г-жею фонъ Штейнъ у Гете произошло нѣкоторое сближеніе въ 1801 г., когда онъ былъ опасно боленъ (у него было рожистое воспаленіе кожи головы, опухоль на шеѣ и судороги), и она принимала въ немъ участіе, постоянно справляясь о его здоровьи. Зато въ 1803 году Гете потерялъ одного изъ прежнихъ своихъ друзей, съ которымъ онъ, однако, въ послѣднее время не былъ особенно близокъ: послѣ долгой болѣзни умеръ Гердеръ.

↳ 1805 годъ начался для Гете несчастливо. Утромъ въ Новый годъ онъ написалъ Шиллеру письмо, въ которомъ поздравлялъ его «съ *последнимъ* Новымъ годомъ». Написавъ эти слова, онъ охваченъ былъ суевѣрнымъ предчувствіемъ, что этотъ годъ будетъ *последнимъ* для него или для Шиллера. Поспѣшно разорвавъ письмо, онъ написалъ другое, но отдѣлаться отъ непріятнаго предчувствія все-таки не могъ. Въ февралѣ оба поэта опасно захворали — Гете почечною коликою, а Шиллеръ — сильною лихорадкою. Въ началѣ марта Шиллеръ нѣсколько поправился и пришелъ къ больному Гете. Друзья сердечно обнялись и оживленно бесѣдовали. Въ концѣ апрѣля Гете почти совсѣмъ выздоровѣлъ и пришелъ къ Шиллеру, который въ этотъ день собирался въ театръ. Это было послѣднее ихъ свиданье: въ тотъ же вечеръ Шиллеръ сильно простудился, слегъ и болѣе не вставалъ. Вечеромъ 9 мая, когда Шиллеръ умеръ, Мейеръ сидѣлъ у Гете. Его вызвали на улицу и сообщили ему печальную новость, послѣ чего у него не хватило духу возвратиться къ Гете. Послѣдній, впрочемъ, уже догадывался, что дѣло плохо.

«Шиллеръ, вѣроятно, очень боленъ», сказалъ онъ Христинѣ и болѣе не говорилъ ни слова въ тотъ вечеръ, точно боясь услышать грозную вѣсть. Лишь на слѣдующее утро онъ спросилъ опять: «Правда, что Шиллеру было вчера очень плохо?» Христина разразилась рыданіями. «Онъ умеръ!» сказалъ Гете и закрылъ лицо руками...

Когда Гете пришелъ въ себя, первую его мысль было увѣковѣчить память своей дружбы съ Шиллеромъ, окончивъ начатаго послѣднимъ «Димитрія Самозванца». Но онъ не нашелъ въ себѣ силъ для этого предпріятія и написалъ, вмѣсто этого, превосходный эпилогъ къ «Колоколу» Шиллера.

Дружба этихъ двухъ великихъ людей, имѣвшихъ другъ на друга сильное и благотворное вліяніе, была тѣмъ болѣе замѣчательна, что они чрезвычайно различались характерами и направленіемъ дѣятельности. Гете былъ отъявленнымъ реалистомъ, Шиллеръ—идеалистомъ; Гете терпѣть не могъ политики,—у Шиллера социологическая струя проявляется уже въ первомъ его крупномъ произведеніи — «Разбойникахъ». Если Гете уподоблялся по своему отношенію къ искусству древнимъ грекамъ, ставившимъ выше всего красоту и естественность, то Шиллера можно сравнить, какъ это справедливо дѣлаетъ Льюисъ, съ древнимъ римляниномъ, идеалами котораго были свобода и право. Что сближало Шиллера и Гете—это была ихъ безграничная любовь къ искусству, которое являлось ихъ общею цѣлью, хотя стремились они къ ней разными путями.

VII.

Гете въ послѣдней трети своей жизни.

Приближеніе старости.—Политическія волненія.—Іенская битва и вторженіе французовъ въ Веймаръ.—Гете женится на Христинѣ Вульпіусъ.—Поѣздки въ Карлсбадъ.—Минна Герцлибъ, Беттина Brentano и сонеты Гете.—Эрфуртскій конгрессъ и аудіенція Гете у Наполеона I.—Выходъ въ свѣтъ первой части «Фауста».—Война за освобожденіе.—Маріанна Виллемеръ и «Западно-восточный Диванъ».—Женитьба сына Гете.—Поѣздки въ Мариенбадъ и Ульрика фонъ Левецовъ.—Эккерманъ.—Послѣдніе годы жизни Гете.—Вторая часть «Фауста».—Послѣдняя болѣзнь и смерть Гете.

Съ наступленіемъ девятнадцатаго столѣтія и въ особенности послѣ смерти Шиллера въ характеръ и дѣятельности Гете начинается про-

являться поворотъ къ старости. Нашему поэту было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, но ему суждено было прожить еще долго и подарить нѣмецкой литературѣ еще много выдающихся произведеній. Самая старость Гете не походила на старость обыкновенныхъ людей. Это была, конечно, старость физическая, сопровождавшаяся частыми болѣзнями, хотя въ общемъ Гете оставался еще и въ глубокой старости весьма крѣпокъ, благодаря своему превосходному сложению; въ духовномъ отношеніи старость сказывалась въ нѣкоторой растяннутости, расплывчатости его произведеній и меньшей интенсивности непосредственнаго вдохновенія; но что касается живого интереса ко всему сколько нибудь выдающемуся въ области наукъ и искусствъ, что касается кипучей дѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ,—въ этихъ отношеніяхъ Гете оставался юношею до самой своей смерти.

Вскорѣ послѣ смерти Шиллера его посѣтилъ Якоби, проѣздомъ въ Мюнхенъ. Бесѣды съ Якоби, этимъ другомъ юности, оживили въ Гете чувство сожалѣнія о Шиллерѣ. «Мы съ Якоби, пишетъ онъ, любили другъ друга, но не понимали. Мнѣ былъ непонятенъ языкъ его философіи, а ему было не по себѣ въ мірѣ моей поэзіи. Какъ хорошо было бы, если бы Шиллеръ былъ между нами посредникомъ: онъ могъ бы, какъ мыслитель, быть близкимъ къ Якоби, а какъ поэтъ—ко мнѣ».

Лѣтомъ 1805 года Гете познакомился съ знаменитымъ френологомъ Галлемъ, ученіе котораго очень интересовало поэта. Галль, ощущывая лобъ Гете, увѣрялъ, что онъ рожденъ быть народнымъ ораторомъ.

Среди занятій естественными науками, хлопотъ о постановкѣ на театрѣ разныхъ пьесъ и приготовленій къ новому изданію собранія своихъ сочиненій у книгопродавца Котты провелъ Гете остатокъ 1805 и большую часть 1806 года. Въ октябрѣ 1806 г. Веймаръ былъ охваченъ небывалою тревогой: приближались побѣдоносныя французскія войска подъ грознымъ предводительствомъ Наполеона. 14 октября произошла знаменитая битва при Іенѣ; вечеромъ французы ворвались въ Веймаръ и начались грабежи и пожары. Изъ герцогской фамиліи оставалась въ Веймарѣ лишь мужественная герцогиня Луиза. Въ домъ Гете прибылъ молодой французскій гусарскій офицеръ и объявилъ, что въ этомъ домѣ помѣстится маршалъ съ нѣсколькими кавалеристами. Этотъ молодой гусаръ былъ фонъ-Тюркгеймъ, сынъ Лили. Но Гете напрасно ожидалъ

маршала до поздней ночи. Когда онъ легъ уже въ постель, раздались сильные удары въ двери дома: два французскіе солдата требовали впустить ихъ, угрожая въ противномъ случаѣ выбить окна. Ихъ впустили и дали имъ вина. Незванные гости пожелали видѣть хозяина, и Гете вышелъ къ нимъ въ халатѣ. Величественная наружность поэта нѣсколько смутила солдатъ, и они вѣжливо вышли за его здоровье. Когда Гете ушелъ, гости продолжали угощаться и послѣ изрядной выпивки, забывъ всякое почтеніе къ хозяину, вломались въ его спальню. Къ счастью Христинѣ, не потерявшей присутствія духа, удалось выгнать ихъ съ помощью слугъ. Утромъ пріѣхалъ на постоя къ Гете французскій генералъ, и у дома поставленъ былъ карауль. Наполеонъ, прибывшій 15 октября въ Веймаръ, былъ встрѣченъ герцогинею Луизой, которая своимъ мужествомъ и благородствомъ характера такъ расположила завоевателя въ свою пользу, что ради нея онъ отнесся снисходительно къ герцогу, противъ котораго, какъ союзника пруссаковъ, онъ былъ сильно раздраженъ.

Эти дни всеобщаго безпорядка и смятенія Гете избралъ для того, чтобы, наконецъ, закончить бракомъ свое 17-ти лѣтнее сожителство съ Христиной. Близость опасности выяснила ему все неудобство подобнаго незаконнаго сожителства, въ особенности по отношенію къ сыну, и 19 октября, въ первое воскресенье послѣ Іенской битвы, Гете и Христина Вульпіусъ были обвиняемы въ дворцовой церкви.

Веймарцы успокоились отъ потрясеній и бѣдствій войны сравнительно скоро, благодаря тому, что Наполеонъ пощадилъ герцогство Веймарское, заставивъ лишь его примкнуть къ Рейнскому союзу, находившемуся подъ его протекторатомъ. Такимъ образомъ и Гете вскорѣ могъ вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

1807 годъ начался среди заботъ о театрѣ. Гете уговаривали поставить на сцену «Тассо»; поэтъ долго противился этому, совершенно справедливо считая пьесу не сценичною, но наконецъ уступилъ, и пьеса имѣла, противъ ожиданія, большой успѣхъ. Но вскорѣ веселье должно было уступить мѣсто трауру: въ апрѣлѣ умерла любимая всѣми герцогиня Амалія. Сильно разстроенный ея смертью, Гете чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и отправился вскорѣ на воды въ Карлсбадъ, который не разъ уже возстановлялъ его здоровье. Тамъ онъ пробылъ до осени, мало пользуясь обществомъ и занимаясь научными и литературными замѣтками. При возвраще-

ни въ Веймарѣ почитатели встрѣтили его серенадой, что подало Гете мысль основать общество пѣнія или «добровольную капеллу», какъ онъ ее называлъ. Мысль эту вскорѣ удалось осуществить: образовался небольшой кружокъ, устраивавшій по опредѣленнымъ днямъ репетиціи и концерты хорового пѣнія, на которыхъ присутствовалъ Гете, все болѣе и болѣе чувствовавшій влеченіе къ музыкѣ. Изъ литературныхъ произведеній Гете началъ въ этомъ году символическую драму «Пандора» и написалъ нѣсколько мелкихъ вещей въ стихахъ и прозѣ и рядъ сонетовъ. Послѣдніе были написаны, повидимому, подъ впечатлѣніемъ кратковременной, но страстной привязанности поэта къ Миннѣ Герцлибъ, восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, пріемной дочери іенскаго книгопродавца Фроммана. Съ другой стороны, притязанія на роль вдохновительницы этихъ сонетовъ были предъявлены также Беттиною Brentano (впослѣдствіи баронесса фонъ-Арнимъ),—дочерью Максимилианы Brentano, которою, какъ мы знаемъ, Гете увлекался въ своей молодости. Беттина (Елизавета) Brentano была пылкая и чрезвычайно эксцентричная дѣвушка, которая еще почти ребенкомъ заочно влюбилась въ Гете. Посѣтивъ Гете впервые въ апрѣлѣ 1807 г. (въ Веймарѣ), она прямо бросилась къ нему на шею. Отстраняясь отъ ея страстныхъ изліяній, Гете относился къ ней ласково, какъ къ ребенку; впослѣдствіи онъ просилъ ее, какъ жительницу Франкфурта и близкую знакомую его матери, писать ему, какъ можно больше, о его дѣтствѣ и юности,—все, что она объ этомъ узнаетъ. Но дружба съ Беттиной продолжалась не долго: вскорѣ послѣ своего выхода замужъ, она поссорилась съ женою Гете, такъ что въ домѣ поэта ее перестали принимать. Беттина написала цѣлую книгу, въ которой доказывала, что Гете былъ влюбленъ въ нее и писалъ для нея сонеты,—но критика давно уже признала ненадежность этихъ доказательствъ.

Въ слѣдующемъ году Гете отправилъ своего сына Августа въ Гейдельбергскій университетъ изучать права, а самъ весною снова уѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ сперва продолжалъ «Пандору», а затѣмъ отдался развлеченіямъ среди блестящаго общества, съѣхавшагося въ знаменитый курортъ. По возвращеніи въ Веймаръ (въ сентябрѣ) онъ потрясенъ былъ печальною вѣстью о кончинѣ своей матери, которая умерла во Франкфуртѣ на 86-мъ году жизни. Вскорѣ однако политическія событія ослабили въ немъ тяжелое впечатлѣніе этой потери: въ Эрфуртѣ состоялся конгрессъ монарховъ, въ которомъ участвовали императоры Наполеонъ и Александръ I и множество

королей, герцоговъ и другихъ владѣтельныхъ особъ. По приглашенію Карла-Августа Гете также отправился въ Эрфуртъ, чтобы принять участіе въ придворныхъ торжествахъ. 2 октября Гете имѣлъ аудіенцію у Наполеона, который, посмотрѣвъ на него, воскликнулъ: «Vous êtes un homme!» Затѣмъ шелъ оживленный разговоръ о произведеніяхъ Гете и вообще о литературѣ. Императоръ отнесся къ Гете съ большимъ вниманіемъ; пріѣхавъ черезъ нѣсколько дней въ Веймаръ и встрѣтивъ поэта на балу, онъ опять долго бесѣдовалъ съ нимъ и приглашалъ его посѣтить Парижъ, а черезъ нѣсколько дней пожаловалъ ему крестъ Печетнаго Легіона, что въ то время считалось чрезвычайною честью.

Въ этомъ (1808) году вышли въ свѣтъ 12 томовъ сочиненій Гете въ изданіи Котты. Въ восьмомъ томѣ помѣщена была, между прочимъ, *вся* первая часть «Фауста» въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ въ настоящее время. Это великолѣпное произведеніе не сдѣлало на современную публику того впечатлѣнія, какого можно было ожидать. Но мало по малу оно было оцѣнено по достоинству и признано за высшее произведеніе Гете, какому нѣтъ равнаго ни въ одной литературѣ. «Фаустъ» по справедливости закрѣпилъ за Гете славу царя поэтовъ.

Слѣдующіе три сравнительно мирные года (1809—11) прошли среди усердной научной и литературной работы. Гете продолжалъ свои занятія по оптикѣ, написалъ замѣчательный романъ «Сродство душъ», въ которомъ отчасти воплотилъ исторію своихъ отношеній къ Миннѣ Герцлицъ, началъ свою автобіографію подъ заглавіемъ «Поэзія и правда моеї жизни» и написалъ рядъ мелкихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ. Состояніе здоровья заставляло его опять два раза ѣздить въ Карлсбадъ; въ первую изъ этихъ поѣздокъ (1810) онъ познакомился съ австрійскою императрицею Луизою и, продолжая лѣченіе въ Теплицѣ, довольно близко сошелся съ Людовикомъ-Наполеономъ, королемъ Голландскимъ, который жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ.

Съ 1812 года вновь начались политическія волненія, охватившія всю Европу,—волненія, столь несимпатичныя нашему поэту, другу мирнаго, постепеннаго и непрерывнаго прогресса. Походъ Наполеона въ Москву, бѣгство и гибель великой арміи, война за освобожденіе, отчаянныя усилія Наполеона возвратить утраченную власть, конгрессы и передѣлки политической карты Европы,—всѣ эти грандіозныя событія, глубоко волновавшія современниковъ,

мало отзывались въ душѣ Гете. Онъ держался совершенно въ сторонѣ отъ національнаго движенія, охватившаго всю Германію, не обращая вниманія на упрёки въ отсутствіи патриотизма. Онъ видѣлъ войну своими глазами, слышалъ свистъ бомбъ и ядеръ надъ своею головою, ночевалъ на бивуакѣ подъ открытымъ небомъ и вынесъ изъ этого опыта глубокое отвращеніе къ войнѣ. «Опять война? Уму плохая въ ней отрада!» говоритъ Фаустъ, когда Мефистофель приглашаетъ его помочь императору побѣдить мятежниковъ. Въ этихъ словахъ слышится голосъ самого Гете. «Писать воинственныя пѣсни и сидѣть у себя дома? говорилъ Гете: хорошо бы это было! Другое дѣло писать ихъ на бивуакѣ, гдѣ слышно ржаніе лошадей съ непріятельскихъ форпостовъ. Но это не моя роль, я не гожусь для этого. Тутъ нуженъ Кернеръ, который въ своихъ военныхъ пѣсняхъ находится въ своей сферѣ, а мнѣ, при полномъ отсутствіи воинственности въ моемъ характерѣ, это значило бы надѣвать маску, вовсе мнѣ не идущую къ лицу». И Гете уединялся, замыкался самъ въ себѣ тѣмъ упрямѣе, чѣмъ сильнѣе свирѣпствовала вокругъ военная непогода. Онъ писалъ свою автобіографію, сочинялъ баллады и шутливыя стихотворенія, занимался исторіей и поэзіей дальняго Востока — Персіи и Китая, какъ бы нарочно стараясь удалить себя отъ раздражающей современности. Онъ принималъ въ это время (1812—1815) также путешествія: ѣздилъ въ Карлсбадъ и Теплицъ, гдѣ познакомился съ Бетховеномъ и два раза путешествовалъ по Рейну. Въ Франкфуртѣ Гете близко сошелся въ 1814 году съ семействомъ банкира фонъ-Виллемера, заинтересовавшись главнымъ образомъ его молодою женою Маріанной. Маріанна фонъ-Виллемеръ была весьма замѣчательная женщина. Въ ранней юности она была актрисой, участвовала въ балетахъ и комедіяхъ, потомъ была взята на воспитаніе фонъ-Виллемеромъ и вскорѣ вышла за него замужъ. Она отличалась умомъ, веселостью и необыкновеннымъ умѣньемъ оживлять общество, а также была одарена недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ и писала очень недурныя стихотворенія на разные случаи. Гете почувствовалъ къ ней живѣйшую склонность, и въ 1815 году снова посѣтилъ Виллемеровъ въ Висбаденѣ. Маріанна подъ именемъ Зюлейки играетъ видную роль въ сборникѣ стихотвореній въ восточномъ вкусѣ, озаглавленномъ «Западно-восточный Диванъ». Еще въ 1813 г. Гете былъ чрезвычайно заинтересованъ выходомъ въ свѣтъ полнаго собранія стихотвореній персидскаго поэта Гафиза въ нѣмецкомъ пе-

реводъ Гаммера. Стихотворенія эти такъ понравились нашему поэту, что ему захотѣлось самому написать что либо въ этомъ вкусѣ. И вотъ онъ началъ изучать Моаллагать—сборникъ арабскихъ стихотвореній—въ англійскомъ переводѣ, перечитывать знакомую уже ему «біографію Магомета» Эльснера и познакомился съ нѣсколькими оріенталистами, чтобы составить себѣ представленіе о жизни народовъ Востока. Результатомъ этихъ трудовъ и былъ «Диванъ», названный западно-восточнымъ потому, что онъ имѣлъ лишь внѣшность восточнаго характера, а содержаніемъ своимъ былъ обязанъ мѣстнымъ впечатлѣніямъ, преимущественно отношеніямъ поэта къ Маріаннѣ фонъ-Виллемеръ. Во многихъ изъ стихотвореній этого «Дивана» Гете подъ именемъ Гатема и Маріанна подъ именемъ Зюлейки играютъ роль влюбленныхъ и обмѣниваются страстными изліяніями. Нѣкоторыя (немногія) стихотворенія этого сборника написаны Маріанною Виллемеръ.

Когда Гете возвратился въ октябрѣ 1815 года въ Веймаръ, политическій горизонтъ былъ уже ясенъ, и нашъ поэтъ могъ совершенно спокойно предаться своимъ обычнымъ занятіямъ. Онъ началъ издавать журналъ «Искусство и древность» (Kunst und Alterthum), пополнялъ «Диванъ» новыми стихотвореніями, занимался естественными науками, продолжалъ свою автобіографію и издавалъ одинъ за другимъ добавочные томы полнаго собранія своихъ сочиненій.

1816 годъ ознаменовался для Веймара возведеніемъ герцога въ великогерцогское достоинство и установленіемъ конституціоннаго образа правленія. Гете, въ качествѣ министра, получилъ значительное увеличеніе содержанія (до 3.000 талеровъ). Но годъ этотъ былъ для Гете годомъ тяжелой потери: жена его умерла отъ апоплексіи. Вся любовь старика поэта обратилась теперь на его сына Августа, — умнаго, аккуратнаго и практичнаго молодого человѣка, который съ успѣхомъ сталъ завѣдывать домашними дѣлами. Въ 1817 году Августъ женился на дѣвицѣ Оттиліи фонъ-Погвичъ, и молодая чета поселилась въ домѣ Гете, куда переѣхала вскорѣ и сестра Оттиліи, Ульрика. Все это повело къ оживленію дома и придало ему такой уютный, семейный характеръ, что старѣющійся поэтъ чувствовалъ себя чрезвычайно счастливымъ въ своемъ домашнемъ кругу. Онъ все болѣе и болѣе сталъ сосредоточиваться на своихъ любимыхъ занятіяхъ, тѣмъ болѣе, что единственною оффиціальною обязанностию остался лишь общій надзоръ за научными и художественными учрежденіями; даже отъ управленія театромъ онъ отказался

послѣ небольшой ссоры съ Карломъ-Августомъ, который приказалъ поставить въ театрѣ одну пьесу, гдѣ на сцену выходила собака, и не обратилъ вниманія на рѣшительный протестъ Гете. Театръ, впрочемъ, уже ранѣе сталъ приходить въ упадокъ, такъ какъ его покинули лучшіе актеры, соблазненные выгодными предложеніями изъ Берлина.

Въ 1819 г. Гете исполнилось семьдесятъ лѣтъ. День его рожденія былъ торжественно отпразднованъ въ Франкфуртѣ, откуда поэту посланъ былъ золотой лавровый вѣнокъ. Со всѣхъ сторонъ Германіи получилъ онъ поздравленія и подарки. Больше всего приятенъ былъ ему подарокъ великаго герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, который приобрѣлъ часы, стоявшіе нѣкогда въ домѣ отца Гете во время дѣтства поэта, и велѣлъ ихъ тайно поставить въ домѣ престарѣлаго автора «Фауста». Услышавъ бой этихъ часовъ и увидѣвъ драгоценный подарокъ, Гете не могъ удержаться отъ слезъ.

Годы шли за годами въ спокойной и постоянной дѣятельности; Гете все болѣе и болѣе уединялся и сдѣлался наконецъ настоящимъ «Веймарскимъ отшельникомъ», котораго уединеніе прерывалось лишь дѣловыми поѣздками въ Іену и лѣчебными въ Карлебадъ и Мариенбадъ. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ престарѣлому поэту суждено было встрѣтить женскій образъ, который возбудилъ въ немъ страстную вспышку любви, озарившей еще разъ яркимъ свѣтомъ спокойный вечеръ его жизни. Лѣтомъ 1822 года познакомился онъ въ Мариенбадѣ съ красивою молодою дѣвицею — Ульрикою фонъ-Левецовъ, которая приняла живѣйшее участіе въ его научныхъ занятіяхъ, въ особенности по метеорологіи, предмету особаго увлеченія Гете со времени его знакомства съ трактатомъ Говарда о формѣ облаковъ. Дѣвушка также влюбилась въ старика поэта, но умѣла сдерживать себя, такъ что Гете, лишь уѣхавъ въ Веймаръ, почувствовалъ всю тяжесть разлуки съ нею. Зимою въ началѣ 1823 г. поэтъ опасно захворалъ воспаленіемъ околосердечной сумки, такъ что едва не умеръ. Но крѣпкая натура семидесятитрехлѣтняго старика на этотъ разъ взяла еще верхъ надъ болѣзнию. Веймарцы отпраздновали выздоровленіе своего поэта торжественнымъ спектаклемъ, на которомъ былъ данъ «Тассо», и на сценѣ былъ возложенъ лавровый вѣнокъ на бюстъ Гете при шумныхъ рукоплесканіяхъ публики. Въ серединѣ слѣдующаго лѣта поэтъ поспѣшилъ опять въ Мариенбадъ, куда пріѣхала и Ульрика фонъ-Левецовъ. Ихъ общія занятія минералогіей возобновились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимная склон-

ность ихъ усилилась до такой степени, что въ концѣ сезона распространился слухъ о предстоящей помолвкѣ Гете съ Ульрикою. Но благоразуміе взяло верхъ надъ увлеченіемъ,—противоестественный бракъ семидесятичетырехлѣтняго старика съ молодою дѣвушкою не состоялся, и вообще, уѣхавъ изъ Мариенбада, Гете не встрѣчался болѣе съ дѣвицею фонъ-Левецовъ.

Въ 1823 году Гете заключилъ еще одно знакомство, имѣвшее значеніе въ его жизни. Въ іюнѣ, незадолго передъ отъѣздомъ поэта въ Мариенбадъ, къ нему явился молодой начинающій писатель Юганнъ Эккерманнъ, съ которымъ Гете впоследствии чрезвычайно сблизился, сдѣлавъ его довѣреннымъ лицомъ во всѣхъ своихъ литературныхъ дѣлахъ. Эккерманнъ,—аккуратный и трудолюбивый нѣмецъ, велъ подробный дневникъ своихъ сношеній съ великимъ поэтомъ, и изданные имъ «Разговоры съ Гете въ послѣдніе дни его жизни» представляютъ собою чрезвычайно интересную книгу, имѣющую большое значеніе для біографіи Гете.

Что касается литературныхъ произведеній Гете въ періодъ 1812—1823 года, то, кромѣ многочисленныхъ стихотвореній, продолженія «Дивана», разныхъ научныхъ и критическихъ статей, онъ написалъ драму «Пробужденіе Эпименида» и романъ «Годы странствованія Вильгельма Мейстера». Драма имѣла большой успѣхъ на Берлинскомъ театрѣ (1815), такъ какъ принята была публикою въ патріотическомъ смыслѣ, какъ символическое изображеніе пробужденія нѣмецкаго народа изъ рабскаго сна. «Годы странствованія», напротивъ, были встрѣчены съ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ: одни порицали романъ за его запутанность и за отсутствіе всякой связи между его частями, другіе находили его безнравственнымъ.

Въ 1826 году въ Веймарѣ было торжественно отпраздновано пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности Гете, которую великій герцогъ считалъ со дня перваго пріѣзда Гете въ Веймаръ. Множество поздравленій, подарковъ, почетныхъ дипломовъ, вечеромъ блестящая иллюминація города и торжественное представленіе «Ифигеніи» въ театрѣ,—все это произвело сильное впечатлѣніе на престарѣлаго поэта. «Какъ впечатлѣніе несчастія смягчается временемъ, писалъ онъ Цельтеру, такъ и счастье нуждается въ этомъ благодѣтельномъ смягченіи. Лишь мало по малу прихожу я въ себя послѣ волненія, испытаннаго мною 7 ноября».

Послѣдніе годы жизни Гете, по справедливому выраженію одного

изъ его біографовъ, можно уподобить долгому, тихому вечеру великолѣпнаго дня. Окруженный заботами своей невѣстки, сына и друзей, поэтъ-мыслитель мирно «вращался въ зодіакѣ своихъ домашнихъ занятій», то изслѣдуя какой либо научный вопросъ, то диктуя своимъ секретарямъ статьи различнаго содержанія, то отдаваясь наединѣ поэтическому творчеству, то принимая знаменитыхъ ученыхъ, писателей и артистовъ, столь часто посѣщавшихъ Веймаръ. Однимъ только омрачалась эта свѣтлая, дѣятельная и славная старость: поэту суждено было пережить цѣлый рядъ близкихъ и лучшихъ друзей, одинъ за другимъ сходявшихъ въ могилу. Въ 1827 г. умерла баронесса фонъ-Штейнъ, съ которою Гете за послѣднее время снова примирился и сблизился; въ 1828 году скончался царственный другъ поэта, великодушный и благородный Карлъ-Августъ, а въ 1830 году умерли великая герцогиня Луиза и сынъ Гете. Августъ скончался послѣ сильнаго нервнаго расстройства, бывшаго слѣдствіемъ крайне неправильной жизни, которую онъ велъ. Всѣ эти потери, особенно смерть единственнаго сына, глубоко потрясали старика, но онъ мужественно преодолевалъ эти потрясенія и находилъ утѣшеніе въ неустанной, разносторонней дѣятельности. Громадный литературный матеріалъ, накопившійся у Гете въ теченіе его долгой и плодотворной жизни, былъ приведенъ съ помощью Эккерманна въ порядокъ, такъ что въ 1830 году вышли послѣдніе изъ 40 томовъ полнаго собранія сочиненій нашего поэта. Мало того: Гете въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни нашелъ въ себѣ силы создать такое грандіозное произведеніе, какъ вторая часть «Фауста». Въ 1824 году Гете готовилъ къ печати восемнадцатую книгу своей автобіографіи и хотѣлъ включить въ нее планъ второй части «Фауста», на окончаніе которой онъ было потерялъ уже всякую надежду. Но Эккерманнъ сталъ настоятельно совѣтовать поэту сперва пересмотрѣть хорошенько всѣ отрывки второй части, имѣющіеся налицо, и тогда уже подумать, слѣдуетъ ли ограничиться однимъ планомъ. Гете внялъ этому совѣту и пришелъ къ рѣшенію попытаться закончить «Фауста». Въ 1825 году онъ принялся за его продолженіе, а въ іюль 1831 года громадный трудъ былъ приведенъ къ концу. Гете вполне понималъ значеніе этого подвига и чувствовалъ себя чрезвычайно счастливымъ. «Дальнѣйшую свою жизнь, сказалъ онъ Эккерманну, я считаю теперь для себя не болѣе, какъ подаркомъ; теперь въ сущности все равно, сдѣлаю ли я еще что нибудь, или нѣтъ».

Научныя занятія украсили собою послѣднюю зиму, которую суждено было прожить нашему поэту. Онъ занимался преимущественно столь сильно интересовавшею его теоріею цвѣтовъ и развилъ теорію радуги, изучалъ съ жаднымъ вниманіемъ «Зоологическую философію» Жоффруа Сент-Илера, писалъ о пластической анатоміи. Въ мартѣ 1832 года Гете сильно простудился и слегъ въ постель. Въ теченіе слѣдующихъ дней болѣзнь какъ будто начала проходить, но въ ночь съ 19 на 20 марта наступило внезапное ухудшеніе. Мучительныя припадки озноба и страшной боли въ груди продолжались до утра. Затѣмъ опять наступило облегченіе, но слабость больного все увеличивалась, и наконецъ 22 марта утромъ началась агонія. Сидя въ креслѣ, умирающій поэтъ говорилъ съ окружающими его родными, врачомъ и слугами о разныхъ предметахъ. Рѣчь его становилась все менѣе и менѣе ясною; послѣднія слова, которыя можно было разобрать, были: «Побольше свѣту!» Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ прислонился въ уголь кресла и тихо заснулъ навѣки. Великогерцогская усыпальница пріютила прахъ его рядомъ съ саркофагами Карла-Августа, великой герцогини Луизы и безсмертнаго друга его—Шиллера.

VIII.

Гете, какъ человекъ и дѣятель.

Личный характеръ Гете. — Его нравственность, религія, философскія и политическія убѣжденія. — Гете, какъ художникъ и поэтъ. — Его стихотворенія и главнѣйшія крупныя произведенія. — Гете, какъ естествоиспытатель. — Многосторонность его дѣятельности.

Обрисовать въ краткихъ чертахъ личность такого замѣчательнаго человека, какъ Гете, — задача нелегкая. Не легка она, во-первыхъ, вслѣдствіе сложности его характера, а во-вторыхъ, вслѣдствіе той субъективности, съ которою люди обыкновенно судятъ о характерахъ другихъ людей и которой всего болѣе слѣдуетъ избѣгать при сужденіи о великомъ человекѣ.

Одно не подлежитъ сомнѣнію: личность Гете была въ высшей степени обаятельна. Ребенкомъ онъ привлекалъ общее вниманіе и любовь своею красотой, въ особенности чудными глазами и роскошными кудрями, а также своею живостью, наблюдательностью и не

дѣтски самостоятельнымъ умомъ; какъ юноша, онъ избѣжалъ всѣхъ своей огненною, порывистою, гениальною натурою, а въ старости, сдѣлавшись чрезвычайно сдержаннымъ и спокойнымъ, внушалъ невольное почтеніе своимъ олимпійскимъ величіемъ. Что онъ былъ любимцемъ и баловнемъ женщинъ, на это указываетъ длинный рядъ его любовныхъ приключеній, начинающійся, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, любовью къ Гретхенъ и оканчивающійся лишь въ старости поэта увлеченіемъ Ульрикою фонъ-Левецовъ. Не меньшее очарованіе производилъ онъ и на мужчинъ, особенно въ блестящее время своей юности и въ расцвѣтъ «гениальнаго періода»; но и въ періодъ его старости, когда отъ него «вѣяло холодомъ», всѣ, кому выпадало на долю счастье видѣться и говорить съ нимъ, выносили изъ этого свиданія глубокое впечатлѣніе, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ примѣръ Наполеона I. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Гете былъ до нѣкоторой степени избалованъ такимъ всеобщимъ вниманіемъ къ нему, особенно въ первое время его жизни въ Веймарѣ, въ чемъ онъ и самъ сознается. «Я не могу себѣ представить, говорилъ онъ, болѣе претенціознаго человѣка, чѣмъ какимъ я былъ въ то время. Кажется, если бы мнѣ возложили на голову корону, то я принялъ бы это какъ нѣчто должное и совершенно естественное».

Весьма существенною чертою характера Гете была его чрезвычайная серьезность, заставлявшая его отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что ему случалось видѣть и узнавать. Черта эта начала проявляться съ самаго ранняго дѣтства и выразилась, между прочимъ, въ томъ, что гениальный ребенокъ очень любилъ общество взрослыхъ и старыхъ людей; въ юности эта же особенность характера была причиною, что ему скорѣе, чѣмъ кому либо другому, надобно шумныя удовольствія Веймарскаго двора. Рядомъ съ серьезностью, въ немъ было необыкновенно много любознательности, которая не давала ему долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, а побуждала обращаться все къ новымъ и новымъ занятіямъ и предпріятіямъ. Любознательность эта была естественнымъ слѣдствіемъ общей впечатлительности Гете, которая въ дѣтствѣ и въ ранней юности принимала иногда слишкомъ нервный, болѣзненный характеръ, отчасти вслѣдствіе того, что молодой поэтъ былъ почти постоянно окруженъ обществомъ женщинъ — матери, сестры, дѣвицы Клеттенбергъ. Отецъ Гете не безъ основанія счѣшилъ отправить Вольфганга въ Страсбургъ, отчасти именно съ цѣлью избавить его

отъ изнѣживающаго женскаго ухода. Впрочемъ, остатокъ этой болѣзненной впечатлительности сохранился у Гете на всю жизнь въ видѣ отвращенія ко всякимъ зрѣлищамъ разрушенія, страданія и смерти. Онъ не могъ, напр., спокойно видѣть похоронъ и не присутствовалъ на погребеніи своихъ лучшихъ друзей, Шиллера и Карла-Августа.

Благодаря своей любознательности, Гете уже въ дѣтствѣ обладалъ громаднымъ количествомъ свѣдѣній по самымъ различнымъ отраслямъ знанія и искусства. Его интересовали даже такіе сухіе предметы, которые, казалось бы, должны были совершенно чужды душѣ ребенка. Такъ, мы видѣли, что двѣнадцатилѣтній Гете по собственной инициативѣ сталъ изучать древне-еврейскій языкъ и долго бился надъ нимъ, преодолевая трудности сложной еврейской грамматики и головоломнаго еврейскаго письма. Правда, онъ имѣлъ при этомъ въ виду единственную цѣль: изучить Библію въ подлинникѣ; но это доказываетъ лишь, что на-ряду съ любознательностью юный поэтъ отличался и большою силою воли, которую онъ проявлялъ во многихъ случаяхъ своей жизни, умѣя въ критическіе моменты владѣть собой и находя въ себѣ достаточно самообладанія, чтобы отучаться отъ всего, что казалось ему достойнымъ порицанія, а также и переносить съ достоинствомъ самыя тяжкія потери.

Нѣтъ сомнѣнія, что менѣе геніальный человѣкъ, чѣмъ Гете, при такой широкой любознательности, какая была ему свойственна, бесполезно расточилъ бы свои таланты, «разбросался» бы безъ всякаго результата. Но Гете, благодаря своимъ необычнымъ дарованіямъ, оставилъ по себѣ глубокой слѣдъ почти во всѣхъ областяхъ знанія, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Правда, онъ чувствовалъ себя, все-таки, болѣе всего поэтомъ и иногда, въ старости, выражалъ даже сожалѣніе, что занимался въ своей жизни слишкомъ разнообразными предметами. «Я слишкомъ много потратилъ времени на такія вещи, которыя не принадлежали къ моей спеціальности, говорилъ онъ Эккерманну. Когда я подумаю, сколько сдѣлалъ Лопецъ де-Вега, то число моихъ поэтическихъ произведеній представляется мнѣ весьма незначительнымъ. Мнѣ слѣдовало бы болѣе держаться моего собственнаго ремесла... Если бы я меньше возился съ менералами и лучше употребилъ свое время, то я обладалъ бы прекраснѣйшимъ вѣнцомъ изъ лучшихъ алмазовъ». Но, во-первыхъ, поэтъ, занимаясь всѣми искусствами и науками, лишь слѣдовалъ неодолимому природному инстинкту, который по-

буждалъ его къ всестороннему развитію своего ума, а во-вторыхъ, едва-ли слѣдуетъ особенно жалѣть объ этомъ. По справедливому замѣчанію Фигофа, «изъ стремленія Гете къ универсальности произшли плоды, которыхъ нельзя было бы получить другимъ путемъ. Если мы и лишились черезъ это дюжины-другой поэтическихъ произведеній, то подобная потеря съ избыткомъ уравнивается великолѣпнымъ образцомъ богато и гармонически развитаго чело-вѣка, образцомъ, который не только восхищаль современниковъ, но и служить предметомъ поученія потомству».

Что Гете былъ чело-вѣкомъ колоссальнаго ума и необыкновенно талантливымъ, — объ этомъ не станетъ спорить никто. Но былъ ли онъ добрымъ и хорошимъ чело-вѣкомъ въ общепринятомъ смыслѣ, — вотъ вопросъ, на который отвѣчаютъ различно. Весьма распростра-нено мнѣніе, что Гете былъ эгоистъ, заботившійся лишь о своемъ собственномъ благополучіи, мало интересующаясь другими людьми. Мнѣніе это основывается главнымъ образомъ на той замкнутости, несообщительности и внѣшней холодности, которыя отличали Гете во вторую половину его жизни. Гете, дѣйствительно, могъ и долженъ былъ казаться эгоистомъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ письма Шиллера, касающіяся первыхъ свиданій его съ Гете; но именно исторія отношеній обоихъ великихъ поэтовъ служить луч-шимъ доказательствомъ, что Гете только казался эгоистомъ, но не былъ имъ въ дѣйствительности. Какъ почти все даровитые люди, Гете былъ чрезвычайно самолюбивъ и съ юныхъ лѣтъ зналъ себѣ цѣну; кромѣ того онъ всегда дорожилъ мнѣніемъ лишь немногихъ лицъ, пренебрегая одобреніемъ толпы. Какъ мы видѣли, зачатки презрѣнія къ ходячимъ людскимъ мнѣніямъ зародились у него еще въ раннемъ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ разговоровъ въ домѣ дѣда о Фридрихѣ Великомъ. Хотя Гете и говоритъ въ своей автобіо-графіи, что эти чувства презрѣнія и неуважительности къ людямъ современемъ ослабѣли, но на дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ. Длинный рядъ успѣховъ на различныхъ поприщахъ и громкая слава, а съ другой стороны осужденіе публикою тѣхъ изъ его произ-веденій, которыя онъ самъ высоко цѣнилъ и которыя, дѣйстви-тельно, отличаются выдающимися достоинствами (Ифигенія, Тассо, Эгмонтъ), — напротивъ, укрѣпили въ немъ недовѣріе и презрѣніе къ мнѣнію большинства, какъ это ясно видно изъ одного его сти-хотворенія, озаглавленнаго «Завѣщаніе», гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ:

И если ты свой умъ устроилъ,
 И твердо лозунгъ свой усвоилъ:
 „Что̀ плодотворно, только въ томъ
 Есть истина“, — то безъ волненья
 Толпы выслушивай всѣ мнѣнья
 И соглашайся — съ меньшинствомъ.

Такъ какъ Гете часто не стѣснялся открыто выражать этотъ свой взглядъ на мнѣніе публики и держалъ себя, большею частію, довольно недоступно и нѣсколько высококомѣрно, — то нѣтъ ничего мудренаго, что весьма многимъ лицамъ онъ казался, въ годы своей старости, несимпатичнымъ, и только люди, близко знавшіе его, могли видѣть, какое сердце скрывается подъ его напускною холодностью.

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, кажущаяся холодность Гете обуславливалась также многочисленностью и разнообразіемъ его интересовъ. При массѣ мыслей, идей и образовъ, которые постоянно роились въ его головѣ, при неудержимомъ, инстинктивномъ стремленіи творить, создавать, воплощать возникающія въ умѣ представленія, при той неутолимой любознательности, которая не покидала его до глубокой старости, до послѣдняго дня жизни, — удивительно ли, при этихъ условіяхъ, что Гете жилъ преимущественно своею богатою индивидуальною жизнью и склоненъ былъ уединяться отъ общества? Весьма многіе изъ тѣхъ, которые славятся добрыми людьми, готовыми всегда помочь или посочувствовать ближнему, пользуются такой репутаціей лишь благодаря малому развитію своей индивидуальности, бѣдности своей личной, внутренней жизни; человѣкъ-же, у котораго жизнь такъ полна, какъ она была у Гете, дѣлаетъ неисчислимое добро уже тѣмъ, что печется о всестороннемъ развитіи и приложеніи своихъ дарованій, на что нужно столько времени, спокойствія духа и свободы дѣйствій, что не остается ни малѣйшей возможности вести такой образъ жизни, какой ведутъ обыкновенные «добрые люди».

Если прибавить ко всему этому, что Гете въ зрѣломъ возрастѣ не терпѣлъ показной чувствительности и старался по возможности не выражать своихъ чувствъ передъ посторонними, какъ бы сознавая, что истинное чувство всегда стыдливо и скрытно, — то станетъ еще болѣе понятнымъ, что за нимъ укрѣпилась, во мнѣніи многихъ и многихъ, репутація человѣка холоднаго.

Къ счастью, сохранилось вполне достаточное количество неопровержимыхъ доказательствъ того, что нашему поэту совершенно чужда была всякая черствость души, что сердце его, по справедливости,

вому выраженію Юнга Штиллинга, было такъ-же велико, какъ и его умъ. Зная необычайную правдивость Гете, какъ лирическаго поэта, черпавшаго матеріалъ для своихъ стихотвореній почти исключительно изъ своей собственной жизни, нельзя не обратить вниманія на превосходную оду его «Божество въ человѣкѣ» (Das Göttliche), которая начинается слѣдующею строфою:

„Будь благороденъ человѣкъ,
Будь къ помощи готовъ и добръ!
Знай: только въ этомъ
Твое отличье
Отъ всѣхъ созданій,
Какихъ ты знаешь“.

Жизнь Гете богата фактами, доказывающими, что эти благородныя слова не были только словами. Много разъ помогаль онъ бѣднымъ людямъ, обращавшимся къ нему съ жалобами на свою судьбу; многихъ изъ своихъ знакомыхъ и друзей поддерживалъ онъ своимъ вліяніемъ и деньгами, даже когда его собственныя средства были еще весьма скудны. Еще въ первый годъ своего пребыванія въ Веймарѣ онъ устроилъ подписку въ пользу нуждающагося поэта Бюргера, а страсбургскому своему пріятелю Юнгу Штиллингу, обремененному долгами, послалъ тридцать луидоровъ, — сумму не маленькую для того времени, когда за свою «Стеллу» Гете получилъ гонораръ всего въ двадцать талеровъ. Гердеру, сильно допекавшему Гете своими рѣзкими выходками, поэтъ доставилъ выгодное мѣсто въ Веймарѣ и устроилъ воспитаніе дѣтей его на казенный счетъ. Чрезвычайно трогательна исторія сношеній Гете съ однимъ несчастнымъ ипохондрикомъ, котораго поэтъ много лѣтъ поддерживалъ деньгами и совѣтами, выплачивалъ ему пенсію изъ своего жалованья, снабжалъ платьемъ и разными другими вещами и наконецъ похоронилъ на свой счетъ. Имя этого бѣдняка осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ Гете тщательно скрывалъ, кому онъ оказываетъ благодѣянія. Какъ видно изъ этого примѣра, «великій язычникъ» Гете былъ *на дѣлѣ* гораздо болѣе христіаниномъ, чѣмъ многіе изъ ортодоксальныхъ вѣрующихъ. Чрезвычайно теплое участіе принималъ онъ также въ судьбахъ простонародья. Когда въ 1779 году разразился ужасный пожаръ въ мѣстечкѣ Апольдѣ, населенномъ ремесленниками (ткачами), Гете цѣлый день «жарился», помогая на пожарѣ, и впоследствии всячески хлопоталъ о погорѣльцахъ.

Этихъ фактовъ, кажется, достаточно, чтобы доказать, что Гете не былъ равнодушенъ къ бѣдствіямъ ближнихъ. Но есть и другія доказательства, что онъ обладалъ женственно-нѣжнымъ сердцемъ. Такъ, онъ чрезвычайно любилъ дѣтей и самъ былъ ихъ любимцемъ. Когда Гете долженъ былъ уѣхать изъ Вецлара, чтобы положить конецъ фальшивому положенію, въ которое онъ сталъ, влюбившись въ Шарлотту, невѣсту Кестнера, — то младшіе братья и сестры Лотты были крайне огорчены его отъѣздомъ. Въ Веймарѣ, сблизившись съ г-жею фонъ-Штейнъ, Гете сильно привязался къ ея сыну Фрицу и превосходно воспиталъ этого мальчика.

Чтобы закончить общій очеркъ личнаго характера Гете, укажемъ еще на одну черту, не имѣющую особеннаго значенія, но довольно интересную. Гете былъ довольно суевѣренъ. Онъ любилъ иногда вопрошать судьбу посредствомъ гаданія, вѣрилъ предчувствіямъ, вѣрилъ въ счастливые и несчастные дни и т. д. Такъ, однажды, проходя по берегу рѣки, онъ бросилъ сквозь кусты въ воду ножикъ, загадавъ, что если онъ увидитъ паденіе ножа въ воду, то ему слѣдуетъ заняться живописью, а если сквозь кусты этого паденія не будетъ видно, то ему не быть живописцемъ. 22-е марта Гете считалъ для себя несчастнымъ днемъ. Какъ извѣстно, онъ умеръ 22 марта 1832 года, и, какъ говорятъ, неоднократно спрашивалъ утромъ въ этотъ день, которое число. Эта склонность къ суевѣрію отчасти объясняется живою фантазіею поэта и прочнымъ вліяніемъ на него впечатлѣній дѣтства, когда умъ его былъ въ особенности расположенъ ко всему таинственному, чудесному.

Почти столь-же часто, какъ обвиненіе въ эгоизмѣ, взводили на Гете и другое обвиненіе — въ безнравственности. Еще въ ранней юности онъ имѣлъ въ глазахъ многихъ лицъ репутацію испорченнаго юноши вслѣдствіе того, что былъ замѣшанъ въ скандальную исторію съ Гретхенъ и ея веселою компаніею. Въ Лейпцигѣ на него тоже косились, особенно, когда онъ написалъ сатиру на профессора Клодіуса: графъ Линденау, узнавъ, что Бэришъ, служившій гувернеромъ при его сынѣ, водить знакомство съ Гете, сразу отказалъ Бэришу отъ мѣста. Клопштокъ, какъ мы видѣли, рѣзко упрекалъ Гете за дурное, будто-бы, вліяніе, которое онъ оказывалъ на герцога Карла - Августа. Особенно ополчились разные лица на нашего поэта послѣ выхода въ свѣтъ его «Римскихъ элегій», за

ихъ, будто-бы, безстыдную чувственность. «Вильгельмъ Мейстеръ» также считался безнравственнымъ произведеніемъ.

Какъ и по отношенію къ обвиненію въ эгоизмъ, Гете отчасти самъ способствовалъ распространенію мнѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ безнравственномъ. Пренебрегая мнѣніемъ толпы вообще, онъ считалъ себя одного высшимъ судьей своихъ поступковъ. Если ему что либо казалось справедливымъ и хорошимъ, то онъ не колебался поступить согласно съ своимъ взглядомъ и смѣло бросалъ перчатку общественному мнѣнію. Въ стихотвореніи «Завѣщаніе», отрывокъ изъ котораго мы приводили выше, Гете говоритъ:

„Направь свой взоръ пытливый
Во глубь души своей правдивой,
Чтобъ въ ней рѣшимость почерпнуть:
Тамъ высшихъ правилъ сводъ и повѣсть:
Самостоятельная совѣсть
Во всѣхъ дѣлахъ твой свѣточъ будь!“

Связь съ Христиной и наконецъ женитьба на ней, вопреки всѣмъ толкамъ и пересудамъ, достаточно доказываютъ, какъ самостоятеленъ и послѣдователенъ былъ Гете въ проведеніи принципа, высказаннаго въ только что приведенной строфѣ. Такое презрѣніе къ общепринятой условной морали никогда не проходитъ безнаказанно. «Существуетъ двоякая нравственность, говоритъ Фиготъ: общая и специальная. Первая проста, вѣчно и вездѣ имѣетъ силу; вторая измѣнчива для разныхъ странъ и временъ и отличается сложностью. По законамъ общей нравственности тотъ человѣкъ хорошъ, который, будучи свободенъ отъ эгоизма, любитъ ближнихъ, какъ самого себя; а по правиламъ специальной морали хорошъ только тотъ, который соблюдаетъ обычаи и нравы, рассчитанные на общее благо. Гете считалъ себя чистымъ съ точки зрѣнія общей нравственности и успокоивался на этомъ». Если-же вспомнить, что никто такъ не упрекалъ Гете въ безнравственности, какъ Веймарскія дамы, сами отличавшіяся изрядной распущенностью, и по свидѣтельству Шиллера, всѣ до одной хорошо знакомыя съ разными любовными приключеніями, — то нетрудно составить себѣ понятіе о томъ, чего стоила Веймарская «специальная нравственность».

Люди, для которыхъ условная мораль представляется неизблѣмымъ устоемъ общественной жизни, конечно, не могутъ не осуждать человѣка, склоннаго руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно внушеніями собственной совѣсти, хотя-бы онъ и старался

соблюдать при этомъ основное и высшее правило нравственности: не дѣлай и не желай другому того, чего не желаешь себѣ. По отношенію къ этому правилу Гете, дѣйствительно, имѣлъ основаніе не бояться упрековъ; что же касается условной морали, то въ жизни, какъ въ искусствѣ, онъ былъ склоненъ всегда стоять какъ можно ближе къ природѣ, мало обращалъ вниманія на сужденіе общества и могъ, конечно, казаться безнравственнымъ съ узкой точки зрѣнія нѣмецкихъ филистеровъ и филистершъ.

Смѣшно было бы оправдывать Гете въ тѣхъ кутежахъ и излишествахъ, которые онъ позволялъ себѣ въ молодости, какъ смѣшно было и называть его за это безнравственнымъ. Въ исторіи съ Гретхенъ онъ былъ замѣшанъ лишь какъ влюбленный въ эту дѣвушку, а о продолжкахъ компаніи узналъ послѣднимъ; если онъ велъ неправильную жизнь въ періодъ своего лейпцигскаго студенчества, то какой же студентъ никогда не кутилъ и что въ этихъ кутежахъ особенно безнравственнаго? Серьезнѣе тѣ обвиненія, которыя выставляютъ на видъ его непостоянство въ любви и нерасположеніе къ женитьбѣ. Дѣйствительно, когда читаешь исторію Фридерики Бріонъ, то сердце невольно сжимается отъ жалости къ этой милой, благородной дѣвушкѣ, которую Гете увлекъ и затѣмъ покинулъ. Но, во-первыхъ, отношенія его къ Фридерикѣ, какъ и къ другимъ дѣвушкамъ, которыми онъ увлекался, не заходили слишкомъ далеко, доказательствомъ чему служить то, что онъ или повыходили замужъ (Кетхенъ, Лотта, Лили), или же получали предложенія, отъ которыхъ отказывались по собственной волѣ (Фридерика). Во-вторыхъ, Гете самъ увлекся Фридерикою невольно и со всею искренностью и легкомысліемъ двадцатилѣтняго юноши, отъ котораго невозможно требовать, чтобы онъ съ перваго же дня знакомства съ симпатичною ему дѣвушкой разсуждалъ, можетъ ли онъ на ней жениться, или нѣтъ. Причина, по которой онъ на ней не женился, была, безъ сомнѣнія, та же, почему онъ не женился и на Лилѣ: онъ былъ увѣренъ, что бракъ этотъ не будетъ счастливъ, и потому рѣшился остановиться во время. Нерасположеніе Гете къ женитьбѣ является едва-ли не главнымъ его недостаткомъ въ глазахъ его нѣмецкихъ біографовъ. Забавно видѣть, какъ они собогъзнуютъ объ этой прискорбной, по ихъ мнѣнію, чертѣ въ жизни великаго поэта, какъ ставятъ ему въ примѣръ Шиллера, какъ находятъ чуть-ли не единственный недостатокъ г-жи фонъ-Штейнъ въ томъ, что она, будто-бы, удержала Гете отъ своевременной женитьбы.

Такъ и представляешь ихъ себѣ усердными союзниками г-жи Дельфъ, которая изъ силъ выбивалась, чтобы женить Гете на Лили или хоть на какойнибудь другой дѣвицѣ. Между тѣмъ, дѣйствительная причина, удерживавшая поэта отъ брака, заключалась, повидимому, въ сознаниі лежачихъ на немъ трудныхъ и многочисленныхъ задачъ и въ желаніи быть свободнымъ для подготовки къ исполненію этихъ задачъ. Всякая женитьба, хотя-бы и самая счастливая, до известной степени связываетъ человѣка, налагая на него многочисленныя обязанности. Карлосъ въ «Клавиго» Гете восклицаетъ: «Жениться! Жениться какъ разъ въ то время, когда жизнь только готовится развернуться во всю ширь! Основаться семейнымъ домомъ, ограничить себя, когда еще не совершилъ и половины своего пути, не сдѣлалъ еще и половины своихъ завоеваній!» Такія же мысли волновали, повидимому, и самого Гете, когда ему представлялась мысль о бракѣ. Свое духовное развитіе Гете счелъ приблизительно законченнымъ только послѣ поѣздки въ Италію, — и какъ разъ послѣ этой поѣздки онъ и сдѣлался семьяниномъ, хотя въ подруги жизни и выбралъ себѣ вовсе не такую женщину, какъ ожидали въ Веймарѣ. Разъ связавъ свою судьбу съ женщиной, онъ былъ уже примѣрнымъ супругомъ и отцомъ семейства.

Что касается сочиненій Гете, то въ настоящее время едва-ли кому либо придетъ въ голову считать безнравственными напр. «Римскія элегіи» или «Вильгельма Мейстера». Элегіи могутъ шокировать только тѣхъ, кого оскорбляютъ наивныя описанія Гомера, Овидія и другихъ древнихъ классиковъ или кого наводятъ на дурныя мысли обнаженныя мраморныя статуи великихъ мастеровъ скульптуры. «Вильгельмъ Мейстеръ» безнравственъ развѣ лишь тѣмъ, что въ немъ поэтъ совершенно объективенъ, не даетъ отъ себя никакихъ нравственныхъ сужденій о поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, — словомъ, по мѣткому выраженію Льюиса, мы въ этомъ произведеніи «не видимъ даже и полы проповѣдническаго стихаря».

Къ общимъ обвиненіямъ Гете въ безнравственности примыкаетъ и упрекъ, будто-бы онъ былъ честолюбивымъ и низкопоклоннымъ царедворцемъ. Много разъ обсуждался вопросъ, зачѣмъ Гете избралъ себѣ придворную карьеру, которая, будто-бы, затрудняла свободное развитіе его поэтическаго таланта. На этотъ вопросъ лучше всего отвѣчаетъ Льюисъ: «Гете долженъ былъ избрать себѣ какую-нибудь карьеру. Довольствоваться карьерой поэта и въ то время

было столь-же невозможно, какъ теперь; карьера эта весьма соблазнительна, она даетъ славу, но—не даетъ денегъ... Обвиняющіе его въ томъ, что онъ тратилъ время на придворныя пиршества и на такія правительственныя дѣла, которыя столь же хорошо, какъ и онъ, могли бы исполнить другіе, — должны бы хорошенько подумать, сберегъ ли бы онъ для себя время, еслибъ, напримѣръ, посвятилъ себя юриспруденціи и вынужденъ былъ бы толкаться по заламъ франкфуртскихъ судовъ». Если прибавить къ этому, что придворная карьера, обезпечивая Гете въ матеріальномъ отношеніи, давала ему громаднѣйшій жизненный опытъ и неисчислимый матеріаль для наблюденій надъ общественною жизнью, то выборъ этой карьеры станетъ понятнымъ и безъ предположенія, что поэта влекло къ ней честолюбіе. Что талантъ его все не ослабѣлъ отъ придворной жизни, достаточно доказывается тѣмъ фактомъ, что длинный рядъ своихъ лучшихъ произведеній Гете написалъ послѣ того, какъ поселился въ Веймарѣ. Что касается низкопоклонства передъ коронованными особами, то и этотъ упрекъ лишень всякаго основанія. Гете, правда, всегда соблюдалъ всѣ правила вѣжливости, а, когда нужно, и этикета, — но онъ не церемонился отказывать герцогу въ его просьбахъ, отказался явиться ко двору при приѣмѣ короля Виртембергскаго и вообще держалъ себя вполне независимо. Извѣстенъ анекдотъ о встрѣчѣ Гете и Бетховена въ Карлсбадѣ съ императрицею австрійскою: Гете очень вѣжливо раскланялся первый, а Бетховенъ ждалъ перваго поклона со стороны лицъ императорской фамиліи и только кое-какъ отвѣтилъ на этотъ поклонъ. Если этотъ анекдотъ о чемъ либо и свидѣтельствуетъ, то развѣ лишь о невоспитанности Бетховена, а не о низкопоклонствѣ Гете.

Религіозныя воззрѣнія Гете, какъ и его взглядъ на нравственность, не разъ были предметомъ сокрушенія со стороны его друзей и злобной критики со стороны враговъ. Обладая въ высшей степени самостоятельнымъ умомъ, Гете, какъ мы видѣли, съ самаго ранняго дѣтства интересовался религіозными вопросами и старался создать себѣ собственную религію. Подъ разными вліяніями, которымъ онъ подвергался въ теченіе своей жизни, онъ много разъ видоизмѣнялъ свои религіозныя воззрѣнія, но никогда, даже въ эпоху наибольшаго сближенія съ дѣвицею фонъ-Клеттенбергъ, не могъ онъ всецѣло примкнуть ни къ одной религіозной сектѣ. Би-

блю онъ глубоко чтить и чрезвычайно интересовался ею, но гораздо болѣе, какъ историческимъ и литературнымъ памятникомъ, чѣмъ какъ религіозною книгою. Чѣмъ болѣе онъ ознакомлялся съ естествознаніемъ и съ классическимъ искусствомъ, тѣмъ сильнѣе удалялся онъ отъ общепринятыхъ формъ религіи, а по возвращеніи изъ Италіи сталъ выражаться объ этихъ формахъ такъ рѣзко, что глубоко огорчилъ этимъ своихъ религіозныхъ друзей и заслужилъ прозвище «великаго язычника». Съ этого времени религіею Гете окончательно сдѣлался такъ называемый пантеизмъ, т. е. признаніе безличнаго божества, какъ животворной силы, разлитой въ природѣ и нераздѣльной съ нею. Гете вѣрилъ въ безсмертіе души, какъ это видно изъ разговора его съ Фалькомъ послѣ смерти Виланда. Вообще же его религія была скорѣе философски-эстетическая, чѣмъ этическая, хотя онъ чрезвычайно высоко цѣнилъ христіанское нравственное ученіе.

«Какъ бы ни была высока умственная культура, какъ бы глубоко и широко ни разрослось знаніе и ни расширилась умственная сфера человѣка, но не можетъ никогда человѣкъ стать выше той нравственной культуры, которая намъ свѣтитъ въ Евангеліи», говорилъ онъ Эккерманну. Выше мы видѣли, что съ нравственной стороны Гете нерѣдко выказывалъ себя человѣкомъ, поступающимъ, по отношенію къ ближнимъ, истинно по-христіански.

Изъ только что сдѣланнаго очерка этическихъ и религіозныхъ убѣжденій Гете отчасти выясняются и его философскія воззрѣнія. Какъ восторженный обожатель природы, какъ умъ, вполне самостоятельный и полагающійся единственно на собственный опытъ, Гете не могъ быть расположенъ къ метафизикѣ и неоднократно осмѣивалъ ее съ чрезвычайною мѣткостью и остроуміемъ. Изъ философскихъ системъ всего болѣе привлекали его ученія Спинозы и Канта; что же касается до личныхъ философскихъ воззрѣній Гете, то они чрезвычайно приближались къ положительной и эволюціонной философіи нашего времени. Онъ ставилъ себѣ правиломъ «изслѣдовать все, что доступно изслѣдованію, а на недоступное взирать съ безмолвнымъ уваженіемъ». Эта мысль прекрасно выражена въ словахъ Фауста:

Достаточно позналъ я этотъ свѣтъ,
А въ міръ другой — для насъ дороги нѣтъ.
Слѣпецъ, кто гордо носится съ мечтами,
Кто ищетъ равныхъ намъ за облаками!
Стань твердо здѣсь и вокругъ води свой взоръ:
Для мудраго и этотъ міръ не вздоръ.

Соотвѣтственно этому вполне позитивному взгляду смотрѣлъ Гете и на задачи человѣка по отношенію къ себѣ и къ другимъ людямъ. Цѣлью жизни онъ считалъ всестороннее развитіе всѣхъ способностей индивида, упражненіе ихъ въ борьбѣ съ трудностями и приложеніе ихъ на благо себѣ и другимъ людямъ. Поэтъ превосходно выразилъ это воззрѣніе въ трогательномъ и возвышенномъ предсмертномъ монологѣ Фауста. Чтобы сдѣлать этотъ монологъ болѣе понятнымъ для читателя, не лишнее будетъ напомнить вкратцѣ содержаніе четвертаго и пятаго актовъ этой поэмы. Императору которому Фаустъ помогъ одержать побѣду надъ мятежными вассалами, даетъ ему въ собственность часть морского берега. Для увеличенія своихъ владѣній Фаустъ, проводя каналы и воздвигая плотины, отвоевываетъ себѣ часть морского дна и устраиваетъ обширную страну, которая постоянно должна поддерживать свои плотины въ огражденіе отъ наводненій. Смерть застаётъ его за осушеніемъ болотъ въ этой странѣ:

Стоитъ болото, воздухъ заражая
И весь мой трудъ испортить угрожая:
Предовратить гнилой воды застою —
Вотъ высшій и послѣдній подвигъ мой!
Я цѣлый край создамъ обширный, новый,
И пусть миліоны здѣсь людей живутъ,
Всю жизнь, въ виду опасности суровой,
Надѣясь лишь на свой свободный трудъ.
Среди холмовъ, на плодоносномъ полѣ
Стадамъ и людямъ будетъ здѣсь приволье,
Рай зацвѣтетъ среди моихъ полянъ;
А тамъ, вдали, пусть яростно клокочетъ
Морская хлябь, пускай плотину точитъ:
Исправятъ мигомъ каждый въ ней изъянъ!
Да, мнѣ открыли долгой жизни годы
Законъ, который вѣчно не умретъ:
Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы,
Кто ежедневно съ бою ихъ беретъ.
Всю жизнь въ борьбѣ суровой, непрерывной
Дитя, и мужъ, и старецъ пусть ведетъ,
И я увижу, въ блескъ силы дивной,
Свободный край, свободный мой народъ!
Тогда то я скажу: мгновенье,
Прекрасно ты! Продлись, стой!
И не сметутъ столѣтья, безъ сомнѣнья,
Слѣда, оставленнаго мной!

Эти мужественныя, благородныя слова престарѣлаго Фауста представляютъ, въ то же время, profession de foi самого Гете, и

устанно работавшаго всю свою жизнь и оставившаго въ наукѣ и поэзіи глубокіе слѣды, которыхъ «не сметутъ столѣтъ»!

Что касается политическихъ убѣжденій Гете, то, какъ мы уже видѣли въ главѣ VII, онъ былъ весьма нерасположенъ въ политикѣ и всячески старался держаться въ сторонѣ отъ ея впечатлѣній. Какъ художникъ и мыслитель, занятый лишь высшими, отвлеченными интересами, онъ мало интересовался практической жизнью и мало понималъ ее. Такъ, онъ не понялъ французской революціи, не вѣрилъ въ возможность близкаго освобожденія Германіи отъ господства Наполеона, не могъ освоиться съ конституціонными порядками, которые были введены въ Веймарѣ съ 1816 года. Последнее было вполнѣ понятно при томъ пренебреженіи къ мнѣнію *большинства*, какимъ отличался Гете. Когда въ 1823 году ландтагъ потребовалъ отъ него отчета въ употребленіи денегъ, ассигнованныхъ на художественныя и научныя учрежденія, Гете разсердился, обидѣлся и послалъ пару строкъ, въ которыхъ были обозначены, безъ всякихъ подробностей, общія цифры прихода, расхода и остатка. Большинство депутатовъ расхохотались отъ души, когда имъ прочли этотъ курьезный «документъ», но другіе разсердились, и великой герцогинѣ стоило много труда уладить этотъ конфликтъ. Едва-ли нужно прибавлять, что всѣ счета и другіе оправдательные документы были у Гете въ порядкѣ, и что онъ не хотѣлъ представить ихъ палатѣ только потому, что не допускалъ недовѣрія къ своему слову. Какъ мало интересовался Гете политикою, показываетъ слѣдующій фактъ, сообщенный Эккерманномъ. Когда въ Веймарѣ пришла вѣсть объ іюльской революціи (1830), Соре, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Гете, отправился къ нему.

— Ну, спросилъ его поэтъ: что вы думаете объ этомъ великомъ событіи? Наступило изверженіе вулкана: теперь пойдутъ ужъ разговоры не при закрытыхъ дверяхъ!

— Страшная исторія, отвѣчалъ Соре: но чего же можно было и ожидать при такомъ министерствѣ?

Гете посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга, сказалъ онъ. Я совсѣмъ не объ этихъ вещахъ говорю. Я говорю вамъ о томъ, что произошло въ Парижской Академіи, о спорѣ первостепенной важности между Кювье и Жоффруа Сент-Илеромъ.

Отвращеніе Гете къ политикѣ послужило, какъ мы уже знаемъ, поводомъ къ обвиненію его въ отсутствіи патріотизма. Если подь

патріотизмомъ понимать не только любовь къ отечеству, но и національную ненависть, то Гете, конечно, былъ плохимъ патріотомъ, такъ какъ расовая ненависть была совершенно чужда душѣ его. «Между нами, говорилъ онъ Эккерманну, я никогда не ненавидѣлъ французовъ, хотя и радехонекъ былъ, что мы отъ нихъ избавились. Да и какъ бы я, для котораго важны только культура или варварство, могъ ненавидѣть націю, чуть не самую цивилизованную на свѣтѣ, которой я и самъ обязанъ значительною долею моего развитія?» Но, при полномъ отсутствіи всякой національной исключительности и ненависти, Гете вовсе не лишенъ былъ чувствъ любви къ отечеству, какъ не былъ лишенъ и національной гордости. Въ доказательство приведемъ весьма замѣчательный разговоръ его съ историкомъ Луденомъ (1813). «Не вѣрьте, говорилъ Гете, будто я равнодушенъ къ великимъ идеямъ свободы, національности, отечества. Нѣтъ, эти идеи составляютъ часть нашего существа, никто не можетъ отрѣшиться отъ нихъ. И судьбы Германіи я горячо принимаю къ сердцу. Я часто испытывалъ горькое чувство печали при мысли о нѣмецкомъ народѣ, который такъ почтененъ въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ и такъ ничтоженъ въ цѣломъ. Сравненіе нѣмецкаго народа съ другими націями возбуждаетъ въ насъ мучительныя чувства, которыя я такъ или иначе стараюсь заглушить въ себѣ. Въ наукѣ и искусствѣ нашелъ я крылья, которыя держатъ меня выше этихъ чувствъ, такъ какъ наука и искусство составляютъ міровое достояніе и предъ ними исчезаютъ границы національностей. Но утѣшеніе, доставляемое ими — все-таки лишь относительное утѣшеніе; оно не можетъ замѣнить гордаго сознанія, что принадлежишь къ великому, сильному, уважаемому и грозному народу. Также утѣшаетъ насъ и вѣра въ будущность Германіи, вѣра, которой я крѣпко держусь. Да, нѣмецкій народъ имѣетъ будущность. Въ настоящее время, говоря словами Наполеона, судьба нашей націи еще не созрѣла. Еслибы германцы не имѣли другой исторической задачи, какъ разрушеніе римской имперіи и созданіе новаго міра на ея развалинахъ, — то они давно бы погибли. Но они удѣлѣли и при томъ настолько еще сильны и даровиты, что имъ навѣрное предстоитъ еще что-нибудь великое, нѣчто настолько же большее ихъ прежнихъ подвиговъ, насколько выше стало ихъ образованіе и развитіе. Но времени и случая, когда это произойдетъ, невозможно предвидѣть, какъ нѣтъ возможности ускорить наступленіе этого момента. Намъ, отдѣльнымъ лицамъ, остается пока

лишь увеличивать и распространять развитіе нашего народа, добросовѣстно трудясь соотвѣтственно своимъ дарованіямъ, склонностямъ и общественному положенію, увеличивать это развитіе какъ въ низшихъ, такъ, въ особенности, въ высшихъ слояхъ, чтобы не оставаться позади другихъ націй, но даже стоять въ этихъ отношеніяхъ впереди ихъ; тогда духъ нашъ не будетъ падать, а останется бодрымъ и веселымъ, и мы будемъ способны ко всякому великому подвигу, когда наступитъ день славы».

Мы привели эту довольно длинную выписку, во-первыхъ, потому, что она заключаетъ въ себѣ истинно золотыя слова, изъ которыхъ ни одного нельзя выпустить, а во-вторыхъ, потому, что они вполне убѣдительно опровергаютъ нелѣпое мнѣніе, будто бы Гете не дорожилъ судьбою своего отечества: напротивъ, онъ дорожилъ ею больше, чѣмъ кто либо, и любилъ свою родину вышею, благороднѣйшею любовью.

Переходя къ характеристикѣ Гете, какъ художника и поэта, мы должны оговориться, что будемъ здѣсь очень кратки, такъ какъ художественная дѣятельность его настолько колоссальна, что о ней нужно говорить или очень много, или лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Изъ біографіи Гете видно, что онъ интересовался и увлекался всѣми изящными искусствами. Чрезвычайно интересовала его живопись. При своей склонности къ непосредственному созерцанію и изображенію природы онъ, какъ мы видѣли, долго колебался въ окончательномъ выборѣ своего художественнаго призванія, и хотя уже съ дѣтства чувствовалъ себя поэтомъ, но сомнѣвался, не слѣдуетъ ли ему сдѣлаться живописцемъ. Не смотря на свою малоспособность къ рисованію, онъ упорно упражнялся въ этомъ искусствѣ, и въ Римѣ, какъ мы знаемъ, прилагалъ всѣ свои усилія въ этомъ направленіи. Также увлекался онъ и скульптурой и самъ пробовалъ лѣпить изъ глины. Только послѣ долгой борьбы онъ убѣдился, что не сдѣлаетъ на поприщѣ живописи и ваянія ровно ничего. «Изъ моего долгаго пребыванія въ Римѣ я извлекъ ту пользу, писалъ онъ, что я окончательно отказываюсь отъ мысли сдѣлаться живописцемъ». Музыка также была ему весьма пріятна, а въ старости, особенно послѣ сближенія съ Цельтеромъ, сдѣлалась даже его настоятельною потребностью; но степень его знакомства съ музыкою и его музыкальнаго развитія была, повидимому, не особенно высока, хотя онъ составилъ «таблицу къ ученію о звукахъ» (въ

письмахъ къ Цельтеру), содержащую въ себѣ, какъ увѣряютъ, весьма замѣчательную систему философіи музыки. Настоящею сферою его художественной дѣятельности, помимо эстетической критики, въ которой Гете обнаруживалъ массу знанія и вкуса, была, конечно, поэзія, — Гете былъ величайшій мастеръ слова и, въ особенности, стиха.

Какъ поэтъ, Гете былъ болѣе всего и прежде всего лирикомъ. Лирическія стихотворенія его, болшею частью почерпнутыя прямо изъ его собственной жизни, отличаются необыкновенною прелестью, правдивостью и простотою изображенія, а также красотой формы. Лирическое направленіе преобладаетъ и въ тѣхъ его произведеніяхъ, которыя относятся, собственно, къ драматическому роду поэзіи. Такъ, «Фаустъ», носящій названіе «трагедіи», въ сущности долженъ бы называться драматическою поэмою, такъ какъ состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ сценъ, мало между собою связанныхъ и имѣющихъ часто совершенно лирическій характеръ.

Драмы Гете болшею частью не сценичны, страдаютъ отсутствіемъ драматическаго движенія, монологи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ длинны и требуютъ отъ слушателя черезчуръ напряженнаго вниманія. Причиною этого является стремленіе Гете выразить преимущественно внутреннюю, душевную жизнь своихъ героевъ, т. е. и въ драмахъ онъ остается по преимуществу лирикомъ. Это происходитъ, впрочемъ, не отъ неспособности Гете сообщать драматическое движеніе своимъ трагедіямъ. Какъ драматургъ, онъ, конечно, вообще не можетъ быть поставленъ рядомъ съ Шекспиромъ, но нѣкоторыя сцены и пьесы его показываютъ, что онъ могъ бы быть драматургомъ въ гораздо болшей степени, чѣмъ достигъ этого въ «Ифигеніи», «Эгмонтѣ», «Тассо». Заключительная сцена первой части «Фауста» (Маргарита въ тюрьмѣ), по единогласному свидѣтельству критиковъ, полна драматической жизни и трагизмомъ своимъ производить такое потрясающее впечатлѣніе, что ее можно поставить наряду съ лучшими драматическими сценами Шекспира. Драма «Клавиго», которую критика ставитъ не высоко въ эстетическомъ отношеніи, зато отличается ясностью и сценичностью; пьеса легко читается и еще легче смотрится на сценѣ. Очевидно, Гете не столько не могъ, сколько *не желалъ* быть писателемъ для театра. Медленнымъ развитіемъ дѣйствія, обиліемъ лирическихъ и иныхъ отступленій, а также черезчуръ длинными описаніями разныхъ подробностей отличаются также и романы Гете. Навболѣе ли-

рическимъ романомъ являются «Страданія молодого Вертера», — романъ, отличающійся также сентиментальностью. Другіе романы нашего поэта гораздо болѣе спокойны и чрезвычайно реалистичны, чѣмъ отличаются въ особенности «Вильгельмъ Мейстеръ», т. е. собственно его первая часть (Годы странствованія). Въ эпической поэзіи Гете показали себя замѣчательнымъ мастеромъ, написавъ «Германа и Доротею». Словомъ, онъ обнаружилъ громадный талантъ во всѣхъ родахъ изящной литературы, но, повторяемъ, выше всего онъ былъ въ лирической поэзіи. Какъ романистъ и драматургъ, онъ имѣетъ много слабыхъ сторонъ, какъ лирикъ — онъ безукоризненъ и недосягаемъ.

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы не можемъ излагать содержанія отдѣльныхъ произведеній Гете; кто желаетъ ближе познакомиться съ ними и съ критикою ихъ, того мы отсылаемъ прямо къ сочиненіямъ великаго поэта и къ тѣмъ литературнымъ источникамъ, которые указаны въ предисловіи къ настоящей біографіи. Здѣсь же мы ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями о капитальнѣйшемъ изъ произведеній Гете — «Фаустѣ», и не только потому, что это произведеніе представляетъ собою лучшій, драгоцѣнный камень въ великолѣпной коронѣ царя поэтовъ, но и потому, что «Фаустъ» имѣетъ громадное біографическое значеніе, на которое нельзя не обратить вниманія въ жизнеописаніи Гете.

Въ литературѣ всѣхъ временъ и народовъ не найдется другого произведенія, которое такъ тѣсно было бы связано съ жизнью автора, какъ «Фаустъ» Гете. «Фаустъ», можно сказать, росъ, развивался, совершенствовался и состарѣлся вмѣстѣ съ поэтомъ. Еще ребенкомъ, бѣгая по улицамъ Франкфурта и покупая книжки у букинистовъ, познакомился Гете съ легендою о «Фаустѣ», а странствующие комедіанты, представляя кукольную комедію о докторѣ чародѣѣ (какъ у насъ на улицахъ представляютъ «Петрушку»), придали этой легендѣ въ глазахъ юнаго поэта еще больше интереса и образности. Въ студенческіе свои годы Гете, какъ мы видѣли, чрезвычайно много думалъ о фабулѣ этой кукольной комедіи, которая привлекала его тѣмъ болѣе, что въ стремленіяхъ Фауста онъ находилъ много общаго съ своими собственными стремленіями. Какъ Фаустъ, онъ стремился къ неограниченному знанію; какъ Фаустъ, онъ занимался всевозможными науками, не исключая даже магіи и алхиміи, которыми онъ одно время сильно увлекался подъ мистическимъ вліяніемъ дѣвицы Клеттенбергъ и ея пріятеля-врача. Изображеніе любви

Фауста къ Маргаритѣ обязано своею живостью сердечнымъ волненіямъ, которыми такъ богата была жизнь молодого Гете; имя Гретхенъ онъ заимствовалъ изъ исторіи своей первой любви, а съ нравственной стороны въ Маргаритѣ воплощена, повидимому, въ значительной мѣрѣ, Фридерика. Какъ Гете, сперва вращавшійся въ средѣ студентовъ и бюргеровъ, впослѣдствіи вступилъ въ большой свѣтъ, переселившись въ Веймаръ, такъ и Фаустъ, ознакомившись съ волненіями «малаго свѣта», появляется при дворѣ императора; какъ Гете бѣжитъ отъ туманнаго нѣмецкаго романтизма и ищетъ возрожденія подъ яснымъ небомъ Италіи,—такъ и Фаустъ отправляется въ Грецію отыскивать царицу красоты—Елену. Конечный жизненный идеалъ Гете и Фауста, какъ читатель могъ убѣдиться изъ вышеприведенныхъ выписокъ,—одинъ и тотъ же. Словомъ, между стремленіями, характеромъ и убѣжденіями героя поэмы и автора ея существуетъ полный параллелизмъ.

✓ Начавъ «Фауста» двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, Гете окончилъ его менѣе, чѣмъ за годъ до своей смерти; другими словами, эта колоссальная драматическая поэма создавалась понемногу и съ большими перерывами, въ теченіе шестидесяти лѣтъ. Понятно, что связь разныхъ сценъ ея, написанныхъ въ различные возрасты поэта, не всегда достаточно ясна и непринужденна и что сцены эти не всѣ одинаковаго достоинства. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы въ «Фаустѣ» не было единого общаго плана, чтобы вторая часть его, какъ утверждаютъ многіе, представляла собою нѣчто совершенно отдѣльное отъ первой части. Нѣтъ сомнѣнія, что планъ поэмы подвергался съ теченіемъ времени детальнымъ измѣненіямъ, что когда Гете писалъ первыя сцены, то, какъ Пушкинъ въ своемъ «Онѣгинѣ», «далъ свободнаго романа, какъ сквозь магическій кристаллъ, еще неясно различалъ»; но съ другой стороны, по совершенно справедливому замѣчанію Фигофа, «вполнѣ достовѣрно, что ранѣе, чѣмъ первая часть была окончена, Гете уже ясно представлялъ себѣ дальнѣйшій жизненный путь Фауста и развязку поэмы». Развязка эта предрѣшена уже въ «прологѣ на небесахъ» и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первой части, какъ это можно доказать при подробномъ разборѣ «Фауста». Будучи связана съ первою частью единствомъ плана, вторая часть заключаетъ въ себѣ высказанное въ предсмертномъ монологѣ «Фауста» рѣшеніе жизненной проблемы, которая въ первой части только поставлена. Поэтому первая часть безъ второй представляетъ только отрывокъ; но отрывокъ этотъ,

по своему художественному достоинству, стоитъ въ общемъ замѣтно выше второй части, носящей на себѣ явственный отпечатокъ старости поэта. Правда, и во второй части есть мѣста, неподражаемая по силѣ и красотѣ, а съ другой стороны и первая часть не свободна отъ недостатковъ, болѣе всего портящихъ вторую: она не лишена мѣстами весьма туманнаго символизма и вставокъ, совершенно постороннихъ дѣлямъ поэмы. Такъ, въ первой части находится интермедія «Сонъ въ Вальпургіеву ночь», представляющая собою группу эпиграммъ, не вошедшихъ въ сборникъ «Ксеніи», эпиграммъ, которыя Гете не зналъ, куда дѣвать, и рѣшился, наконецъ, включить ихъ въ «Фауста». Вторая часть, впрочемъ, гораздо болѣе первой грѣшитъ подобными посторонними включеніями. При чтеніи надо умѣть отдѣлять ихъ отъ сути, и это то и составляетъ одно изъ существенныхъ затрудненій въ пониманіи второй части «Фауста». До какой степени Гете иногда злоупотреблялъ этимъ безцеремоннымъ и противохудожественнымъ приѣмомъ, показываетъ исторія возникновенія романа «Годы странствованія Вильгельма Мейстера». Романъ этотъ составилъ изъ ряда мелкихъ повѣстей, написанныхъ въ разное время; сперва эти повѣсти кое-какъ соединены были общею нитью, но потомъ Гете прибавилъ къ нимъ еще массу разнохарактернаго матеріала, чтобы не пропали даромъ разныя недодѣланныя вещи, сохранявшіяся въ его архивѣ. Такимъ образомъ составила рукопись, которую Гете предположилъ распределить въ три тома; но при печатаніи оказалось, что рукопись была переписана слишкомъ разгонию, такъ что два послѣдніе тома вышли бы слишкомъ тощи. Тогда Гете, не долго думая, собралъ еще листовъ на шесть-на восемь всякихъ обрывковъ въ видѣ разныхъ мелкихъ замѣтокъ, изреченій и т. п. и составилъ изъ этого двѣ главы, которыя и приклеилъ къ своему роману, для утолщенія его. Получилось Богъ знаетъ что; публика недоумѣвала и сердилась, а Гете смѣялся. Эта исторія наглядно показываетъ, какъ мало дорожилъ онъ мнѣніемъ публики.

Намъ остается обрисовать еще въ краткихъ чертахъ научную дѣятельность Гете. Изъ біографіи его видно, что онъ чрезвычайно интересовался естественными науками: минералогіей, геологіей, ботаникой, зоологіей, — собственно сравнительной анатоміей, — оптикой и метеорологіей.

Какъ натуралистъ, Гете болѣе теоретикъ и философъ, чѣмъ кропотливый добыватель фактовъ. Въ наукахъ, методъ которыхъ, по

преимуществу, индуктивный, Гете шелъ путемъ дедукціи и, благодаря этому, если исходная точка его была вѣрна, достигалъ блестящихъ результатовъ, если же онъ исходилъ изъ невѣрныхъ положеній, то все болѣе и болѣе заблуждался, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе данная наука требовала приложенія индуктивнаго метода. Шиллеръ въ слѣдующихъ словахъ чрезвычайно мѣтко характеризуетъ направленіе научной дѣятельности Гете (въ письмѣ къ нему): «Вы ищете въ природѣ необходимаго, но ищете его на самомъ трудномъ пути, котораго остерегается каждый человѣкъ болѣе слабыхъ силъ, чѣмъ ваши. Вы берете всю природу въ цѣломъ, чтобы пролить свѣтъ на отдѣльныя ея части; во всеобщности всѣхъ родовъ явленій ищете вы основъ къ объясненію всего индивидуальнаго».

Въ минералогіи Гете былъ очень хорошимъ для своего времени знатокомъ минераловъ и горныхъ породъ, а въ геологіи—рьянымъ противникомъ вулканизма и болѣе симпатизировалъ нептунической теоріи Вернера. Какъ въ политикѣ революціи и войны были противны душѣ Гете, такъ и въ исторіи развитія земной коры онъ не хотѣлъ признать видной роли за внезапными измѣненіями и переворотами.

„Чтобъ росли, цвѣли природы чада,
Переворотовъ глухихъ ей не надо“,

говорить онъ устами «Фауста». Гете склонялся скорѣе къ допущенію медленнаго и постояннаго измѣненія земли преимущественно подъ вліяніемъ водъ океана, приближаясь въ этомъ отношеніи къ тому взгляду, который впоследствии мастерски былъ развитъ Ляйаллемъ и получилъ общее признаніе въ наукѣ.

Если въ минералогіи и геологіи Гете лишь былъ *au courant* современнаго ему состоянія науки и довольствовался тѣмъ, что составилъ себѣ самостоятельное теоретическое представленіе о развитіи неорганическаго міра, то въ біологіи онъ былъ творцомъ новыхъ теорій и открылъ нѣкоторые замѣчательные факты общаго значенія. Въ ботаникѣ онъ много занимался ученіемъ о метаморфозѣ растеній и пришелъ къ теоріи, по которой разныя части цвѣтка,—чашечка, вѣнчикъ, тычинки, пестики,—представляютъ собою не что иное, какъ видоизмѣненіе одного и того же основнаго органа—листа. Такимъ образомъ онъ установилъ единство плана въ строеніи различныхъ органовъ растенія. Подобная идея была высказана уже ранѣе знаменитымъ эмбриологомъ Каспаромъ-Фридрихомъ Вольфомъ, но Гете впервые развилъ эту идею въ стройную

теорію, которая впоследствии была оценена ботаниками и принесла большую пользу наукъ. Что касается зоологіи, то Гете увлекался преимущественно такою, казалось бы, сухою ея частью, какъ учение о костяхъ (остеологія), старался найти единство плана въ строеніи нѣкоторыхъ частей скелета, а также и въ строеніи различныхъ животныхъ. Результатами этихъ изслѣдованій были: открытіе межчелюстной кости у человѣка, позвоночная теорія черепа, трактатъ о метаморфозѣ животныхъ и множество замѣтокъ, подъ общимъ заглавіемъ «о морфологіи», замѣтокъ, нѣрѣдко весьма замѣчательныхъ и цѣнныхъ. Что касается парной межчелюстной кости, которая помѣщается между обѣими верхними челюстями и несетъ въ себѣ рѣзцы (у млекопитающихъ), то отсутствіе этой кости у человѣка (рѣзцы у него помѣщаются въ верхнечелюстныхъ костяхъ) считалось современными Гете анатомами за одно изъ важнѣйшихъ отличій человѣка отъ животныхъ. Въ виду общаго сходства организаціи человѣка и другихъ млекопитающихъ, Гете, согласно своей идеѣ о единствѣ плана въ строеніи близкихъ организмовъ, предположилъ, что кость эта должна быть и у человѣка. И дѣйствительно, сравнивая между собою множество человѣческихъ череповъ, онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ межчелюстную кость. Важное открытіе это было столь неожиданно, что оно не сразу признано было анатомами. Въ настоящее время мы знаемъ изъ исторіи развитія, что межчелюстная кость *всегда* бываетъ у человѣка въ зародышевомъ состояніи, но вскорѣ сливается съ верхнечелюстною; такимъ образомъ присутствіе отдѣльной межчелюстной кости во взросломъ человѣческомъ черепѣ сводится на случайную, мѣстную задержку развитія. Если находка этой кости у человѣка представляетъ собою замѣчательное открытіе, сдѣланное нашимъ поэтомъ путемъ дедукціи, то еще болѣе интересна съ философской стороны его позвоночная теорія черепа. По этой теоріи черепъ есть не что иное, какъ видоизмѣненное продолженіе позвоночнаго столба, съ которымъ онъ устроенъ, въ основныхъ частяхъ, по одному общему плану, т. е. состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, лежащихъ въ рядъ одна за другою и представляющихъ собою черепные позвонки. Теорія эта высказана была также Океномъ, который даже оспаривалъ у Гете первенство этой идеи, — но есть несомнѣнные доказательства, что Гете первый пришелъ къ позвоночной теоріи черепа, хотя Окенъ ранѣе его опубликовалъ свои мысли. Въ новѣйшее время эта теорія подверглась значительнымъ измѣненіямъ со стороны различ-

ныхъ ученыхъ (Гегенбауръ, фанъ Виге, Дорнъ и другіе), такъ что стала почти неузнаваемою. Здѣсь не мѣсто излагать подробно современное состояніе этой теоріи; укажемъ только, что, хотя существованіе костяныхъ позвонковъ въ черепѣ въ настоящее время и отвергнуто, но голова считается все-таки видоизмѣненнымъ продолженіемъ туловища, представляющимъ въ зародышевой жизни, еще ранѣе образованія скелета, расчлененіе, сходное съ расчлененіемъ туловища. Теорія Гете была, во всякомъ случаѣ, необходимою ступенью въ развитіи этого воззрѣнія на черепъ и, слѣдовательно, со- служила важную службу наукъ. Основная идея его, что голова и туловище обнаруживаютъ въ своемъ строеніи одинъ общій планъ, оказалась вѣрною.

Въ трактатѣ о метаморфозѣ животныхъ и въ своихъ замѣткахъ о морфологіи Гете высказалъ множество мѣткихъ и глубокихъ мыслей объ измѣненіи организмовъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, о соотношеніи (корреляціи) органовъ, о постепенномъ совершенствованіи животныхъ видовъ, о составѣ сложнаго организма изъ многихъ до извѣстной степени самостоятельныхъ частей и т. д. Многія изъ этихъ мыслей предвосхищаютъ различныя положенія современной намъ эволюціонной теоріи, но изложены настолько обще и туманно, что являются скорѣе геніальными предугадываніями, чѣмъ зачатками научной теоріи.

Гораздо менѣе удачна была дѣятельность Гете по части физики. Какъ художникъ и страстный любитель живописи, онъ чрезвычайно интересовался ученіемъ о цвѣтахъ. Ньютоновская теорія, по которой бѣлый цвѣтъ есть результатъ смѣшенія цвѣтныхъ лучей солнечнаго спектра, казалось ему неестественной. На основаніи нѣсколькихъ наблюденій и опытовъ Гете пришелъ къ убѣжденію, что бѣлый цвѣтъ есть простой однородный и что всѣ другіе цвѣта происходятъ черезъ смѣшеніе свѣта и темноты. Если, напр., источникъ свѣта находится позади полупрозрачной среды различной плотности, то просвѣчивающіе лучи будутъ, смотря по плотности среды, отъ желтаго до краснаго цвѣта; если же черезъ освѣщенную полупрозрачную среду просвѣчиваетъ темный фонъ, то получаютъ оттѣнки синяго цвѣта. Всѣ эти явленія вполне объясняются, однако, и Ньютоновой теоріей, а съ другой стороны есть много явленій, необъяснимыхъ по теоріи Гете. Поэтому Гетева цвѣтовая теорія не имѣла никакого успѣха какъ разъ среди лицъ компетентныхъ въ физикѣ, хотя ею увлекались нѣкоторые художники, философы и

проч. Привыкнувъ къ недовѣрiю и непониманiю своихъ научныхъ трудовъ не только со стороны публики, но и со стороны ученыхъ педантовъ, медлившихъ признанiемъ его открытiй даже въ тѣхъ случаяхъ, когда истина была на его сторонѣ, — Гете считалъ себя правымъ и въ своей цвѣтовой теорiи, и даже ставилъ себѣ въ особенную заслугу, что онъ, будто бы, одинъ среди своихъ современниковъ нашелъ ключъ къ истинному пониманiю цвѣтовыхъ феноменовъ. Въ этомъ случаѣ онъ жестоко ошибся. Невѣрна была его исходная точка, — признанiе свѣта и темноты за два равноправные фактора въ произведенiи цвѣтовъ, между тѣмъ, какъ темнота не есть что либо положительное, а есть лишь простое отсутствiе свѣта. Весьма несовершенны были также и методы изслѣдованiя, которыми Гете пользовался въ физикѣ, — наукѣ, требующей точной и нерѣдко весьма сложной обстановки опытовъ. Вообще, Гете въ физикѣ былъ не въ своей сферѣ. Онъ имѣлъ большой талантъ, какъ *наблюдатель*, но былъ плохимъ *экспериментаторомъ* и былъ несвѣдущъ въ математикѣ; между тѣмъ физика есть наука именно наполовину экспериментальная, наполовину математическая, а прямое наблюденiе играетъ въ ней сравнительно менѣе значительную роль. Вотъ почему онъ пришелъ къ ложному представленiю о причинахъ цвѣтовыхъ явленiй и построилъ неудачную теорiю.

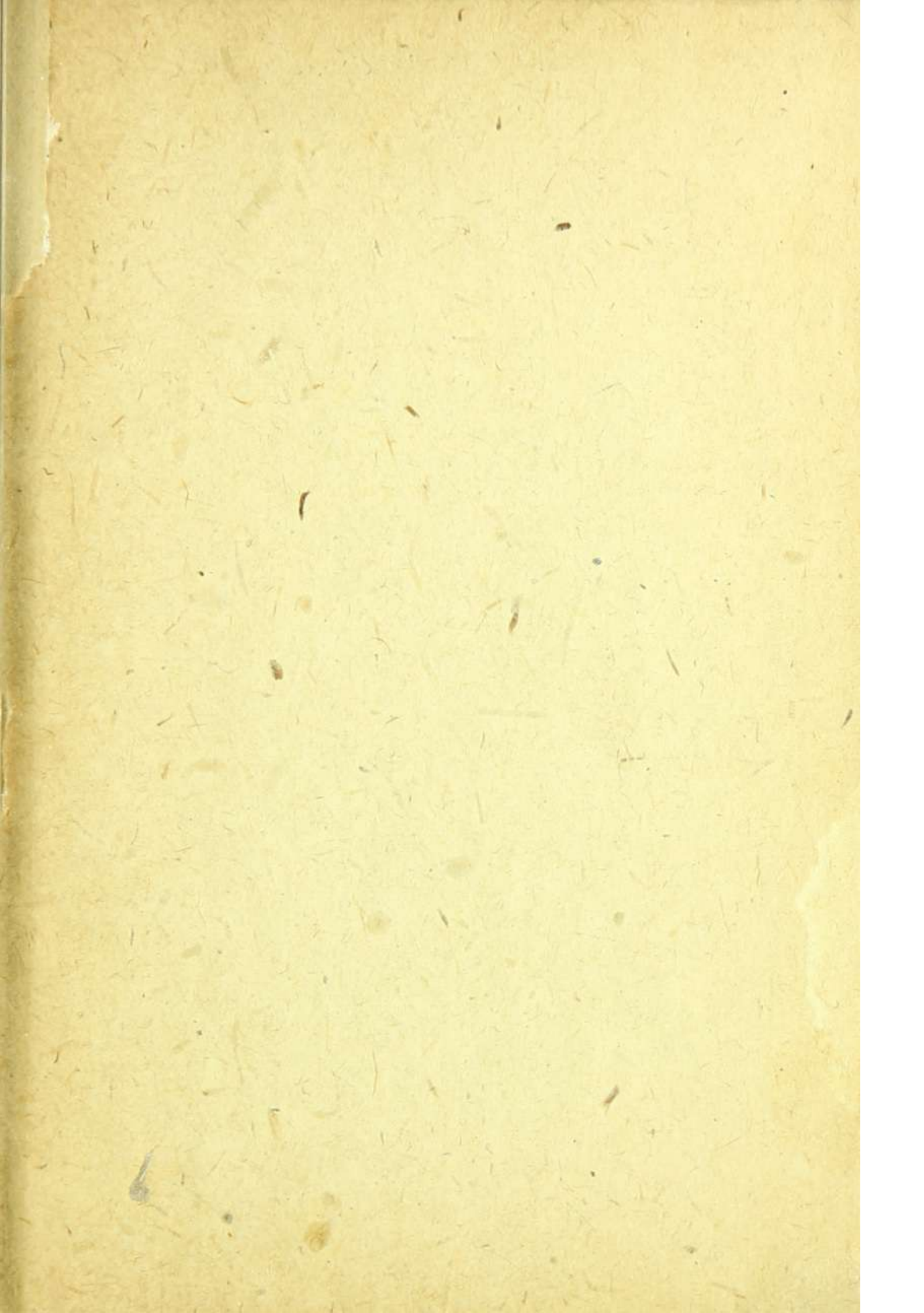
Въ метеорологiи Гете былъ ревностнымъ послѣдователемъ Говарда и написалъ, кромѣ ряда замѣтокъ объ атмосферѣ и облакахъ, очеркъ ученiя о погодѣ.

Изъ обзора научной дѣятельности Гете видно, что особенно плодотворны были его труды въ ботаникѣ и зоологiи, т. е. въ наукахъ, изучающихъ организованную природу. Заслуги его въ этихъ наукахъ пользуются общимъ признанiемъ, котораго не могли подорвать нападки нѣкоторыхъ ученыхъ (напр. Дюбуа-Реймона). Теорiя метаморфозы растенiй, открытiе межчелюстной кости у человѣка, позвоночная теорiя черепа всегда останутся цѣнными вкладами въ науку, вкладами, заставляющими признать, что по крайней мѣрѣ въ биологiи Гете не былъ простымъ любителемъ, диллетантомъ, но явился настоящимъ ученымъ и носителемъ новыхъ, плодотворныхъ идей.

Заканчивая нашу характеристику Гете, какъ дѣятеля на поприщѣ наукъ и искусствъ, мы не можемъ не указать еще разъ на поразительную многосторонность этой дѣятельности. Баловень судьбы, въ теченiе всей своей долгой и счастливой жизни безустанно стре-

мился онъ развивать и прилагать свои роскошныя дарованія, и результатомъ этихъ стремленій было достиженіе такого гармоническаго развитія, такого совершенства, какое только доступно человѣку. Пусть говорятъ, что онъ занимался наукою въ ущербъ поэзіи; пусть онъ самъ иногда жалѣлъ объ этомъ, — счастье для человѣчества, что въ жизни своей онъ всегда слѣдовалъ внушеніямъ своего многосторонняго генія! Его упрекали вѣдь и въ томъ, что онъ слишкомъ заботился о развитіи своего художественнаго вкуса и не удовлетворялся тѣмъ непосредственнымъ поэтическимъ наитіемъ, подѣ влияніемъ котораго были созданы Гецъ и Вертеръ. Еслибы онъ ограничился непосредственнымъ поэтическимъ творчествомъ и зарылъ въ землю другіе свои таланты, онъ былъ бы, конечно, все-таки великъ, но геній его можно было бы сравнить съ дикимъ, необдѣланнымъ, хотя и громаднымъ алмазомъ: лишь путемъ долгой, трудолюбивой обработки алмазь этотъ превратился въ брилліантъ ослѣпительной красоты, отразившій своими многочисленными гранями весь чудный Божій міръ и весь духовный міръ человѣка!...

Нечего и говорить конечно, что Гете составляетъ вѣчную гордость и славу Германіи, которая чтитъ своего величайшаго поэта и заботливо изучаетъ богатое литературное наслѣдіе, оставленное имъ потомству. Сочиненіямъ его посвящена громадная литература, а въ 1885 году учреждено въ Веймарѣ «Гетевское общество», спеціально занимающееся изученіемъ всего относящагося къ жизни и твореніямъ Гете и состоявшее уже въ 1886 году изъ 2.500 членовъ. Съ 1880 года издается «Гетевскій журналъ», который перешелъ въ вѣдѣніе Гетевского Общества; домъ Гете въ Веймарѣ превращенъ въ Гетевскій музей. Но творенія Гете не остаются достояніемъ одной Германіи: ихъ читаютъ и изучаютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ и главнѣйшія изъ нихъ переведены почти на всѣ европейскіе языки, иногда по нѣсколько разъ. Одинъ «Вертеръ» существуетъ напр. въ 20 переводахъ на французскій языкъ; русскихъ переводовъ первой части «Фауста» насчитывается девять, а второй части — четыре. Одно уже обиліе этихъ переводовъ достаточно доказываетъ глубокой общечеловѣческой интересъ, присущій бессмертнымъ твореніямъ Гете.

300-00

